

**Анатолий
Жилкин**

**БЕДА, КОГДА В ПОЛЕ
ЛЕБЕДА**

Москва
2015

УДК 821.161.1.

ББК 84 (2Рос=Рус)

Ж 72

Жилкин А.

Ж 72 Беда, когда в поле лебеда / Анатолий Жилкин. – М.:

Книга по Требованию, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-519-24318-6

Непростой путь выбрал в своём творчестве сибиряк Анатолий Жилкин. Он пишет прозу, которая одинаково понятна и жителю далёкой российской глубинки, и избалованному достижениями научно технической революции горожанину. Герои повестей и рассказов у Анатолия Жилкина – это в первую очередь люди с норовом, богатым житейским опытом, не затерявшиеся в трудные времена на огромных территориях СССР. Вторая книга писателя – это продолжение вечного спора с самим собой: со своей совестью, своими взглядами на сегодняшний миропорядок.

Повести «Кулаки», «Учитель», «Встреча с атаманом» и многочисленные рассказы, такие как, – «Виноградная лоза», «Родная кровь», «Белла» – это рассказы о сибирских жителях. Попытка свежим, а где-то и диалектным языком передать самые чистые и свежие помыслы нескольких поколений своим детям и внукам. Напомнить своим сверстникам, что всё ещё не так худо с русской душой, с русским человеком, его малой родиной и его дорогим отечеством – Россией.

УДК 821.161.1.

ББК 84 (2Рос=Рус)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© А. Жилкин, 2015

ISBN 978-5-519-24318-6

© Книга по Требованию, 2015

Оглавление

Кулаки	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Встреча с атаманом	33
Часть первая	33
Часть вторая	40
Часть третья	45
Эпилог	47
Солдаты	49
Дядя Стёпа	53
Виноградная лоза	60
Париж	76
Хороший человек	82
Валерка и Лир	88
Белла	92
Фома и зайцы	102
Химия	107
Не укради	113
Боцман	120
Клиф	124
Эпилог	129
Собачье сердце	130

Сибирские нескладушки	134
Смех и грех	134
На рыбалке	143
Божьи твари	149
Учитель	157
Глава 1. Утро	157
Глава 2. Детство	160
Глава 3. Анютка	163
Глава 4. Встреча	166
Глава 5. Веня	168
Глава 6. Галатея	174
Глава 7. Сборы	178
Глава 8. Я вернусь	182
Глава 9. Судьба	187
Глава 10. Роксана	189
Глава 11. Одесса	196
Эпилог	199
Миниатюры, эссе, новеллы.	202
Мы помним тебя, Адмирал	202
Жара	203
Родная кровь	206
Маргарита	209
Мастер	211
Золотая рыбка	212
Каштан над городом цветёт.	213



Кулаки

Глава 1

Светало... На седалах завошкался петух – сиплым, слипшимся за ночь голосом, кое-как вытолкнул потешное «ку-ка-ре-кху-кху». Поперхнулся... еле откашлялся и совсем уж не попад закудахтал. Чертыхнулся и, наконец, проснулся окончательно.

Разом перетряс свой пёстрый камзол – от крутого хвоста до бордовой бороды – откинул назад высокий, чуть скошенный на сторону гребень, местами пробитый острыми «кинжалами» соперников, расправил иссиня-чёрные крылья, крепко упёрся в жерди «железными» лапами в грозных шпорах, захватил побольше воздуха в свои «кузнечные меха», подался вперёд и запел! Да так оглушительно громко, что зазевавшаяся спросонья нечисть, матюгнувшись с перепугу, проворно шмыгнула по тёмным углам и щелям, уютно устраиваясь в банях, амбарах, конюшнях, погребцах, чтобы спокойно переждать человеческую суету под названием жизнь.

«Ну, держись! Да чтоб тебе провалиться в тартарары, змей окаянный! И не порвёт ведь ирода от такого рёва. Прибила бы, будь он какой другой... Наш-то на загляденье. Орёл – не петух! Пользуется своей исключительностью, в упор никого не замечает. Живёт как Бог велел», — ворчала с замиранием сердца Танюшка.

Она зажмурила и без того плотно прикрытые веки, вдавила голову одним ухом в матрац, другое плотно запечатала подушкой.

«Как же хочется спать! — хныкала бедная девчушка, из последних сил цепляясь за ускользающий сон. — Самой бы рот не

растянуть. Тоже мне – придумала обниматься до утра», – хмыкала она сквозь зевоту и грозила кому-то кулачком, утирая выступившие слёзы.

«Смотри мне – закружит голову, закружит и обманет», –ставляла саму себя Танюшка, улыбаясь сквозь зевоту и сильнее прижимая к голове подушку.

И тут изба дрогнула от громогласного «ку-ка-ре-ку». «Ай, паразит! Да где ж в тебя столько грохоту вмещается? Ну всё, пора вставать». Танюшка привычно перекрестилась на образа, потом на окошко и с силой выгнулась гибким телом, вспомнив неугомонные Федькины руки. Накинула мамин платок и шагнула за порог.

Будто подглядев, как тяжело просыпается старшенькая, на встречу ей выдохнула тёплое и густое приветствие – «муууууу» – любимица семьи корова Манька.

«Вот уж чудо из чудес, а не корова. Вдвоём с сестрёнкой выдаиваем. Одной не осилить. По два подойника наливает бурёнушка наша дорогая».

В далёком 29-м, со слов Татьяны Даниловны (моей соседки по даче), приключилась эта история...

«Пожалели семью», когда пришли раскулачивать местные активисты под предводительством свирепого военного. Двух коров дойных угнали, бычка годовалого, поросят, овец с десятка, гусей, уток, курей, все припасы выгребли подчистую. Вот и всё богатство, какое скопил за десяток лет непосильной работы «кулак» Данила – наш тятя.

Тёлочку оставили. Больно она плюгавенькой показалась. Никакого доверия не внушала – ни новой власти, ни старой. Махнули на неё рукой как на неблагонадежную.

Мы её Маней окрестили. Молились всей семьёй за здоровье нашей Мани. И вот ведь чудо – вымолили для неё двойную силушку. Прятали потом как только могли. На заимке от волков сторожили, а больше-то от людей лихих укрывали. Бывало, за пять вёрст за молочком бегали. По темноте уходили, по темноте

возвращались. Без Мани бы сгнули. Господь уберёг нашу Маню и нас рядом с ней.

А военный, кривя мокрые губы с налипшей от семечек шелухой, «великодушно» издевался, обращаясь к маме: «Пользуйся, хозяйка, моей добротой. Советская власть тебе шанс даёт исправиться и сопляков своих перекроить на нашу рабоче-крестьянскую колодку». И весело ржал, тыча нагайкой то в братишек, то в маму, то в папу, то в гусака, отважно атакующего незваных гостей. При этом смачно прихлопывал плетёной рукояткой нагайки по голенищу хромового сапога, весь обвешанный патронами, с деревянной кобурой на боку. Потом похозяйски прошёлся по двору, поскрипывая новенькими ремнями, крест-накрест через грудь и спину, кожаной курткой, галифе и офицерскими сапогами. Швырнул под ноги надоевшие семечки и толкнул отца в спину: «Двигай, контра! Засиделся под юбкой у своей бабы. Ишь, сколь наклепал разномастных пособников, пока мы власть у душегубов отбирали да народу раздавали её родимую с добром вашим вонючим».

Отца арестовали и увели со двора – заперли в колхозном амбаре вместе с десятком таких же «горе-кулаков». А вечером к маме заглянул наш сосед, дядя Ефим, и строго-настрого наказал: «Утром, Любаня, запишись в колхоз. Обязательно запишись! Бог даст, смилостивятся супостаты – отпустят Данилу.

Мама всю ночь глаз не сомкнула, и мы рядом с ней – за подол цеплялись, слезами обливались. Осиротели в одночасье. Страшно! Восемь ребятишек, мал мала меньше...

Мамочка спозаранку бегом в контору, заявление перед военным положила и взмолилась: «Записывай в колхоз, мил человек, только мужа домой верни! Не бери грех на душу! Не обрекай на гибель деток малых!»

Военный сидел на лавке под портретом товарища Ленина. Было заметно, что товарищу Ленину не по себе от такой компании. Он брезгливо косился на стол, заваленный объедками, окурками, грязной посудой и заляпанными бумагами. Ильич отвернулся к окну и с интересом наблюдал, как от розовой полосы загорается горизонт. Через мгновение полнеба полыхало

оранжевым, а зависший над сопкой шар продолжал раскаляться, готовый в любую секунду лопнуть и залить всё вокруг огненной лавой.

Возможно, в эту минуту вождь трудового пролетариата мечтал о мировой революции, о равенстве и братстве народов на всех континентах. Он любовался восходящим солнцем и представлял, как искры революционного пожара разнесутся по самым отдалённым уголкам планеты. Нет, он не осуждал военного – он понимал: революция делается не в белых перчатках. Он понимал и то, что невозможно будет избежать невинных жертв. На такое замахнуться! Революция – она и есть революция...

Нательная рубаша скосбочилась, оголив сухое веснушчатое плечо военного. Редкие брови у переносицы собрали лоб в гармошку, мутные глаза под горбатым лбом отказывались ворочаться. Мужчина мучился с похмелья.

Плывать ему было на людишек, на их проблемы, плывать на буржуев и на подразвёрстку, плывать на мировую революцию и... на мамино горе в том числе. Ему бы в самый раз сейчас опохмелиться, а уж потом можно и за мировую революцию печалиться.

В голове потрескивало и сверкало, что-то тяжёлое и липкое перекатывалось в животе, роняя тело из стороны в сторону. То к засиженному мухами окошку, то от окошка к остывшей печке, то снова к окошку.

«Бррррррыыы!» — рычал военный, пугая мышей в подполье и тараканов у печи.

Мама сразу сообразила, в чём дело, и что есть духу помчалась к соседке. Через пять минут штоф с мутным самогоном красовался на столе, а рядом скомканное мамино заявление...

Вечером папа пришёл домой. Отпустили, слава Богу! Лошадок забрали. Верного Воронка и кобылу Зорьку с жеребёнком. Брат Серёжка назвал жеребёнка Барашком. Предупредил: «Это имя подростковое. Посмотрим, каким он вырастет скакуном. Глядишь, нагуляет силушки к осени – мы его Воронком наречём – по наследству».

Резвый жеребчик рос, весёлый. Правда, в колхозе через две недели помер. Конюх проглядел с перепоя и загнал малыша к быкам. Затоптали быки нашего Барашка, насмерть затоптали.

Да какой Фомка конюх? Лодырь он по жизни, кляузник и пьяница, каких свет не видывал. В огороде у него лебеда да крапива. В избе шаром покати – мыши и те разбежались кто куда. Таких, как он, ты хоть в социализм отправь, а хоть и в коммунизме пристрой – они всё одно спасибо не скажут. Пропьют завоевания народные – пропьют и не подавятся. А чего греха таить – и пропили...

75 лет минуло с тех пор, а я так и не научилась забывать – кулака от лодыря с первого взгляда отличу. Где они, наши кулаки, с кровавыми мозолями на руках? На полях полынь да лебеда, в деревнях разруха да пьянство, прости меня Господи.

Устал народ нищете сопротивляться, от несправедливости устал, безнадёга доконала. Не о помощи речь. Ему бы, народу нашему, не мешали на земле хозяйничать, он давно бы в «кулаках» ходил и горя на чужой стороне не мыкал. А тут что получается? Сначала деревню в колхозы согнали – всё общим провозгласили. Потом разорили те колхозы, а людей снова по миру пустили. Деревню от земли отвадили, народ запутали и сами запутались.

Спохватились, да поздно. Где его взять, частника этого? Хозяина из кого выбирать? Из-за пазухи не вынешь – не получится. Постарались – извели под корень, на развод не оставили.

Без крестьянской закваски хозяина на земле не вырастишь. Надо, чтоб закваски деревенской до макушки было и никак не меньше. А таких раз-два и обчёлся – днём с огнём, как говорится...

Спросите: откуда в деревне «кулак» взялся (крепкий хозяин по нынешним понятиям)?

Отвечу: в борозде такие трудяги засыпали во время страды. Кулак под голову (отсюда и «кулак») и без задних ног, как говорится. Вот как на земле работали. Расставаться с ней на ночь боялись. Любили кормилицу, родимую, до без сознания. И земляца

с благодарностью отвечала. С любовью надо, как мы когда-то (кулак под голову) и на полшага в борозде без задних ног. Не каждый на такое способен. Единицы...»

Татьяна Даниловна поднялась со скамейки и не спеша направилась к своей калитке. В свои 85 она выглядела на 65! На дачном участке у неё ни травинки. Зато помидоры, огурцы, цветы, ягода-малина, смородина, жимолость и прочая полезная и так необходимая для сибиряков зелень тяжёлой спелостью ветки обламывает, из земли крутыми боками выпирает.

Мастерица-огородница наша Татьяна Даниловна. Из кулаков! Из тех, которых сегодня днём с огнём...

Глава 2

Вечером мы снова встретились в беседке над рекой. Татьяна Даниловна, довольная от выполненной за день работы, уставшая, добродушная, незаметно заговорила о войне. Начала вспоминать, рассказывать, рассказывать...

«Война нас сплотила, как это бывало не раз. Мы в горе да против врага ненавистного завсегда всем миром встаём. И в тот раз не замешкались, выступили все как один.

Кто-то ходить заново учился – с колен да во весь рост распрямился. Другой – из-под расстрела – от своей пули да под фашистскую угодил...

В обмотках, полураздетые, измученные страхами, затюканные доносами, арестами – наши отцы встали на защиту своей Родины.

Простые, знаменитые, неизвестные, заслуженные... позабытые, те из нас, которых среди живых и встретить не надеялись – в едином порыве – за Родину! Вот что сплотило и спасло наших отцов в тот раз – оружие! Возможность защищать и защищаться! Наши отцы стали воинами, войском, армией.

И неважно, кем мы были вчера. Мы менялись, становились другими. Мы смотрели в глаза и не отворачивались. Мы узнава-

ли друг друга. Мы снова, в какой уже раз, испытывали себя и наших вождей. Мы устремились к жизни в одной шеренге со смертью. Наперекор, вопреки... и выжили!

Не всем повезло дожить до победы. Такая война!

Победили фашиста. Самое время со «своими» разобраться – с теми, кто до войны во «врагах народа» числился. Разобрались и с ними... а как же?

Отстояли матушку-Русь, прогнали супостата с родной земли, самое время в доме порядок навести.

Те четыре года войны для многих людей кругом спасительным оказались – краше, чем вся остальная жизнь. Хватило тех лет, чтобы человеком себя почувствовать. Такие к миру с опаской относились – догадывались, что победа – это конец для них.

Нашего тятю, Данилу Яковлевича, в Красную Армию не взяли по причине непригодности к воинской службе. На лесоповале его придавило лесиной. Ногу собирали впопыхах. Не очень и старались – политический, враг народа! А помрёт... туда ему и дорога.

«Лесоповал» – это когда отца арестовали во второй раз. Как позже выяснилось, по навету Фомки – пастуха деревенского. Он перед смертью позвал папу к себе и покался. Признался, что не простил за то, что тятенька накостылял ему за загубленного жеребёнка.

Гонял отец Фомку по загону, стегая волосяной плёткой, пока мужики не оттащили. Стегал и приговаривал: «Я научу тебя, курва, животину любить или прибить в другой раз до смерти». Вот и сочинил Фома донос на отца. Отомстил, значит.

Перед смертью так и сказал: «Прости меня за всё, Данила. Правильный ты мужик и живёшь честно. В труде живёшь, в заботах, с Богом в сердце, потому и детки твои такие ладные, и Любани на все руки мастерица. Жизнь твоя красивая, несмотря на то что рвали тебя на куски во все время».

Потом помолчал и спокойно так, по-доброму сказал: «Запомни мои слова, Данила. Не отступятся они от вас, пока не изведут под корень. Прости меня, храни тебя Бог».

Простил отец Фому, не отнял последнюю надежду. На прощанье пожелал: «Иди с Богом, Фома. Прощаю тебя, и ты меня прости, не держи зла»...

Призвали папу в Трудовую Армию и отправили в Читу. В Забайкалье для фронта ковали победу. Пасли овец, растили скот, сеяли рожь, картошку, свеклу, морковь, чеснок, лук. В тайге собирали ягоды, грибы, орех, живицу, заготавливали травы, корни, шили форму и умирали с голоду. Так и было.

«Всё для фронта, всё для победы!» По-другому никак!

Отец такой случай рассказывал. «Отработал я неделю в пекарне, а заведующая по доброте душевной сунула мне за пазуху буханку горячего хлеба. В бараке обернул хлеб в холщовую тряпицу и спрятал под подушку. Решил, на несколько дней растяну удовольствие. Ночью отщипывал по кусочку и каждый раз клялся: всё, больше ни крошки. А когда утром проснулся и развернул тряпицу, чуть не помер с горя. От буханки осталась горсточка крошек».

А мы – мама, три брата, четыре сестрёнки, корова Манька, петух, Дружок и десяток курёнок – из всех сил пытались выжить...

Завтра, Бог даст, расскажу, как мы собирали Серёжку, старшего брата, в город, учиться на геолога. А сейчас пора в баньку. Вон и дед с веничком берёзовым идёт. Надо косточки попарить и спать... Утро вечера мудренее!»

Мы пожелали друг другу «лёгкого парку». Обернулись на реку, на закатное солнышко, улыбнулись и направились к своим калиткам...

Глава 3

Татьяна Даниловна сорок лет жизни посвятила школе – преподавала ботанику и биологию. Говорит: «Сколько помню себя, столько и пытаюсь разгадать тайну мироздания. Откуда мы пришли? Зачем? Кто мы такие? И кто так распорядился?

Если и впрямь мы здесь по воле Господа нашего, то почему живём не по его законам? Почему творим зло и потакаем ему повсеместно? Почему разрушаем, а не преумножаем? Почему так мало любви и здравого смысла в поступках наших?

«Ценить и преумножать, хранить и защищать!» – таким должен быть Главный Закон на Земле. А кто нарушит его – тому никакой пощады. Соседи наши, китайцы, чем нас лучше? А у них такой закон есть и исполняется! Они за загубленное деревце на плаху. Чик – и нет головы, чтобы другому неповадно было. Не гуманней ли так поступать, чем полтайги под топор, а другую половину огнём извести, чтобы потом подешевле, и тоже под топор?

И у китайцев не всё гладко, но они изо всех сил стараются, чтобы по закону и для потомков, а у нас кому не лень, тот рубит и пилит. «За тридцать сребреников» любой документ выправить не проблема, душу за горсть медяков продаём.

Там, где раньше кедры до неба, берёзки с осинками шушукались, сейчас пустыня – угли да пепел. Ни щебета птичьего, ни смеха ребячьего. Всё прахом. Глаза бы не глядели на это безобразие, вертеп какой-то, честное слово. Устали люди так жить, умирать приноровились до срока. Тоже выход.

А куда пойдёшь жаловаться? Кому? И на кого?

Ох ты, Боже мой, нагоню сейчас давления! Я уж, грешным делом, думала – всё, не увижу больше в деревне чужих с кобурой на боку. Куда там – во всю хозяйничают. Обирают до нитки, не хуже, чем нас в двадцать девятом. По какому уж кругу хребет мужику ломают. Ни стыда, ни совести...

Нынешние «хозяева» наружностью на местных не похожи, всё больше на иноземцев. По деревням ездят – за копейки закрома «выметают», не церемонятся. Где обманом, где угрозами, но своего не упустят. Никакой на них управы не найти. На рынке свою цену назначают, втридорога нам же и продают.

На дорогах кордоны. Крестьянина со своим добром в город не пускают – потрошат в чистом поле. Вот какие у нас порядки! И опять же – кому жаловаться? Эти «иноземцы» все законы молчать заставили. Где ещё такое увидишь, чтобы свой от своего нос воротил?

Мне сестра рассказывала. У них в деревне, по соседству, китайцы капусту выращивают, а у неё молочко парное покупают.

Так вот, сестра к ним по-соседски и обратилась. Мол, вы ребятки, всё равно лист капустный выбрасываете, отдавали бы моим коровкам. Вам никакой мороки, а коровкам в радость. И знаешь, Анатолий, что они ей ответили? «Мы тогда, тётка, молоко у тебя покупать перестанем – не хотим травиться».

Во как! Травитесь, мол, сами, а мы тут после вас порядок махом наведём. При нас и законы заработают, только это будут наши законы. Тогда и Сибирь расцветёт, но это будет наша, а не ваша земля...

Эх, люди, люди! Ещё самую малость – и будет поздно. Ни сил, ни воли, ни людей настоящих не останется... Доконают народ православный, изведут под корень супостаты окаянные!»

Мы сидели в беседке, пили чай с мелиссой из фарфоровых кружек, когда-то живой и знаменитой на всю страну фабрики, а внизу, в десяти метрах от нас, широко разлилась река Белая. Мы будто оказались на границе двух миров. Из тёмно-синих вод, отражаясь, за нами снисходительно наблюдали небеса, прислушиваясь к нашему разговору.

А мы вспоминали нашу молодость – Татьяна Даниловна свою, я свою. Она рассказывала, а я поддакивал, будто мы ровесники и нет между нами разницы в четверть века. Такая мелочь для небес...

Татьяна Даниловна вспоминала походы на Байкал, в Тункинскую долину, ночёвки у костра, сплавы по таёжным речкам. Смелась и переживала до слёз, вспоминая дорогие сердцу истории: «Сколько сил, времени, любви было отдано родной школе, ребятишкам! Природа, она учит жить не по учебникам и не абы как, её сердцем надо слышать. В городах человек глохнет от тоски по вольным просторам, душа от тесноты и страха кукожится. Память, она во взрослую жизнь из детства только хорошее захватить старается. Я до сих пор письма получаю и открытки поздравительные от своих деток. Спасибо ученикам моим за заботу и внимание!

Вспомнила вот, как мы во время войны брата Серёжку на учёбу в город собирали. Братишка взвалил на свои плечи всю

мужскую работу по хозяйству. И дома, и в колхозе за взрослого трудился. В ту пору ему пятнадцать лет исполнилось. Мы точно знали, что Серёжа мечтает стать геологом. Тайгу любил, мечтал об экспедициях, об открытиях. В школе учился хорошо. Мы не сомневались в нём – были уверены, что поступит в свой Геологоразведочный техникум.

В августе надо было ехать в город. Кое-как собрали во что одеть парня, но вот оказия – штаны оказались совсем непригодными для дальнейшего использования по назначению. Заплаты так тесно сгрудились на штанинах, казалось, топни посильней – и они осыплются на ботинки, как по осени осыпались листья с нашего тополя.

В военное время в деревню приезжала «лавка» на колёсах, для сбора у населения излишков сельхозпродукции. Это помимо того, что давали для фронта колхозы и совхозы. Мясо, овощи, молоко, грибы, ягоды, орех и т. д. – всё принималось и менялось на вещи первой необходимости.

«Лавка» – это обычно две подводы, которыми управлял Яшка-примак. Первую тащил лохматый водовоз – здоровенный жеребец, похожий на угрюмого яка, вторую – хромая лошадка, привязанная за уздечку к первой телеге.

Денег тогда почти ни у кого не водилось, а спички, соль, керосин, нехитрая одежонка и прочая деревенская мелочевка на каждый день позарез, без этого не обойтись. Выручал натуральный обмен – товар на товар. Сложились и цены, но всё равно каждый приезд «лавки» – это было событие! Мануфактура пахла мирной довоенной жизнью, это была весточка с большой земли, её запах вселял в наши сердца надежду. А это не мало.

По возможности Яша старался выполнять и персональные заказы. В тот раз заказали две пары штанов. Одни – мама для Серёжки, другие – тётка Устинья для своего Васятки. Штаны в обмен на 25 кг груздей».

Татьяна Даниловна улыбнулась и уточнила: «Отдельно расскажу о Яше. Он появился в деревне через пару месяцев после начала войны. Чуть хромой, чуть косой, среднего роста, худоща-

вый, но скроен крепко. К тому же оказался непривычно образован для наших мест. Весёлого нрава, мастер на все руки, балагур и бесстрашный драчун. И что совсем уж неожиданно, с его огненно-рыжей шевелюрой, имел ошеломительный успех у женской половины деревни. На бабью радость посылает Боженька таких мужиков на Землю. Не было в нём ни страха, ни злого умыслу. Шёл по жизни легко, поднимал с земли то, что другие не замечали. А Яша коснётся – и от счастья бабьего на небе звёздочка загорится. Таким был наш Яша. Привёз его из города сосед, дядька Ефим. Дальним родственником приходился ему Яша по отцовской линии, племянком что ли.

Осиротел парень в одночасье. Под бомбёжкой всю семью потерял. самого с того света еле вернули. На тёмную сторону угодил – от света укрылся. Горе сердце оплавило, он и перестал на солнышко оглядываться. Осколки из него дуршлаг сделали. Выкарабкался с Божьей помощью. Значит, нужен, – кому-то без него свет не мил...

Через неделю после приезда появился Яша в клубе. Парни деревенские решили проверить, как у него кишка, не тонка ли? Ну и место чтобы своё знал. Чужак – он и есть чужак. Да не тут-то было! Бился Яшка со всей деревенской шпаной, как последний самурай.

Домой на руках приносили, без памяти. А он своё – очухается и снова в драку... Ни себе пощады, ни кому другому. Рука у него больно тяжёлой оказалась. Кулак на гирю восьмикилограммовую смахивал, что в сельпо у весов стояла. Бил, как гвозди заколачивал. Парни пустились: кто не увернулся от Яшкиного кулака (а это, считай, добрая половина деревенских пацанов), тот уж не задирался лишний раз – себе дороже. Зауважали Яшу деревенские. Смелость, как известно, города берёт!

А тут другая напасть – девушки и вдовы за Яшу в пух и прах перессорились. Дядя Ефим строго нрава был, предупредил племянша: «Ты, Яков, давай-ка определись с бабами. Пакостить не позволю. Это не город, тут все на виду».

Яша и определился. Пошёл в «примаки» к распрекрасной Елене. Так и прилипло к нему прозвище – Яшка-примак. Зато

понял парень, кто поджидал его на этом свете и для кого стоило задержаться подольше, насовсем.

Муж у Елены погиб в первые дни войны. Дочка на руках. Никого к себе не подпускала гордая Елена. Почернела от горя, еле ноги носила, плакала и плакала. Таяла на глазах красавица деревенская. Дядя Ефим долго сомневался, присматривался к племяннику, и так прикинет и эдак, наконец, решился – «сосватал» молодых. Елена и Ефиму роднѣй приходилась, через жену, то есть.

День за днѣм проходил, месяц за месяцем. Управлялся Яша и у дяди Ефима, и Елене Прекрасной по хозяйству помогал, и в колхозе трудился наравне со всеми. С техникой парень был на «ты». Всѣ, что годами ржавело под забором, ожило и запыхтело синим сладким дымом, на радость сельчан.

В осеннюю пору колхозное начальство доверяло Яше руководить натуральным обменом. Парень-то был грамотный, честный и – самое ценное для этого дела – непьющим!..

Привѣз Яша в тот раз штаны под заказ, да вот беда – одни оказались штаны на складе. А его уж поджидают. С одного боку мама с тридцатью килограммами груздей, с другого – тѣтка Устинья, и тоже с тридцатью килограммами «сырых» груздков.

Яша от неожиданности растерялся: «Ну, держись мой рыжий чуб! Сейчас они мне устроят представление. Ох и попал я, что твой Паулюс... Будь они неладны, штаны эти».

Достал Яша безмен и давай взвешивать корзины с грибами. И надо ж такому случиться – как ни крутил, обе грамм в грамм. Бабы тоже опешили – все на нервах. «Вешай снова, чѣрт рыжий!» – кричит Устинья. Яша вешает – тоже самое, тютелька в тютельку. Женщины переглянулись и, недолго думая, разом вцепились в штаны – мама в одну гачу, тѣтка Устинья в другую. Яша только и успел, что за мотню ухватиться. Взмолился: «Не дурите, тѣтки, не портите товар! Давайте договоримся так: кому первой поднесут груздей на добавку, тому и штаны носить».

Я при маме в тот раз была. Тут же подхватила и к лесу, навстречу Серѣжке. Лечу, ног под собой не чуя, ветер в ушах свистит, а Серѣжка вот он – топает себе с двумя корзинами гри-

бов через плечо. Мокрый от пота, весь в иголках, листьях. Запыхался – спешит братик навстречу мечте заветной!

А Устинья Серёжку ещё издали приметила и орёт на всю округу: «Васятка, засранец эдакой, ты куда запропастился? Без штанов останисся – поотрываю твои побрякушки, будешь потом ворон пугать в кукурузе заместа пугала. Вот наказание-то на мою голову. Весь в отца! Дай, Боженька, здоровья нашему кормильцу, убереги родненького от пули вражьей. Ну, шельмец, в юбке бабкиной форсить будешь на радость Валюшке Любашиной. Ох ты, Боже мой, наказание моё!»

А Васятка её и впрямь накануне сговорился с нашей Валюшкой в лес за грибами прогуляться. А с нашей Валюшкой не то что штаны, с ней голову забудешь, зачем на плечах носишь. И не вспомнишь, пока она щебетать в курчавый висок не перестанет. Сколь парней с ума посводила сестрénка моя дорогая. В тот раз Васятка свихнулся. Валюшка ради братика постаралась – запудрила мозги Васятке. Думала, обойдётся – не обошлось! И надо ж было судьбе такой заворот придумать – через пяток лет мужем Валюшкиным Васятка оказался. Устинья потом смеялась довольная, приговаривая: «В штанах бы за грибами с Валюшкой пошёл, до сих пор бы бобылем куковал. А тут, вишь, как ладно сложилось. Видать, успела девка разглядеть своё суженого. И на глазок прикинула, и на ладошке... ха-ха-ха...»

Язычок у Устиньи тот ещё. Да у нас в деревне все языкастые.

Хорошо живут Валюшка с Васяткой. Детей не пересчитать, а внуков и подавно.

И Серёжка в техникум поступил, в новых-то штанах. Сорок лет тайгу мерил. От одного края до другого прошёл и обратно вернулся. И у него жизнь счастливо сложилась.

Вот тебе и штаны! Как в жизни-то бывает. Когда штаны выручат, а когда и они – только помеха. Тут сердце главный советчик, с ним и совет держать. Тогда и тебе Елена Прекрасная явится во всей красе – с дочуркой ангелочком на руках. И неважно, косой ты, хромой или огненной рыжей масти».

Мы попрощались. Минул ещё один день! Сколько их впереди? Дай Боженька, чтобы этот был не последним.

Глава 4

Танюшка сбежала с крыльца, пересекла двор, открыла дверь в летнюю кухню и шмыгнула внутрь. Этот домик никогда не пустовал. В нём всегда было тепло и уютно, особенно в сырую промозглую осень и студёную зиму. На печи стояли разномастные чугуны, кастрюли, бачки, в которых круглые сутки что-то скворчало, бурлило и посвистывало.

В деревне такие строения называют по-разному: кто зимовьем, кто временкой, кто кухней. Домики мастерили крепкие. Чаще из кругляка, на манер настоящей избы, только поменьше и, как правило, в одну просторную комнату. У окошка примостился обеденный стол на пузатых ножках. В любое время из чугуна можно выудить пару горячих картошин, очистить от кожуры, перекаывая с ладошки на ладошку, круто посыпать солью и с удовольствием съесть вприкуску со ржаной краюхой, запивая прохладным молочком.

Ковшиком Танюшка зачерпнула горячей воды из начищенного добела чугуна, из деревянной бочки в ведро добавила колодезной и перемешала рукой. «Само то!»

Снова взревел заполошный петух, будто напоминая, что пора доить Маню и кормить беспокойное хозяйство. «Надо проверить, как там наседка, не вывела ли цыпляток за ночь, бычка и тёлочку напоить и вместе с Маней проводить в стадо. Да не забыть наказать пастуху, чтобы тот присматривал за малышкой – не отпускал гулять за глазами, не оставлял без присмотра».

Танюшка приветливо поздоровалась с Маней. Погладила корову по голове, прижалась щекой к тёплой шее, шепнула нежные слова и принялась мыть тяжёлое вымя. Маня от нетерпения и удовольствия переминалась с ноги на ногу, весело помахивая хвостом. Она пыталась лизнуть Танюшку шершавым языком, забавно изгибая шею, и радовалась, когда ей это удавалось. Танюшка смеялась и весело покрикивала на разыгравшуюся любимицу: «Манька, перестань тебе говорю! Не дури! Перевернём подойник, достанется нам от мамы на орехи!..»

«Отец вернулся в сорок пятом. Помню, сижу я в классе на уроке, а учительница мне: «Ты чего тут расселась? Беги домой, твой отец вернулся». Я по деревне не бежала – на крыльях летела. Онемела в первые минуты – слова вымолвить не могла. Обнимала папочку – никого вокруг не замечаю: не вижу, не слышу. Плачу, не переставая.

Я так душу свою изливала – без слов – одними губами шептала, как люблю, как страшно и одиноко без него. Просила, чтобы не оставлял нас больше, никогда. Просыпалась ночью и повторяла, как молитву: «Папочка вернулся, мой папочка. Слава тебе, Господи!» Будто вчера это было...»

Танюша подхватила подойник и на мгновение замерла, почуввав, как вдруг, ни с того ни с сего, заволновалось сердечко. «Не влюбилась ли ты, девка»? Щёки и уши огнём запылали. «Федька, вот змей окаянный, навязался на мою голову, морда твоя цыганская!» Она прыснула в край платка и тут же спрятала счастливые глаза под быстрые ноги.

«Хотя нет, какой же он цыган? Из казаков его род, с самого Дона его предки. Мы все тут люди вольные, с землёй-матушкой кровушкой повенчаны. Привыкли так жить – среди своих – не прятаться, не бояться, не оглядываться».

Танюша подняла глаза на потеплевшее солнышко, улыбнулась и тут же... загрустила. Почему-то представила себя Любовью Орловой и снова покатилась звонким смехом, косясь на захопавшего чёрными крыльями петуха. Залюбовалась Петиним нарядом, заигравшим яркими оттенками в лучах утреннего солнца.

«Ну, деревня, держись! «Марш славянки» в исполнении нашего Петруши для вас, дорогие мои земляки! Артистка ты, Танька. Ар-тист-ка!»

Прислушивалась и спешила за своими чувствами Танюшка, подгоняя день к вечеру. Мечтала о встрече с Феденькой, с замиранием сердца вспоминая о его нежных и крепких объятьях.

Впервые после войны она смеялась от счастья, от того, что сегодня мирное утро и что где-то совсем рядом её Федя... Смеялась просто так. А ещё потому, что вся жизнь у неё впереди!..

«Надо же, именно это утро мне запомнилось ярче других! Феденька... всю жизнь мне перевернул. Первая Любовь! Мой Феденька».

Глава 5

Вечером мы встретились снова, и Татьяна Даниловна продолжила свой рассказ.

«До глубокой осени деревенские занимались заготовками. Такое время – день год кормит! Для взрослых, стариков, ребятшек в эту пору всегда сытно, весело, интересно и невыносимо тяжело. Хотя тяжело было всегда, но молодость брала своё. Она брала верх над усталостью, над не по годам взрослыми, порой нечеловеческими испытаниями.

Мы жили верой в нашу победу. В то, что Господь защитит родных от вражьей пули, обогреет бездомных, накормит голодных.

Мы влюблялись! Мы любили! Мы мечтали! Никто не в силах был помешать нам жить и мечтать. Это было наше детство – военное взрослое детство.

Помнится, как мы с мамой, братом Серёжкой и сестрёнкой Валюшей собирали бруснику. Каждое утро я просыпалась и с надеждой всматривалась в темноту за окном. С нетерпением ожидала, когда же выпадет снег и положит конец моим мучениям. Просыпалась затемно и бежала к окну, шлёпая босыми ногами по выскобленному добела полу. «Выпал? Снова нет! Вот наказание-то! Скорей бы, что ли... Эх!»

Вставали рано, до рассвета. В потёмках шагали к сосновому бору аж за десять километров – сначала по просёлку, потом по лесной тропинке. Кожаные чирки болтались на шее. Одевали их только в лесу, чтобы о сучки не поранить ноги. Берегли обувь – шили-то сами. Папа на все руки был мастер.

К обеду набирали полные корзины ягоды. Столько её было, ногой некуда ступить – брусника сплошным ковром по земле стелилась. Крупная, красная, сладкая с кислинкой. Королева

ягод! Брусничный морс и от жара, и от цинги, и жажду утолит, и силы восстановит. На обратный путь у нас с сестрёнкой силёнок не хватало. Тяжёлые корзины прижимали к земле. Выручал брат. Мы связывали плетёные ручки платками, а он перекидывал корзины через плечо и, бодро шагая, быстро исчезал из виду. А мы подвешивали мамину корзину на подходящую жёрдочку и вдвоём с Валюшкой, попискивая, кое-как тащились домой.

Дома по хозяйству управлялись наши сестрички и братик. Старшей Галочке в ту пору семь лет исполнилось, Верочке – шесть, Ниночке – пять, Володьке – девять. Когда и корову подоят, и за птицей присмотрят, и по дому как могли старались. Мамочке помогали, и друг о дружке не забывали – поддерживали, выручали, заботились...

Бруснику ссыпали в деревянные бочки и до морозов заливали колодезной водой. Перед самой войной папа вырыл колодец у самого дома. Вода в нём кристальной чистоты, студёная и сладкая. Так нам казалось. На дне лёд голубыми валунами прорубь обрамлял, гул из глубины и эхо...

Ведро коснётся воды – снизу шелест: шуга ледяная, будто занавески стеклянные, шелестит, позвякивает.

Стены лиственничными бревёшками забраны. На века строили. Он и сейчас живой, колодец наш. Стены только почернели, а вода всё такая же: студёная, сладкая и шелест снизу...

Самая вкусная водица на всём белом свете. Деревенские шутили: «Пойдём в Данилин колодец за водицей. В неё ни сахару, ни соли добавлять не надо. В чаю она сладкая, а во щах, наоборот, солёная и по вкусу. У нашего Данилы всё ни как у людей...»

Мама, бывало, только укажет на ягодник и бегом на работу. Ей в колхозе надо поспевать, не отстать от других. Под пристальным вниманием находились. Кулаки! По их понятиям, народ неблагонадёжный. Нет-нет да напомним кто. Не свои – свои-то знали, какие мы «кулаки» с мозолями на руках. Напоминали чужие – те, что из города наведывались, за «врагами» присматривали.

Интересно другое – после войны мы снова на кулаков походить стали. Манечка наша отелилась удачно: подарила нам тёлочку волшебную, себе под стать, и бычка – тоже на загляденье.

Поросятки расплодились, барашки, козочки, куры, утки, гуси, индюки. Впору снова раскулачивать...

Которые из города, всё сокрушались: «Что за порода такая кулацкая? Откуда у них добро это берётся? Нееет, этих не перековать – так и будут мощну набивать, пока не изведём их под корень».

И что ты скажешь на это? Извели! Справились с «кулаком». Отлучили людей от земли. «Любовь Земную» сабельками посекали да штыками покололи. Осиротела земля без рук крестьянских заботливых. Коноплей заросла, под полынью покоится...

Когда примораживало покрепче, ягоду процеживали и раскатывали под крышей амбара подмерзать. Мёрзлую брусничку хранили тут же, в амбаре, в тех же бочонках.

Зимой сами ели с превеликим удовольствием и на рынке, в городе Зима, торговали с лотков.

В городе Валюше и Серёжке копеечка ой как была нужна, а денег в деревне и в помине. Приходилось брусничкой торговать. А куда деваться? Не голодать же...

Как-то учительница Валюшина увидела её за «столиками» и говорит: «Валюша, приноси свою ягоду ко мне домой, а я её учителям и знакомым порекомендую. И нам польза витаминная, и тебе лишний раз не стыть на морозе».

Мир не без добрых людей, помогали. Семья большая – мал мала меньше – время голодное, папы рядом нету. Из всех сил старались. А как иначе? Да никак. Руки опустил – и всё, конец...

До бора десять километров и назад десять. Лес вот он, сразу за околцей. А до нашего бора – вон в какую даль идти. Зато и ягодка в нём на загляденье – крупная, бордовая, сладкая с кислинкой! Королева ягод!..»

Татьяна Даниловна улыбнулась, обернулась на реку, потом, не отводя глаз от воды, произнесла: «Дача вот, за сто вёрст от Иркутска, зато какая красота! Лес, река, небо по ночам звёздами усыпано и люди хорошие. Снова повезло с соседями...»

Глава 6

Татьяна Даниловна закончила читать мою рукопись. Наши взгляды встретились. Я с волнением наблюдал за её реакцией. Вдруг я понял: она смотрела не на меня, она смотрела и видела что-то своё – далёкое, дорогое и только ей одной понятное. Этот её взгляд – это дорожка к себе самой, к той самой девчужке из двадцать девятого и сорок пятого...

«Можно и так. Занятно вышло. Всего-то пару вечеров поговорили, а ты самую суть уловил. Молодец, спасибо тебе. Мы с дедом длинными зимними вечерами свою историю друг дружке перечитывать будем. Что-то интересное вспомним, для тебя запишем».

Улыбнулась и успокоила: «Не волнуйся, Анатолий, хорошо написал, без выкрутасов – так, самую малость нафантазировал. А может, так и было, только я не заметила? Тебе со стороны видней. Всё правильно понял, но одно уточнение внести придётся. Тут нет твоей вины – это моя промашка, не успела обо всём поподробней. Да и встречаемся мы с тобой от случая к случаю на нашей скамеечке.

Дело вот в чём: братишек и сестричек в нашей семье было не семеро, а десятеро. Ещё две сестрички-близняшки – Оля и Глаша. Им на начало войны годик с небольшим исполнилось, и старший брат Ванечка.

Оля толстушка, спокойная, даже медлительная. Через высокий порог ползком перелезала. На четвереньках доберётся до двери и давай кряхтеть – карабкается через порог, ножку старается забросить. Не получается. Она головой вперёд нырнёт, а потом попка – и сама перевалится.

Глаша – та, наоборот, худенькая, шустрая, на месте не усидит ни минуты. На ножки не встала, а, как мячик, подпрыгнула в один день и покатилась, не разбирая дороги. Сначала по дому, потом по двору и по улице. Откуда только мы её не доставали. Курятник её любимое место был, а Петя самый лучший товарищ. В гнездо заберётся, калачиком свернётся и похрапывает. Петух

к ней никого не подпускал. Крепко они подружились. По дому на косолапых ножонках вихрем летала. Подбежит к Оле, толкает её в торчащую над порогом попку: «Ди... ди...» — помочь старается сестрёнке. А Оля от неё ручкой отмахивается, как от мухи назойливой, бровки хмурит, грозно так шипит: «Кушу... кушу».

Где она услышала это «кушу»? Но получалось натурально и очень забавно. Карапуз бесштаный, на ногах не стоит, во рту два зуба, а туда же – «кушу».

Деревенские, когда война началась и папу призвали в Трудовую Армию, рассуждали меж собой: «Вымрут Данилины детки от голода, як мыши в пустом амбаре. Как пить дать, вымрут».

Мы не вымерли. Ошиблись сельчане. Братик старший погиб, Ванечка. Он аккурат в сорок первом ИВАТУ закончил, как и ты, Анатолий, в своё время.

Добровольцем Ванечка на войну пошёл. Помню, как он домой явился попрощаться. Загорелый, стройный, красивый, сильный. От города Зима тридцать километров отшагал, напрямик через лес. Соседская Верочка чуть с ума не сошла от горя. Они с малолетства любили друг дружку. Пожениться собирались тем летом.

Бедная, она так и не смирилась с тем, что Ванечка пропал без вести. Ездил, искала, допытывалась, писала во все военные инстанции. Вместе с тётей Лидой, папиной родной сестрой, выяснили, что попал брат в десантники и воевал всё больше за линией фронта. По фашистским тылам, с такими же сибирскими парнями, громил врага в его логове. В самое пекло забрасывали ребят. Героями умирали. Другого пути не было. Вернуться с победой или умереть как настоящие герои.

В последнем «треугольнике» Ваня так и предупредил: «Не пишите и не хороните раньше времени. Адреса постоянного нет. Был ранен, легко. Поправился, завтра на фронт. Это письмо потому и отправляю, что в госпитале нахожусь, а через пару дней в часть. Писем не ждите. Писать нет возможности». И всё...

А мы выживали, изо всех сил старались не подвести маму. Мал мала меньше, но никто не хлюздил, не увиливал, не скулил. Пищали, конечно, чего уж там греха таить, поскуливали

втихаря. Но мама нас строго-настрого предупредила: «За воротами чтоб я ни звука не слыхала о том, что в доме холодно или голодно. Стараться надо, терпеть надо. Война. Здесь не стреляют, слава Богу. Так что зарубите себе на носу: никаких соплей на людях».

А тут, как назло, захворали наши сестрички Оля и Глашенька. Война – ни лекарств, ни докторов. И так совпало, на наше счастье, фельдшер в деревне оказался, по случаю. Такая редкость по тем временам. К нам заглянул: дыхание послушал, температуру измерил, молоточком по спинкам постучал. Головой покачал и, как гром средь ясного неба, объявил: «Корь!»

Сунул каких-то порошков маме в руку, на прощание только плечами пожал и наказал маме: «Молитесь!» Так прямо и сказал: «Молитесь!»

Мама вечером протопила печь, положила сестрёнок поперёк широкой родительской кровати, укрыла чёрной вязаной шалью и ночь напролёт молилась. Стояла на коленях у иконы Божьей Матери, смотрела сквозь слёзы, никого не замечая, и молила о помощи. Мы притихли и тоже молились.

А утром всей семьёй собрались у русской печи и со слезами на глазах наблюдали такую картину. Мама смеялась и приговаривала: «Ой, а мы больных-то забыли предупредить, что им постельный режим прописан. Где же искать наших баловниц? Куда они запропастились?»

А баловницы, без малейших признаков недомогания, а скорей наоборот, от избытка зверского аппетита, совсем нагишом уплетали картошку в мундире. Оля сидела на полу и кряхтя удерживала в руках картошину размером с её голову. Беззубым ртом она умудрилась прокусить кожуру, а цепкими пальчиками расковырять отверстие наподобие дупла. Насупив брови, она бурчала под нос: «Ди... кушу».

В это самое время Глаша, раскачиваясь на кривых ножках, балансировала на широкой лавке у печи. Из чугунка, стоящего на тёплом припечке, она вылавливала картошину за картошкой и бросала на пол. Видать, решила до отвала накормить сестричку и сделать запасы впрок.

Дошла молитва! Услышала Матерь Божья мамину просьбу, отступила болезнь, сбежала из-под маминой намоленной шали. Через неделю и Оля затопала по избе, веселя нас своими успехами. Мама не нарадовалась на малышей, и мы в них души не чаяли. Любили наших близняшек и чем только могли делились, угощали. Каждый из нас, что-нибудь вкусненькое да приберегал для сестричек.

Благодаря Оленьке и Глашеньке мы каждый день смеялись до слёз. Радость посреди горя – это больше, чем сытно покушать, хотя одно другому не мешает.

Мы были в ответе за наших сестрёнок. О себе забывали, всё для них, для любимых, родных, для самых беззащитных. В их глазах не было ни тревоги, ни страха. Сестрички, не помышляя о том, из всех сил помогали нам держаться и выстоять.

А нашей мамочке после войны орден вручили «Мать-героиня».

Глава 7

Я подъехал к даче, заглушил мотор и вышел из машины. Свежо! Остывающее солнце не успевает прогреть прохладный ночной воздух, он дрожит – контуры противоположного берега принимают неожиданные смешные очертания.

Мне показалось, что на секунду я разглядел знакомый парусник. В детстве я видел его каждый день. Куда он пропал? Сколько раз капитан приглашал подняться на борт и уйти вместе с ним в открытое море, предлагал приключения и свободу! «Я готов! Где же ты, мой капитан?..»

Осень. Берёзки стоят нарядные: желтые, оранжевые, как жарки в июне. Река облаками пенится – с небом одним цветом. Вода в реке прозрачная, камешки можно пересчитать. Рыбёшка серебром поблёскивает. Воздух – что водица родниковая. А по реке листья золотые рассыпаны – легко и свободно плывут к океану.

Татьяна Даниловна вышла навстречу:

— Ну вот и всё, закончилось лето! Сегодня закрываем дачный сезон. Дети должны подъехать с минуты на минуту. До следующего лета, Анатолий! Бог даст, свидимся. Пойду Сергеича кликну. Вон он – корчажку из реки достаёт. Глянь, а в ней ельчиков полным-полно.

И правда, вроде живая корчажка. Рыбёшка скачет в плетёной ловушке, на свободу рвётся, всем жить охота.

— Возьми себе, Анатолий. Хотя – знаю, знаю – отпустишь рыбок на волю.

— Отпущу, Татьяна Даниловна. Уж больно красивые они, пусть себе живут-поживают, жирка нагуляют, до следующего лета. Сейчас только ведёрко принесу.

— Только ты их в Чернушку выпусти, со стороны огорода, чтобы Сергеич не заметил. Обидится! Старается мой казачок. Всю жизнь чего-то мастерит, топочет, не перестаёт мечты свои в жизнь воплощать. Как из авиации на пенсию ушёл, думала всё, успокоится. Куда там! Вторая молодость к нему пожаловала. Так и говорит: «Успевать надо пожить, пока ноги наравне с головой бегут». Столько в жизни всего было... Терпели, старались. Отдыхать на потом оставляли. Мама любила повторять: «Отдохнем, когда звёздочки на небе светить перестанут». И всегда смеялась над своими страхами на людях. Впору руки заламывать, выть по-волчьи, а они с папой только зубами проскрежещут и дальше. Не успеешь оглянуться, а у них уж новая мечта родилась, самая-пресамая, необыкновенная. Не успеть за ними...

Когда скулить? Правильно, нету у человека времени на нытьё. Грех это большой – тоску растить там, где место под счастье отмерено.

И нас так приучили: «На Бога надейся да сам не плошай». Сколько той жизни осталось, а я нет-нет да вспомню то утро, когда проснулась от петушиного крика. Лицом к лицу со своим счастьем повстречалась – оно меня у калитки сколь годков поджидало. С тех пор не расставались надолго: всегда рядом, всегда вместе. Хорошо мы прожили с Феденькой. С каждым днём, с каждым годом только прибывало у нас хорошего.

Хочешь секрет, Анатолий? Да ты его, поди, сам знаешь. Ну да ладно, скажу, так и быть: «Не спеши отдыхать на белом свете. Лень укорачивает жизнь, пожирает её родимую до срока. «Отдохнем, когда звёздочки на небе светить перестанут». Помни!

Долгую жизнь прожили мои родители, трудную и счастливую. Мы на них старались походить. Хорошие они были люди: добрые, трудолюбивые и ответственные. Вот тебе и «кулаки»! Побольше бы таких «кулаков» на землю нашу. Феденька мой из казаков, потому и нет ему останова. Их ведь тоже «рассказывали», как и нас «раскулачивали».

Я рядом с ним всё больше в пути, редко на привале. Чужие люди придумали «кулаков». Чужим и казаки поперёк горла. Извели «чужие» Человека Земли. Осиротела земля наша. Зато сейчас по деревням и днём с огнём не найти ни кулака, ни мужика трезвого, ни тем более хозяина справногo.

Лебеда по полям да крапива, жирная злющая. Вольно растёт, отпору-то дать некому. Вот она и жирует на нашей земле, окаянная. Неужели всё прахом?

Прощай, Анатолий!

Мы простились. Пожелали друг другу крепкого здоровья, поменьше переживаний, побольше приятных забот.

— Созвонимся, Анатолий.

— Обязательно, Татьяна Даниловна! Берегите себя!

Фёдор Сергеевич окликнул меня перед самым отъездом. В руках он бережно держал корчажку:

— Возьми на хранение, Анатолий. Бог даст, свидимся по весне. Если не доживу до весны, рыбачь на здоровье. Снасть уловистая, всё лето с рыбкой будешь. Мало ли, возраст, будь он неладен...

— Сергеич, не нагоняй тоску, всё будет хорошо. Обязательно доживём, обязательно свидимся! Это как пить дать! Ты мне эту корчажку лет пять сватаешь, а я к ней только по осени и прикасаюсь. Хитришь, Сергеич! Весной-то ещё лёд по берегам дер-

жится – а ты уж тут как тут. Вёдрами рыбку черпаешь. Так что давай без этого – без «мокроты» на возраст.

Сергеич улыбнулся, глаза заблестели... Рыбак! Видать, представил себя будущей весной на этом самом месте... молодым!

Мы обменялись крепким рукопожатием.

— Такими руками, Сергеич, подковы разгибать, а ты мне «свидимся, не свидимся».

Дай, Боженька, здоровья и долгих лет хорошим людям, и нам рядом с ними уму разуму набираться.

А кулаки у Сергеича – и правда, без малого, каждый по восемь кило потянет...

Встреча с атаманом

Часть первая

Не знаю, с чего и начать. Опубликую отрывок (эпизод) из моей офицерской жизни. Почему этот? Наверно, потому, что засел в памяти и чем старше становлюсь, тем настойчивей напоминает о себе.

Итак, ИВАТУ им. 50-летия ВЛКСМ я закончил в 1973 году. Для прохождения дальнейшей службы был направлен в ЗабВО (Забайкальский военный округ). После собеседования в штабе округа (в городе Чите) определили меня в гарнизон Ареда, в режимную часть, 500 км от Читы. Благодать! До сих пор с теплотой вспоминаю те годы службы. Гарнизон что город, большой – два авиационных полка: истребительный и транспортный. Простор вокруг! Звёзды на небосводе с кулак величиной: не светят – слепят. После трёх лет казармы хоть на льдину. Гоняли нас отцы командиры до последнего дня. Спасибо, что гоняли – иначе и нельзя было. В то время будущих офицеров фронтовики воспитывали. До сих пор с теплом вспоминаю этих мудрых, скромных воинов. Умели и «гайки закрутить», и лицо сохранить не мешали.

Врач из приёмной комиссии нашему комбату так и заявила: «Будущий самовольщик, смутьян и заводила. Его лучше на гражданке оставить. Хлебнёте с ним...»

Как в воду глядела. Я хлебнул! Но это отдельная история, не стоит о ней впопыхах. Скажу, что за пять лет службы в Забайкалье, наряду с благодарностями от командующего округом и командира части, были и двадцать суток офицерской «губы», и суд

офицерской чести. За честь и пострадал, но и об этом тоже в другой раз.

Вырос на просторе. До тайги рукой подать. Предки с Дона. Натура! Никакого с ней сладу. Вспомните, кто в Сибирь уходил, когда и за какие такие заслуги? От немилости государевой бежали, от предательства. На землю шли вольную для жизни свободной. И сейчас рука к шашке тянется, когда ложь от тех слышим, кому врать земным и небесным законом под страхом смерти заказано.

Забайкалье в то время славилось и благополучием народным, и природой богатой первозданной. Зажиточные хозяйства с несметным количеством отар мирно уживались по соседству с целомудренной тайгой, голубыми небесами, бескрайними просторами, живыми сопками, прозрачными озёрами и речками.

Я влюбился в этот край раз и навсегда. И сейчас щемит сердце от нахлынувших воспоминаний так неожиданно улетевшей молодости. А ещё от обиды и сожаления, что и эту красоту пустили в разор, обрекли на нищету и вымирание.

Не один десяток километров исходил я с «Тулочкой» за спиной, по тайге голубой да степи золотой. Когда один, а чаще с сослуживцем и закадычным другом, Тереховым Юрой, начальником нашей автороты. На его «иже-спорте», как на ракете, с утренней зорьки на вечернюю и снова на утреннюю... Ни разу никуда не опоздали: ни на построения, ни на поверки, всегда успевали вовремя!

Там же, на охоте, познакомились мы с местными парнями. Оказались казаки. А когда узнали, что и я родом из Сибири, и предки мои из казачьего сословия, мы крепко подружились.

Так потихоньку, незаметно приняли меня местные в свой охотничий коллектив. Частенько приглашали в тайгу на дальние, спрятавшиеся от чужого глаза заимки.

В одну из таких поездок и свела меня судьба с интересными людьми, а память об этой встрече жива по сей день. Правду об истории «Земли русской» из первых уст услышал. А понять, разобраться что к чему, всё было недосуг, на «потом» отклады-

вал. Пока не отказался от гонки бестолковой в десятки лет, не остановился, да всё по «полочкам» не разложил, – так и летел, сломя голову, не замечая ни подсказок, ни вешек, предками расставленных, не помня ни себя, ни имени своего, ни какого роду-племени...

Как-то на охоте попали мы в переплёт. Погода разошлась ни на шутку – ливень, гроза, ветер с ног валит. Машину (ГАЗ-66) по кузов в болоте утопили. От тщетных попыток выручить её из трясины измотались вконец. Артель охотничья вся как есть из казаков состояла. Сотник, дядька Вениамин, за старшего. Пойдём, говорит, станичники, пешим строем, тут недалече. Мы в тайгу километров за полста забрались – само собой ни души вокруг. Людей и в населённой местности не шибко густо. Так, ютятся деревушки вдоль московского тракта, по берегам речек, да редкие полустанки вдоль «железки». Вот и всё население в тех местах.

Шагали часа два по чуть заметной тропе. Где в траве по грудь проридались, где в воде по пояс. Вечерело. Неожиданно тайга расступилась и будто захлопнулась густым ельником за спиной. Мы очутились в неглубокой балке, между нависшими с трёх сторон сопками. С одной стороны обрывистый берег таёжной речки, с другой – крутой, будто срезанный ножом карниз сопки, перед нами просторная поляна между речкой и чернеющей усадьбой. Лес, мокрый, тяжёлый, склонился над нашими головами, бросая вслед крупные капли захлебнувшегося дождя. Подойдя ближе, я разглядел, что перед самой сопкой крепко-накрепко вросла заимка. Виднелись какие-то постройки, в сумерках было не разобрать.

Сотник повеселел, шёл уверенно, ступал твёрдо, коллектив тоже приободрился. Я опомнился, когда навстречу нам выбежали лохматые волкодавы. Такой рык и с медвежьим не мудрено спутать. Мы встали как вкопанные.

Вскоре бесшумно отворились крепкие ворота внутреннего двора. Забор был исполнен на манер частокола, без щелей и хляби. Заострённые чёрные жерди, будто пики, ошетинились ввысь. Крепость!

Позже, когда я познакомился с заимкой и её обитателями поближе, с удовольствием отметил, что у хозяев, в самом подходе вести хозяйство, на каждом шагу просматривались глубокий смысл, прозорливость и житейская мудрость. Ничего лишнего, всё было представлено в первозданном виде. А это означало только одно – несомненно, у этих людей имелось ясное понимание окружающего мира и своего места в нём. Во всём ощущалось присутствие любви, бережливость, трудолюбие, а также твёрдая уверенность в правильности выбора жизненной позиции.

Дом был срублен по старинке, в два этажа, из крепких лиственничных брёвен, с балконом по всей длине, с летней верандой, с переходами и лесенками с перилами.

На территории усадьбы имелись ещё три дома, поменьше. И уйма хозяйственных построек: амбары, стойки, тепляки (зимовье), конюшни, ясли, сенники, бани и прочие строения. Каждое на своём месте, одно дополняло другое, являясь логическим продолжением, а где и завершением единой композиции. Под крышей навеса развешаны хомуты, потники, старые казачьи седла, волосяные вожжи, волчьи и медвежьи шкуры. Создавалось ощущение самодостаточности и неприемлемости каких бы то ни было излишеств.

Помнится, тогда я испытал противоречивые чувства. Первое – это гордость за то, что это наше и оно живо. Второе – сожаление от того, что это последнее и потому ещё живо, что спряталось в глухой тайге, подальше от посторонних глаз.

Разместили нас в доме для гостей, в просторной избе со свежепобеленной печкой. Посреди горницы возвышался массивный стол, вдоль стен – под стать столу – широкие лавки, в дальнем углу крепкие нары, устеленные душистым сеном, у двери деревянная кадка с ключевой водой, накрытая крышкой и берестяной ковш на гвозде.

В красном углу потемневшая икона в старинном окладе и горящая лампадка под ней. Икона сразу притягивала внимание, и я чувствовал, как расправляется душа. За порогом остались глупые предрассудки и пустые опасения. Я неожиданно осознал: здесь я настоящий, я в родном доме, среди родных

людей. А снаружи наши предки из последних сил сдерживали натиск «слепой» армады, несущей разор и забвение. Эти люди последние из тех, кто помнит, как было и как должно быть. И, слава Богу, я среди них!

После жаркой баньки мы, как сумели, привели себя в порядок. Я переоделся в полевую офицерскую форму. Иногда брал с собой на всякий случай. Бывало, прямо с охоты и в караул. Пару раз такая предусмотрительность меня выручила. И тут запасной комплект пришёлся как нельзя кстати.

Гена, мой давний приятель, из местных, посоветовал: «Анатолий, ты портупее-то не забудь, одень на всякий случай, не помешает. Она в самый раз к месту придётся, вот увидишь». Я тогда ещё подумал: шутит Генка, разыгрывает.

Казак такой народ: кого дураком выставить – они за милу душу. Такими небылицами напотчуют, так расстараятся, ты потом, чтоб от икоты избавиться, не один месяц по бабкам побегаешь.

Но когда я переступил порог хозяйского дома, то в первые секунды и сам растерялся. Статный мужчина во френче без погон, в галифе и хромовых сапогах «бутылочкой» стоял посреди светлой горницы, встречал гостей. Каждому задавал вопросы, касающиеся только лично его. Хозяин с интересом расспрашивал о родителях, детях, о деревенских новостях. Слышались вышедшие из обихода слова: станичники, круг, поход, казаки... шашки, пики, знамёна... станицы.

Заметив меня, хозяин шагнул навстречу. Остановившись в паре шагов, пристально посмотрел в глаза. Я тоже с интересом разглядывал его лицо, ещё не подозревая, что эта встреча перевернёт в моём сознании многие представления о правде как о мере справедливости.

— Звание?

— Лейтенант!

— Вера?

— Православный!

Выпалил я «запрещённое» в то время в армейской среде...

— А как же партийность?

Я насторожился и готов был ответить не совсем «корректно», но вовремя спохватился и промолчал. Он заметил моё замешательство и пришёл на выручку, разоружив меня своей открытой отеческой улыбкой.

— Проходи к столу, господин лейтенант. Чем богаты! Посидим честной компанией, поговорим за нашу жизнь, помечтаем о счастье народном... напомним о чести казацкой.

— Товарищ! — исправил я нового знакомого. — Товарищ лейтенант!

На что хозяин твёрдо возразил:

— Запомни, лейтенант, офицер – всегда господин! Был, есть и будет таковым! Он не принадлежит себе, он за святое дело призван жизнь отдать, немедля и не сомневаясь ни секунды!

— А что для нас Вера, лейтенант?

Сам и ответил:

— Святая Русь православная, люди наши: отцы, матери, жёны и дети, память родовая и честь святая, неподкупная, с молоком материнским в кровь вошедшая! Перед Богом нашим все едины. Мы, дети Его, сыновья и братья. Меж собой мы господа, но не товарищи! И не морочь ты себе голову, господин лейтенант, не забивай чепухой. Одна у нас с тобой Родина – наша Россия! Мало ли кто чего навывдумывал, чтобы нас смущать, от Веры отвернуть, меж собой рассорить. Проходили! И не раз! Тут свои собрались, ближе некуда. Скоро поймёшь «что по чём». Коль сотник тебе доверяет, значит, есть у него причина на то веская.

Что я мог возразить, если с детских лет с молитвой ложился, с молитвой день встречал? Бабушку свою вспомнил слепую, глубоко верующую и всеми вокруг уважаемую. Как поводырём при ней рос, глазами её на мир смотреть учился. Вроде колокол кто задел – слова эхом в груди отозвались. Проснулся, загудел колокол. Так и гудит через всю жизнь. Никакого сладу с ним, со звонком этим...

В противоположном углу над лампадкой живой иконостас светился. В потемневшем окладе икона святого Алексия (Алек-

сий – человек Божий – покровитель Забайкальского казачьего войска), по соседству икона Николая Угодника. В глаза святые лики заглядывают, не отвернуться.

Я перекрестился, с почтением, от души, просто и натурально, как в детстве при бабушке.

Таковыми мы тогда были: и крещёными, и поперечными одновременно. Казаки меня понимали. А как тут не понять, когда сами через это прошли: кто армию отслужил, кто в казённых «университетах» обучался. Православный мы народ и горе у нас общее – одно на всех. И воспитывали нас бережно, с прицелом на будущее, чтобы сдюжили и сохранили то, что для казака свято – честь казацкую и память родовую! Без Веры не мыслили будущего ни для себя, ни для детей своих.

Сейчас приходится память, как конспект, перелистывать – страницу за страницей. Дописывать, переосмысливать, додумывать то, что по молодости лет сердцем принял, а объяснить, сообразить до конца не успел. Жить спешил, не до того было. На «потом» оставил. Вот и наступило моё «потом». Пока не решил, куда с этим «конспектом» податься? Там, оказывается, столько неприметного на первый взгляд. Думал всё быльём поросло, ан нет, как вчера за столом сидели, чай душистый из тонких стаканов в серебряных подстаканниках пили.

Поджидало и дождалось меня моё прошлое, по всему видеть, не сомневалось, что вернусь за ним. Значит, так было задумано – вернуться.

Во главе стола восседал сам хозяин – умный, крепкий, интеллигентного вида мужчина. Первое, что пришло в голову, после знакомства с ним – офицер! По правую руку три сына. В глазах ум и образованность, манеры выдавали принадлежность к особому сословию. Выправка военная, фигуры атлетические. Женщины вышли для приветствия: хозяйка и молодая красивая женщина – дочь! Были и другие люди, но об этом в другой раз.

Много чего осталось на той заимке. Не мало и с собой захватил. Сiju вот вспоминаю. Интересные картины перед глазами

всплывают – яркие, сочные... молодые. И почему я не художник? По маминой линии все дядьки художники. Сам в детстве рисовал. Попробовать, что ли?..

Часть вторая

Хозяин заимки, Николай Алексеевич, был родом из дворян. Все предки по мужской линии состояли на государственной службе. Офицеры! Революцию встретил юнкером. Его жизненный путь – это история Государства Российского глазами беззаветно преданного и незаслуженно отвергнутого сына, случайно не порубленного на куски, и тоже преданными сыновьями России.

С истерзанной душой, с кровоточащими ранами в благородном сердце он не переставал любить эту землю, свой народ. Детей воспитал в любви и вере в Россию.

Меня щадили: истину открывали постепенно, не перескакивая, не забегая вперёд. Наоборот, шаг за шагом, не пропуская «мелочей», останавливаясь. И, если возникали какие вопросы, чтобы ответить, возвращались назад, к началу. Так, «зёрнышко по зёрнышку» – от встречи к встрече – я начал различать «свет», потихоньку, помаленьку прозревать. Мне было уютно и по-настоящему интересно среди этих людей. После окончания службы я мечтал вернуться в те края. Я точно знал – меня ждали. Так и было.

Надеюсь, что они живы и здоровы, что ничего плохого с ними не случилось, что не осиротела Земля Забайкальская, живёт и процветает заимка.

Помню, в тот вечер я впервые отказался от спиртного в компании охотников. Я вдруг ясно понял: здесь свои и нет необходимости маскироваться под «удальца-молодца». Тут каждое слово на вес золота! «Слушай и запоминай – ещё пригодится, – говорил я себе, – поберегись, чтобы легкомыслием не оскорбить хороших людей».

Заморочили нам головы: туда не ходи, это не читай, сюда не смотри, с тем не дружи. Мерзкая фальшь и сегодня продол-

жают литься из лживых глоток, разводя целые народы на своих и чужих.

Русские люди! Родные люди! И враги? С чего бы? Одна земля, один народ, Вера одна! И убивать друг друга? За что? Чушь какая-то, честное слово!

Это закончится когда-нибудь? Мы сегодня другие? Мы красивые... белые или мы русские?

Слава Богу, навстречу шагнули! Правде в глаза заглянуть осмелились. Обожгла своим взглядом правда. Страшно с ней с глазу на глаз оставаться. Не всем она по душе.

— Поймём ли себя?

— Способны ли вернуться к своим?

— Примут ли свои?

Сколько вопросов!

— Жива ли Надежда?

— Не умерла ли Вера?

— Гудит ли колокол? Или пока только перезвон весёлый да бестолковый.

Для кого-то она умерла. Другие не верят в неё. Многим всё равно...

Три сына – старший Данила, средний Егор, младший Борис.

И распрекрасная Елизавета Николавна, дочка любимая, всеми оберегаемая.

Сыновьям лет по сорок... пятьдесят. Трудно угадать возраст, когда люди живут правильно – по Законам Божьим.

Николаю Алексеевичу, как говорится, возраст не помеха. Другой раз посмотришь, ему всё нипочём – лихой казак атаман! Вся жизнь у него как тетива на луке. В силе атаман, в авторитете, а старость его за дальним хребтом сама по себе по тайге гуляет. Привольно ей на просторе, не спешит с хозяином повидаться.

За ужином о житье-бытье толковали. Подсчитывали, сколько парням на службу собираться, кому из молодёжи в город на учёбу ехать, кто прихворнул из стариков, где свадьбу справлять собираются, кто с кем повенчан. И так всё по-доброму,

обстоятельно, будто сыновья за родительским столом для совета собрались.

Было ясно – атаман в курсе всех дел в районе. Руку на пульсе держит. Ничто не ускользало от внимания мудрого старика, всякому событию находил своё объяснение. Замечание давал по делу, совет от души.

Это позже я удивлюсь прозорливости старого атамана. Когда издали – с расстояния прожитых лет – припомню и сопоставлю его предсказания и нынешнюю жизнь в Забайкалье. Предупреждал атаман: «Сгинем, если промедлим и не возьмём границу в свои руки. Оглянуться не успеем, как уйдёт из-под ног земляца родимая». Так и вышло. Чужие на нашей земле хозяйничают. Своим только и осталось: на погосте места застолбить, к родне поближе...

В тот первый вечер я будто в прошлом очутился. Разговорами по душам на будущее запасался. Не до размышлений было. Голова кругом шла от радости, что «лицом к лицу... и не обжёгся».

Как оказалось, атаман при поддержке казаков и местной партийной власти взялся восстанавливать казачий дедовский уклад. Мечтал возродить казачество на земле забайкальской. Начали с главного – с возвращения к истокам. Историю казачества по старинным манускриптам изучали, по летописям восстанавливали. К взрослым молодёжь потянулась. На глазах начало возрождаться казачество. Пока только ростки – и те на дальних заимках – под зорким партийным оком.

Дали слабину местные власти: разрешили казакам станицы восстанавливать на пепелищах в чистом поле. Давно мечтали казаки на свои земли вернуться: родовые кровью казацкой политые, предками намоленные. Вырвалась силушка на простор, что твоя медовуха из бутылки, через край да в потолок пробкой. Своя сила – не привозная. Мудрость, через кровь переданная, голос подала. Услыхали голос!

После очередного съезда КПСС идею возрождения казачества поддержали и на местах. Согласились, что пора пришла о душе людской позаботиться. Хворая она стала – по закуткам прячется, таится, плесенью зарастает. Точно ей от отваги неужёмной, против братьев родных нацеленной.

Вскоре появились первые переселенцы с китайской стороны. Внуки, правнуки первых эмигрантов. Семьями ехали (с женами-китаянками), на пустом месте станицы отстраивали, часовенки возводили. Ростовые монастырские иконы с собой везли. А самое главное (что партийное руководство «проморгало») – ВЕРУ домой вернули ЕДИНУЮ! – не «обкусанную» ржавыми коронками коммунистической идеологии.

Как же мудро провидение!

Историческая справка: «Ещё в XVII веке при взятии цинской армией русской крепости Албазин на реке Амур в 1685 году 45 казаков, захваченных в плен, были переселены в Пекин и положили начало многолетнему присутствию русских в Китае. Среди пленённых оказались крещенные буряты, калмыки и потомки от смешанных браков. Казаки были причислены маньчжурским императором к почётному военному сословию и зачислены с приличным жалованием в «русскую роту» жёлтого с каймой знамени императорской гвардии. Пленные казаки наравне с другими солдатами получили казенные квартиры, деньги на первоначальное обзаведение хозяйством, наделы пахотной земли. Холостых казаков женили на китаянках. Для богослужения русским был передан во владение буддийский храм, который священник Максим Леонтьев (первый православный священник на китайской земле) обратил в часовню во имя святителя Николая Чудотворца. Там вплоть до 1695 года он совершал богослужения, обслуживая духовные нужды своей паствы.

К этому времени в России узнали о деятельности отца Максима и его усилиях сохранить веру среди казаков. Русское правительство обратилось к китайскому императору с просьбой об освобождении пленных или же о разрешении им построить в Пекине русскую церковь. В 1696 году отец Максим совместно с прибывшими из России священнослужителями освятил церковь во имя Святой Софии, однако её так и называли Никольской в честь иконы Николая Чудотворца».

Вот вам и Вера! С этой Верой и возвращались казаки на родную сторону. Год за годом её сеяли, сохраняли, из рук в руки

передавали. Мы всем миром их труды пожинаем. Возродилось православие на земле русской. Слава Богу! Теперь уж навсегда!

Станица за станицей вырастали. Мужики местные пить побросали, к казакам давай жаться. Присматривались, как те с землёй управляют, опыта набирались, с Богом в сердце жить учились.

Недолго продлилась «оттепель». Спыхватилась власть – испугалась вольницы казацкой на крепкой Вере замешанной. Снова прижимать стали казаков, палки в колёса, душу выматывать, да поздно! Проросли семена из «запасников», всходы дали здоровые! И полетел клич атаманов по Земле Русской: от станицы к станице, от Амура к Дону, от Дона вширь и обратно – со словом Божьим, с перезвоном колокольным.

В Сибирь по-разному попадали – чаще не по своей воле, за редким исключением. Николай Алексеевич по своей. Говорили, что родственник его чуть ли не губернатором служил в этих краях. А сам он, по молодости лет, то ли с Колчаком пробивался, то ли против Колчака воевал? Какая теперь разница? Один мы народ, и беда у нас общая. Запутали нас так, что мы по сей день от героев отрешиваемся. А они по обе стороны... прощения нашего и прозрения дожидаются.

А в те далёкие годы о примирении не могло быть и речи. Мсть питалась мстью! Поэтому и ушли – атаман с его правдой и казаки с их верой – куда глаза глядят, лишь бы подальше от мести проклятой.

А тут, гляди-ка ты, смысл у казака появился, нужда пропала жизнь попусту расплёскивать, духом крепчать стали. Атаман процессом руководил – могучей рукой под уздцы держал, у него не забалуешь. Боевой атаман, уважение к себе в походах добыл.

Из одного родника воду черпали, чистой росой умывались, молоком парным вскормлены, в едином храме крещены.

Пора настала долги казакам отдавать! Ох, пора! С большим опозданием, но хотя бы так...

Сыновья атамана после службы в армии к отцу вернулись. Тоже офицеры. Обосновались на заимке, обжились. Лошадей племенных развели, хозяйство на ноги поставили. Тайга – тут

только успевай, не ленись. С молодёжью военно-патриотической подготовкой занялись. Сюда же: джигитовка, сборы, марш-броски, ориентирование на местности и много чего ещё. В общем, всё по-взрослому – готовили защитников Отечества по всем правилам военного искусства. Так и жили – с пользой для общего дела – жили и Родине служили, как у казаков принято...

Часть третья

Казаки договорились затемно верхом уйти на солонцы, а заодно покараулить зверя на «пустоцвете» – молодой травке, которая от щедрого забайкальского солнца, обманувшись теплом, потянулась к свету.

Я любил в одиночестве побродить с ружьишком. Местные подсказали, с какой стороны сопки можно подманить рябчика. Я и направился в том направлении, куда пацан рукой махнул, захватив с собой водички, хлеба краюху, ломтик сала и пару огурцов с хозяйской грядки.

Напоследок меня строго-настрого предупредили, чтобы я лишний раз к речке не совался. Мол, речка золотая, там и пульку меж ушей, и ножичек под ребро схлопотать, за милую душу...

Тут без обид. Места эти «золотые» из поколения в поколения, из рода в род передаются. Дела семейные, а гостей непрошенных привечают в одну только сторону. «Закон – тайга, медведь – хозяин». Забрёл куда не звали – будь любезен – тут и останешься, в этой самой красоте на веки вечные с чужой тайной в обнимку. Законы эти никто не отменял, они и в наше время исправно работают. Людишек чужих много по тайге шатается, вот и приходится учить их уму-разуму. Тайга без хозяина пропадёт! В тайге люди трудно живут, но честно. Тут долго не нагуляешь, если совесть не чиста...

Не спеша, смакуя животным чувством опасности, затаившимся за каждым кустом, пригорком, за чернеющей колодой, я медленно поднимался в сопку. В незнакомой местности (тем более в тайге) такое случается, пока не привыкнешь к особенно-

стям местного ландшафта, а скрюченное аномалией дерево, к примеру, перестанет шевелить ушами и вилять хвостом, напоминая матёрого волчару...

Обогнув неглубокую балочку, я очутился на уютной полянке, с которой открывался прекрасный обзор. Чуть ниже, из густого ельника поднималась высоченная сосна. Толстенный сук, будто рука исполина, указывал по направлению на восток. На первый взгляд расстояние до сосны метров двадцать. «Само то для выстрела», — прикинул я.

Не успел я манок к губам поднести, как рябчик «попёр» со всех направлений. Какой меж сосёнок перебежками топочет, другой – до смешного – на голову норовит запрыгнуть. Впору стволами отгонять – какое там стрелять. Потом на этот сук один за другим давай планировать. Не охота – канитель сплошная с ними. Отвёл малость душу, но больше любовался, чем охотился.

И вот же напасть: понесла меня нелёгкая к реке. В этом месте речка делала плавный заворот вокруг сопки, здесь предположенные участки чередовались с широкими плёсами. Ельник остался за спиной. Раздвинул рясные кусты черёмухи – и вот те на – лицом к лицу с незнакомым мужиком очутился.

Я только рот раскрыл: «Доброго здоровьица, человек хороший!» А сам-то уж понял, что попал в переплёт. Он, не мешкая, хватъ карабин с пенька и в меня стволом тычет, затвор передёрнул... А меня уж и след простыл. Инстинкт «дурака» не подвёл – сработал! Золотишко и мои предки промышляли в былые времена. Все эти «приколы» с любопытством дурацким у нас с малолетства известны. «Не суй свой нос в чужой огород – старость на своих ногах встретишь и внуков понянчить успеешь».

Просвистела пулька над ухом. Ещё бы самую малость – и ужалила в висок. Вот тебе и речка «золотая». Предупреждали ведь! А среди таёжников каждое слово на вес золота!

Ну а я вроде «косого»: из-под выстрела вывернулся и давай кружева плести молодыми ногами. В две минуты управился. Такие сплёл, что за мной в тот момент хоть свору гончих пускай – лбы порасшибали бы на моих петельках, плюнули и отстали. Это я сейчас такой смелый, а тогда через сопку козлом скакал. У

ворот в заимку волкодавов не заметил – махом смёл, живность перепугал, разогнал по закоулкам. Сел на ступеньки и закурил сигарету «Космос» фильтром наружу...

Казаки потом ржали надо мной, как жеребцы, да подкалывали на все лады. «Тебя, Анатолий, никакая пулька не догонит, ходи смело. В загон тебя пускать будем – ты косуль, прям, к костру доставишь. Нам только и останется, что верёвками копыта им спутать. Живьём будем брать. Пусть ребятишки порадуются – живое оно всегда приятней, нежели протухшее. Тонко меня материли, душевно.

Смех смехом, а обычаи местные надо знать и соблюдать. Тогда и хворь никакая не пристанет.

Закончился мой первый день на таёжной заимке. Сколько их было за пять лет службы в Забайкалье! Достаточно, чтобы и через тридцать лет не помнить ...

Эпилог

Я с благодарностью вспоминаю наши встречи и задушевные разговоры с удивительной и неповторимой Анастасией Фёдоровной, преданной женой атамана. Мы сидели на веранде и пили чай с жимолостью, я чувствовал, что во мне рушится стена... и никакого страха, наоборот, я радовался, что это происходит сейчас, а не потом «когда-нибудь». Возможно, с годами это станет не столь важным для меня событием.

Как же я ошибался на этот счёт. Когда бы это не происходило с нами (встреча лицом к лицу), это всегда важно. Сегодня важно вдвойне! Ненастоящее фальшивое уступало и покидало меня, освобождая место для сомнений и устремлений к поискам. На сердце стало легко и спокойно. С тех пор я стал пытаться заглянуть за горизонт, представить себя «не» на своём месте. И удивительное дело – кое-что удавалось и удаётся подсмотреть...

А пока я на долгие годы забыл об этой удивительной возможности – пытаться заглянуть за горизонт. Одно меня смущало – я

не понимал, что мне делать с колоколом. Он гудел с каждым днём и годом всё громче и громче.

Но!.. Я был молод и надеялся, что это навсегда, я верил в чудеса, я мечтал о любви и бесконечных приключениях.

К сожалению, и здесь я напортачил. Молодость не вечна! Обстоятельства изменились: пришло время подвести кое-какие итоги...

В открытое окно заглядывала отмытая, полнощёкая луна, еле слышно шумела вековая тайга, на перекатах смеялась «золотая» речка, мерцали чистые звёзды, уютно засыпал камин. Шорохи, таинственные «гуки», — крик филина и снова тишина. И звон в груди...

Пора спать, утром возвращаться в гарнизон. Дорога дальняя...

Я крепко запомнил слова Анастасии Фёдоровны. Мы, настоящие, и они, бывшие, – мы все единой веры. Это надо принять сердцем, обязательно покаяться и простить. Перед народом покаяться. А дальше – только рядом и только вместе.

Кто так жестоко: – по живому и в разные стороны? Ответов нет? Ответы есть!

Солдаты

В юные пацанские годы повезло нам с другом Серёгой – настоящие мужики уму-разуму учили – охотники, фронтовики. Объясняли, что в тайге сила и мудрость земли русской, что любить её надо родимую, слушать и услышать многоголосый призыв к милосердию, откликнуться, прийти и защитить. Любить учили всем сердцем, беречь, защищать, не щадя живота своего.

Жива любовь! А вот сохранить и сберечь – увы! – не сумели. Прогнали нас из нашей тайги и тайгу загубили. Вырубили! Красоту траками перемололи, а где справиться не смогли, там под корень выжгли...

У отцов наших жизнь из двух половинок состояла. Первая – это семья и работа, вторая – тайга. Слава Богу, в такой войне уцелели!

Серёгин батька шоферил на лесовозе, мой – на Ремзаводе токарем-расточником трудился.

Ружьишко у дяди Сани (Серёгина отца), на всякий случай, всегда в машине за сиденьем хранилось. Тайга кругом, а зверь в ту пору не пуганый был, не со злобы, из любопытства на рожон лез. Не убивать, отпугнуть – и то выстрел. Стволы у ружья, как папиросная бумага, на просвет светились. За долгие годы свинец, будто резец, с металла стружку содрал.

Мужики подсмеивались над своим «бугром», подсмеивались и ворчали: «Саня, твои стволы, ещё самую малость – и воздух пропускать станут. А попадётся заряд покрепче, не сдюжат – срежут уши не хуже бритвы. Пофорсишь после... гололобым евнухом». Мол, дело такое, и не только с ушами можно распрощаться...

Дядя Саня ни в какую, прикипел к ружью. «Надёжный товарищ, проверенный, сколько раз от верной гибели уберёг – и от волков, и от медведя отбивались на пару – ни разу не подвёл.

Дядя Саня – старшой в охотничьей артели. Тайгу, что свой огород, выучил и к зверю относился уважительно. Чаше в тайгу – подальше от дома – по другой причине забирались. Хорошо под звёздным небом у костерка чайком душистым душу отогреть, повспоминать среди своих о своих же. О тех, кому другая судьба выпала ... кому не суждено вот так – у костерка в честной компании...

Зверь и тот привык – уверен был, что охотники лишний раз не потревожат. У мужиков от чужой крови да и от своей в глазах метлики розовые скачут, по горло сыты горем окаянным. Поговорить, «потравить» от души – были пересказать с небылицами вперемежку – это да, это за милую душу.

Народ всё больше боевой, с юмором. Столько всего повидали. А рассказчики какие! Мы пошевелиться лишний раз боялись. Во все глаза смотрели – слушали и запоминали, слово боялись пропустить.

Бывало и такое – отойдёт какой мужик от костра, приляжет в душистую траву под молоденькой берёзкой и затихнет. Приглядишься, а у него глаза сквозь небо, а по щеке слеза катится. Своё вспомнил – не для пересказа, тут без свидетелей надобно.

Не мешали – понимали: война... мало ли...

Из Сибирских дивизий, в основном, солдаты. Сколько их полегло в той войне. Хорошо, если из десятка один уцелел и домой воротился.

Москву отстояли, фашиста мордой к дому развернули и более уж не дали засомневаться – гнали до самого Берлина без остатков. Отбили охотку на наше добро зариться, думали, что навсегда...

Тогда помнили, как это было. С малых лет, с молоком матери впитывали уважение к героям, гордость за нашу победу.

Жутковатая выходила правда по рассказам фронтовиков, но это была наша правда, из первых уст. Мы слушали, повторяли, пересказывали друг другу... крепко запомнили.

«Как там дальше?» Я не берусь ручаться за всех. Знаю только, однажды уйдя в ту войну, никто из неё не воротился. И живые, и павшие все остались в той войне. Войны не отпускают своих солдат – они ими дорожат, каждого помнят по именам. Там, где жива эта память, солдаты не стареют – они всегда в строю и всегда в почёте...

В то послевоенное время нас с немцем опасно было с глазу на глаз оставлять. Мы «пленных не брали» – за отцов мстили. Играли только в войнушку – не играли, мы по-настоящему воевали. И побеждали, и мстили на полном серьёзе.

Брата моего двоюродного Толяна просмотрели «особисты». У него отец, дядя Фома, четыре года с войной душа в душу. Она ему две разрывные на прощание, в пах, за смелость и отвагу подарила. Успел дядя Фома после войны двум сыновьям жизнь подарить и тётю Груню счастьем бабьим до краёв заполнить. Умирал тихо: прилёг в саду под рябинкой, улыбнулся пушистой тучке и ушёл к своим полчанам со слезой у виска.

Вспомнил... и ушёл. За жену, за сыновей поблагодарил Боженьку нашего и ушёл. К Нему и ушёл!

А Толян Суворовское училище закончил, потом Омское Общевойсковое. Танкист! Просмотрели штабисты, что батя у него войну «от края и до края», что сын за отца зубы сцепил так, что эмаль трещит и дёсны кровоточат. Задыхается Толян от обиды, места себе не находит с горя. Сердце в тисках, в глазах месть чернее ночи.

Тогда сыновья за отцов мечтали мстить. Так и шли – колонна за колонной – мстить... мстить... мстить...

Для дальнейшего прохождения службы направили брата в Германию. Он в той Германии со своим замполитом – тоже сыном убитого фашистами отца – двинули танк «на Берлин». При полном боевом вышли. Мосток жидковат оказался – не выдюжил, рухнул под нашим танком. Так они ещё успели двух полицеев в речку сбросили. Хорошо без жертв обошлось.

Брат потом рассказывал: «Батя на том мосточке рядом стоял. Я его голос слышал. Он во мне песней звенел».

— А в чем дело-то? — интересуемся у брата. — Ты ж прямо-ком в расстрел попёр со своим замполитом?

— Плюнули нам в след. Свиньями обозвали... оккупантами...

— Тогда, конечно... Святое дело за батю!..

— Эх, мосток жидковат оказался! Отвели бы душу, заткнули бы глотки немчуре поганой...

Нельзя нам было в Германию. Мы за отцами и дедами в ту войну ушли. Многое разглядели, многое на всю жизнь запомнили – дверь-то долго держали не запертой. Отцы наши и в 50-е умирали на наших руках от пуль, убивших их в 40-е. Такое разве забудешь? Мы не забыли. Так и идём – колонна за колонной... И нет этой колонне конца, нет ей и начала.

Вот только с памятью нынче не того – забываем долги героям при жизни вернуть.

А солдаты во все времена нужны. Родину защищать никто не отменял.

Как у нас сегодня с героями? Уверен – не перевелись...

А с долгами как? Успеет живым отдать?

Дядя Стёпа

Посмотрел я на ядрёный огурец с пупырышками и вспомнил эту историю.

Отец демобилизовался в начале пятидесятых. За плечами восемь лет службы на Тихоокеанском флоте. Старшина первой статьи, командир радиорубки, радист первого класса. Воевал с японцами.

Цыганские кудри из-под бескозырки блестят, как воронёное крыло, клёш по земле вихри разгоняет, тельник на богатырской груди вот-вот треснет от силушки молодецкой. Как говорится, «моряк на суше...»

В Иркутском аэропорту предлагали на выбор: на «земле» работать по специальности, либо на международных линиях бортрадистом.

Мать (моя бабуля) взмолилась: «Миша, сынок, я тебя столько лет дождалась, дом сохранила, хозяйство сберегла. Куда ты слома голову? Охлонись! Пожалей ты меня, не молодая поди. Поживи рядышком, отогрей душу возле мамки родной».

Мария Алексеевна, баба Маня, была слепой. Отец – самый младший из шестерых детей. Куда деваться? Остался при матери. Мать есть мать! Как по-другому? Да никак!

Выучился на токаря и, день в день с новым немецким станком, заступил на пятидесятилетнюю вахту на Завод лесного машиностроения, в то время РММ – (ремонтно-механические мастерские).

Сорок один год душа в душу со станком. Старались не подводить друг друга. И не подвели ни разу. Токарь-расточник высшего разряда.

Скучал отец без своей «морзянки», но виду не подавал. Годов до сорока пяти на переподготовку призывался на свой Тихоокеанский флот. Соколом домой возвращался. Флот – это вам ни хухры-мухры. Дисциплина опять же до глубокой старости мужика в кулаке держит.

Затосковал отец, когда на пенсию ушёл. Частенько заглядывал в родной цех, проводывал друга своего закадычного. Переживал, шибко сомневался насчёт этой «дебильной» перестройки. Бывало, горько так усмехнётся, погрозит кому-то могучим кулаком, чертыхнётся: «Аааа, жополизы, про ... ли Россию!»! Нальёт сто пятьдесят, опрокинет залпом пополам со слезой, крикнет и затихнет. Посидит рядом со станком, повспоминают с другом бывшие времена и домой. На прощание выдавит с болью: «Строили, строили ... завоёвывали, завоёвывали, а помирать в исподнем. Снова на весь свет прославились. стыдоба одна!».

Завод закрыли, когда отец ещё жив был. Он мне как-то сказал: «Эх, Толяха, не успел я помереть в хорошем настроении. Полёживал бы сейчас да в усы улыбался. Мечтал бы, что не зря мы тут спины надрывали. А придётся с матюгами идти. Будь они прокляты с их новыми порядками. Угробили Россию! Народ обообрали до нитки. Ни стыда, ни совести».

Станок сдали на металлолом, моторный цех переоборудовали под тёплую стоянку. Всё растащили, а с доской «Ударник социалистического труда» до сих пор не справились. Она живым укором над заводским сквером возвышается. Учитесь, мол, работать так, как мы умели и могли.

Города и страны в тартарары летели и продолжают лететь. Чего уж там какой-то заводик в забытом Богом сибирском городишке, какого-то там лесного машиностроения. И тем более немецкий станок преклонного возраста.

Леса путного не осталось – всё прахом: вырубили, выжгли ... да чего там. Стараются, из кожи лезут, чтобы в этот раз окончательно и бесповоротно. Душу наизнанку выворачивают, мозги прочищают... Народ зачищают.

Мы так и не привыкли к новым порядкам. Мы остались в нашем светлом прошлом...

Но это будет потом.

За окном 1952 год. Всё самое важное, что должно случиться в жизни моего отца, ещё впереди, и я в том числе.

Усадьба наша вмещала соток двадцать плодородной земли. Дом, летняя кухня с банькой, стайка для кур и поросят, крольчатник, погребец, угольник, дровяник и прочая городьба. Сад, огород. И домашние животные, без которых жизнь – сплошная скука и тоска зелёная. Куры, утки, гуси, индюки, кролики, поросята и, конечно же, собака. Собаки! Я помню каждую, и с каждой связана своя незабываемая история.

Бабушка, несмотря на свою слепоту, вполне управлялась с домашним хозяйством. По двору передвигалась уверенно, не запинаясь и не задевая углов. Секрет заключался в том, что все предметы должны были находиться строго на своих местах.

Такой порядок сохранялся и после того, как в доме появилась невестка, моя мама.

Мама и бабушка хорошо ладили между собой, но последнее слово было за бабулей. Со стариками в наше время считались, уважали, прислушивались к их мнению. И это правильно! Жизненный опыт и родовая память? Это к ним, к нашим дедушкам и бабушкам.

Всё шло своим чередом. Ничто не предвещало «беды» до тех пор, пока на свет не появился я. Но это уже совсем другая история...

Огурцы у бабушки на тот год уродились ранние. У неё каждый год был таким. Соседские только-только цвет сбросят, а отец уж вовсю девчат на танцах угощает. Сладкие огурчики с пупырышками. На работе только захрустит, а бригадир уж тут как тут, кулаком грозит: «Мишаня, я тебя в другой раз у проходной обыщу. Эти твои огурцы живьём заставлю глотать. Никакой работы! У нас план горит, премия! А бригада столбом стоит. От ароматов огурцовых головокружение и слюна по земле».

Отец со смехом высыпал огурцы на общий стол. Коллектив! Тут и в голову не придёт что-то утаить. Самое вкусное несли, по углам не прятались. Такие были традиции...

Богатые урожаи собирали в те времена. Никакой тебе химии, сплошная органика, и та со своего подворья. И молитва! А как же без неё? То-то и оно, что никак. Бочками солили. Спустишься, бывало, в подвал: за грибочками, огурчиками, помидорчиками, за брусничкой, клюквой ли – а там будто в пещере Соломоновой. Куржак с потолка бусами брильянтовыми переливается, снег за шиворот сыплется, кругом полумрак, тишина – ни звука. Пламя от свечи еле-еле мерцает. Тени за бочками мечутся, на чертей похожие. Сунешь руку в рассол, а в нём всё живое, холодное, скользкое кишмя кишит. Огурцы тупыми носами в руку тычутся, грибы между пальцами проскользнуть норовят, стылый рассол сухожилия в узлы скрючивает. Растопыришь заоченелые пальцы и лишь бы что зацепить в эмалированную миску – и пулей наверх. Бррр...

Зато на свету любо-дорого посмотреть! Рыжики золотом отливают, сырые грузди на белых медведей похожие, огурчики ядрёные только с грядки, помидоры алые щёки раздувают, вот-вот лопнут от важности...

Отец на заводе план выполняет, бабушка по хозяйству старается, лишний раз не присядет, мама к bravому морячку присматривается, а меня ещё и в помине нет.

Лето к осени – время заготовок. У отца к тому времени мотоцикл появился «ИЖ-49». Весело холостяку живётся, беззаботно. Девчат по вечерам взялся катать, нарасхват жених. Моряк! Катать катает, а с мамы глаз не сводит, тоже присматривается.

Приходит как-то отец с работы, а бабушка в слезах.

— Что случилось, мама? — спрашивает отец.

— Да ты знаешь, Миша, кто-то повадился в огород – огурцы шурудит, спасу нет. Всю ботву перемяли, ироды.

— Не ошибаешься, мама?

— Нет, не ошибаюсь. Вчера нащупала с десяток, но собирать не стала – пусть, думаю, доспевают. А сегодня проверила – пусто и листочки примяты.

— Не волнуйся, мама, посплю на сеновале недельку, отловим воришек, отобьём охотку по чужим огородам шастать.

Отец и сам любил почудить, ему только дай волю. А тут такой случай! Почистил дедову берданку, сходил на «железку» за каменной солью, размельчил булыжник так, чтобы не очень мелко, и засыпал в патроны по пригоршне на заряд. Не пожалел! Способ испытанный и не раз опробованный. Благо, железная дорога под боком, а по ней чего только не везут, и соль в том числе.

Накануне отец обследовал изгородь в огороде и обнаружил два замаскированных лаза. «Ага, набили тропку ухари». Напротив дыр укрепил по две берёзовых жердочки, домиком. Ночью береста ярко отсвечивает, заметно, если кто мелькнёт на белом фоне. Прикинул с сеновала – и так и эдак – понравилось. Руки потирает: «Приходите, гости дорогие, встречу как полагается!»

Лежит мой батька на душистом сене, со звёздочками перемигивается, месяцу улыбается, мелодии цыганские напевает. Хорошо на свежем воздухе мечтается. Тогда и решил: «Осенью сватов надо засылать к Валуше (моей маме), как бы не опоздать. Ванька Карпов все голяшки по...сал, придётся пободаться с пехотой».

Потом вспоминал: «И вот, где-то на третью ночь, слышу... идут. Собака старенькая, глухая, спит без задних ног – хоть из пушки пали, не услышит. Месяц полнёхонький на небе – светло, огород как на ладони. Слышу, шум внизу, шуршание подозрительное. Пригляделся, а там две тени мечутся. Первая тень по грядке катится, из-под боков огурцы достаёт и в мешок складывает. Вторая мешок держит и за первой на полусогнутых еле поспевает. Я аж залюбовался их сноровкой. Что-то знакомое показалось в их спорости. Но в тот момент не до того было – старался выцеливал. Чтоб наверняка – с первого выстрела – цель поразить. Не зря же шестнадцатилетним в снайперскую школу призывался, а через год закончил с отличием. Неужели не знали пацаны, что нет у них шансов из-под выстрела выскользнуть?»

Прикинул батька, что на следующем развороте жо...ы воришек обязательно с солью встретятся и легонько придавил на спусковой крючок. Бахнуло так, что плечо онемело. Не берданка, мортира ухнула! Дым от пороха повис плотным сизым облаком. Всё пропало из виду, и только дикий вопль, мелко дробясь на

матюги и «охи», развеял последние сомнения – встреча с солью состоялась.

А отец: «Я не на шутку перепугался – сомнения одолели, неужели патроны перепутал? Спрыгнул с сеновала, зашёл во времянку, на свету перепроверил ещё раз. Убедился – всё нормально! Других-то и не брал с собой, только «солёные», их под рукой держал».

Утром отец снова оглядел забор. А там ещё две дыры обозвались. «Шли-то на таран, не разбирая вешек».

Минула неделя. Никаких жалоб со стороны соседей не поступило. На сеновале благодать! Огород под присмотром, воздух свежий, романтика опять же. На сеновале всегда так – романтики хоть отбавляй.

А тут на заводе сверхурочные объявили. Комплектующие к концу месяца подвезли, а план будь любезен вынь да положь. Без плана грустно да и непривычно было: ни премий, ни отгулов, ни той же «тринадцатой» не увидишь, как своих ушей. И с Доски почёта можно слететь, а на ней места раз два и обчёлся, не факт, что снова попадёшь.

Обедали двумя бригадами. Стол длиннющий, скамейки под стать столу, цех спокойно уместится.

В этом месте отец не мог сдержаться, хохотал до слёз. «Смотрю, говорит, а Стёпка в сторонке пристроился, на чурбачке. Не порядок! Я потеснился, зову его: «Стёпа, да садись ты за стол, не торчи каланчой, места всем хватит».

За рукав спецовки ухватил и потянул на себя. А он, видать, неустойчиво стоял (ноги крестиком переплёл), не удержал равновесие и со всего маха плюхнулся рядом со мной. И тут я услышал знакомый вопль, сразу узнал. Вот те раз! Получается, признался Стёпка аж на глазах у родного коллектива! Он, как мячик, запрыгал по скамейке, с каждым приземлением распаляясь сильнее и сильнее. Кое-как выскочил из-за стола и на ходу схватил первое, что попало под руку. Оказался кардан от директорской «Волги».

Стёпа гонялся за отцом, лавируя между станками, и орал на весь цех: «Убью, растудить твою тудить, столько страданий при-

нял за твои огурцы дохлые! Неделю сплю в тазу с тёплой водой, вприсядку. Жопы разбухла так, что ни в одни штаны не влезает. Изверг ты, Мишка! Прибьюуу!..»

Повязали мужики Степана, успокоили кое-как, ему в армию через месяц, пожалели. Правда, ржали до икоты. Подкалывали на все лады, с этим делом в трудовых коллективах порядок.

Оказалось, это Стёпка со своим брательником Федькой наловчились огороды соседские чистить. А мы знаем: «сколько верёвочке не виться...» На батьку года два «косяка давил», пока не помирились на охоте.

— Ты на хрена, Мишаня, таким крупняком в меня садануло, змей ты полосатый (это он за тельник). Я и щас огурцами давяюсь, нутро восстаёт, отказывается принимать овощ с пупырышками. И трусы при женской половине при свете разучился скидывать. Сразу вопросы: «Воевали? Не разведчик ли?» И разные подковырки, откуда не ждёшь. Ну, Миха, отыгрался ты на мне»!

— Это тебе за маму мою. Чтобы помнил, что слепой человек он как святой, его уважать надобно.

— Ладно, Мишаня, добро, по рукам, что ли? Ты меня вовремя остановил, а так бы доигрались с Федькой до взрослой карусели. Пацаны были, одно слово – балбесы.

— Мир, Стёпа?

— Мир, Миша!

Хорошие были мужики, настоящие, с юмором и добрые.

«Толька (это они мне), ты смотри, если за огурцами, то лучше к нам. Мы огурцами завсегда рады поделиться, которые с пупырышками».

А сами перемигиваются и хохочут. По-доброму так, по-соседски...

Виноградная лоза

Эта история берёт своё начало на заре девяностых. Что касается её окончания, тут я не уверен. Такое ощущение, что процесс прошёл точку невозврата и продолжает ускоряться по сей день.

Итак, в самый разгар бабьего лета «дружная» компания выживших из ума старичков в одночасье подменила цели и задачи целого народа.

Перво-наперво отпала всякая нужда спешить на работу! Бояться профкомов, партийных разносов и прочей социалистической ерунды. Люди обезумели от свалившихся на их головы немыслимых свобод и «демо(н)кратических» преобразований. Казалось, «веселью» не будет конца!

«А как с трудовой дисциплиной быть? – сомневались самые стойкие. — Мы с тунейдством всю сознательную жизнь боролись! Изжили! А тут на тебе – «свободы»? От чего эти «свободы»?..

Когда разобрались и сообразили что к чему – всем миром ушли в запой. Пили по-чёрному, трезветь отказывались наотрез! На Россию опустилась кромешная темень – «эра безжалостных бесов» – официально «бээсов»!

Историю эту мне поведал Толян, Володькин друг и кирюха по жизни.

«С Володькой мы знакомы давно, считай, с самого детства – оба «вокзальские». Звоню ему, интересуюсь: как да что... дела, настроение, планы? «Хреново», — отвечает Володька. Он в ту пору шеф-поваром работал на «Химпроме». Подкрались москвичи к

градообразующему предприятию, как кошка к мышке, втёрлись в доверие к заводскому коллективу, в городской администрации мосты навели, а за пазухой – до поры, до времени – мыслишки подленькие вынашивали. Уничтожить предприятие любой ценой, чтобы расчистить дорогу китайскому ширпотребу. А «откаты» и прочие «бесовские» бонусы на карман себе, любимому. Чем не бизнес для «новых русских»? Где взрастили, чем опоили этих «новых», откуда завезли на наши головы?

В первую очередь закрыли столовку, где Володька поварил. Потом какие-то проекты, обещания и, наконец, объявили во всеуслышание: «Кирдык вашему «Химпрому», решение окончательное, обсуждению не подлежит!»

А на градообразующем сотни видов продукции выпускали, четырнадцать тысяч земляков трудились. Семьи кормили, детей растили, с надеждой в будущее заглядывали.

«Как так кирдык? Вот те раз – оказывается, «свободы» все планы на светлую жизнь перечеркнули? Куда деваться?»

Научился народ без работы выживать – хорошо, тайга под боком. Хотя и тайги-то с гулькин нос осталось. Тайга пеньками, будто слепыми бельмами, в небо таращится...

А мы с Володей подумали, подумали, да и решили – пока суть да дело – податься в грузчики в соседний гастроном. Хоть на время... Семьи у обоих. Тут хоть из-под земли, а вынь да положи какие-никакие гроши...

Директриса долго и подозрительно вглядывалась в наши трезвые лица, наконец, хмыкнула и подписала заявления. Приняли!

Гастроном располагался на первом этаже восьмиподъездного пятиэтажного дома. Сто пятьдесят метров в длину плюс подвальные помещения, два лифта, бесконечное количество отделов, складов, кладовок и подсобных помещений.

Старые работники поодиночке в подвал спускаться не советовали. Позднее мы и сами убедились, что там – в тёплом полумраке коридоров – не совсем чистая сила обитала.

День за днём, смена за сменой – и мы втянулись в работу. Начали получать физическое и моральное удовлетворение

от нашей незаменимости и какой-никакой финансовой защищённости.

Свои плюсы в профессии бесспорно есть: например, думать категорически запрещается. Поднимаем, опускаем, перетаскиваем, загружаем, разгружаем, пересыпаем, переливаем, круглое тащим, квадратное катим... Физика на высоте! Мозг спит!

Наша подсобка располагалась в подвале. Кабинка для одежды, кухня с печкой на три конфорки, стол, три стула, широкая кушетка и «силы», которые не совсем «чистые», – тут же, по соседству – очень даже пристойно куролесят. Шушукуются в потёмках, стаканами позвякивают, песни народные напевают вполголоса, душевно так. Посторонние не суются, опасаются. Благодать! Работаем без нареканий, претензий к нам никаких! Отрегулировали отношения во всех отделах. И потекла жизнь-работа развесёлая, полупьяная, кругом ответственная и почётная.

С утра до вечера крутимся как заведённые, присесть некогда. И всё бы ничего – так нет же, и тут несправедливость... Неделю работаем – вроде всё нормально. Зато в день полочки и аванса исчезало всякое желание укреплять какие-никакие отношения с коллективом. Душевное равновесие испарялось, как кипятки на каменке. Непонятно откуда взявшуюся «недостачу» самым вероломным образом делили на всех. Мы точно знали – мы не брали, но этот факт мало кого волновал. На наши справедливые возмущения – «ноль» внимания! В наших с Володькой головах сами собой рождались «неприличные» мысли.

О каких доходах – тем более заначках – могла идти речь? Дома упрёки, пальцы у виска, кривые ухмылки ... – справедливые упрёки.

«Ах, так! — предлагаю Володе. — Давай пошевелим мозгами, проявим смекалку, чтоб всем по справедливости»...

Толян замолк. С минуту стоял, не проронив ни слова, что-то припоминая. Грусть и сожаление кривой гримасой сломали улыбку. «Эх, жизнь! Это тебе не «скорый» по расписанию, она чаще «литерный» – своего графика придерживается».

Толян улыбнулся и продолжил рассказ.

«Замётано, — согласился Володя, — по справедливости, значит, по справедливости!» В тонкости вникать не стану. Секреты раскрывать — себе дороже. Чем чёрт не шутит. А как снова приспичит в грузчики? Попробуй выжить, когда кругом одни недостатки. То-то и оно — мы выживали!

А тут одно к одному — подфартило, в общем! Вызывает нас как-то директриса. Так, мол, и так — в подсобке скопилось пятнадцать фляг с забродившим виноградом. Надо срочно вывезти куда подальше — избавиться, мол.

А Володька — повар классный! «Срочную» на Черноморском флоте, мастерство на камбузе оттачивал. С секретами абхазской кухни знакомился из первых рук, как говориться. А в приготовлении чачи, считай, кандидатскую защитил. Изумительный напиток чача! Полезный во всех отношениях, если придерживаться мудрых традиций коренных народов Кавказа. Хорошо, когда всё в меру...

Переглянулись мы с Володькой и моментально сообразили, накрылась наша «карьера» медным тазом. В Сибири виноград обычно в граммах вешают, а тут на тебе — почти тонна образовалась, на халяву!

У меня в то время дом имелся, под дачу. Уютный, тёплый и хозяйство при нём: поросята, куры, гуси, кролики. В магазинах шаром покати, работы нет, а кушать хочется... Вот мы и изворачивались — выживали, в общем.

Посреди дома семейная гордость — русская печка! Печь настоящий мастер возводил. Такие мастера в то время на вес золота ценились, а сейчас и подавно. За неделю работы к еде не притронулся. Пил только родниковую воду, самому под девяносто! Зато печечку по всем правилам печного искусства изобразил. И стекло на «под» били, и фундамент каменный, и лежанку по росту, и глину из особого места возили, и песочек по его подсказке. Много чего для печи русской требуется. А главное, чтобы печник с душой светлой оказался. Нам повезло — печурка получилась на славу!»

Толян крякнул с досады: «Продать пришлось «фазенду»... На ощупь тогда жили — впереди никакой ясности. Скакали с места

на место, как блоха по я... Перестройка – растудить твою туды». Поплевался и дальше излагать.

«Распоряжение директрисы исполнять надобно. Машину на стороне наняли, за свои. Конспирация! Доставили фляги с виноградом на «фазенду». Чугунную эмалированную ванну (по случаю мне досталась) перенесли ближе к печи, виноград в неё высыпали. Володька натянул рыбацкие бредни, забрался вовнутрь ванны и давай уминать виноград, как Андриано Челентано в фильме «Укрощение строптивой». И ритм такой же подобрал, движения один в один, и песню... Я залюбовался на него. Такой талант – и в зучиках!

— Дай я потопчу! — предлагаю свою помощь другу.

— Неее, у тебя так не получится.

— Почему?

— В техникуме кулинарном учился?

— Я училище военное заканчивал!

— Во-во! Иди-ка ты лучше, Толян, поросят покорми да курей пощупай, для разнообразия. Лётчики-налётчики! — веселится Володька.

— И покормлю...

— И покорми...

Сами ржем, как дураки. От возбуждения, видать, и нервов – и ещё от предвкушения чего-то значительного судьбоносного. Были уверены – неспроста мы «Челентану» запели, ох неспроста...

Процесс пошёл! Главное в этом деле – температурный режим соблюдать. Десять дней мы поочерёдно этот самый режим контролировали. Потом для верности решили ещё недельку потерпеть. Как раз до полочки рассчитали, чтобы с деньгами на руках и без лишних эмоций. Как в воду глядели! Полочка оказалась последней, а за расчётом мы из гордости не пошли. Да мы не в накладе остались – есть хоть что вспомнить.

И время сумели приостановить, и роль свою осмыслили в новом политическом процессе, и к процессу со стороны присмотрелись. С тёплой печи, как известно, далекооо видать...

Наконец наступил долгожданный и волнительный со всех сторон момент!

Конец ноября. Снежок свежий выпал чистенький, на солнышке блестит, переливается. Небо без единого облачка, синее-пресинее. Синички, снегири, голуби, сороки, воробьи – кто на яблоньке примостился, кто на заборе – чирикают, воркуют, пищат, в окна заглядывают. Волнуется публика – за нас переживает. Шутка ли, тонна винограда в одних руках!»

У Толяна глаза заблестели — говорит, а сам языком прищёлкивает, смеётся... И правда – «есть что вспомнить»! «Слушай дальше», — говорит.

«Мы к тому времени, как этой истории случится, тоже кое-что повидать успели – к жизни с разных сторон примирялись. Но такое с нами точно впервой происходило. Сейчас я с полной уверенностью могу заявить – это был и впрямь «судьбоносный» день в нашей жизни. Мы оказались на изломе двух эпох. Одна захлопнулась, как мышеловка, а от другой ключи выдавали не всем... Мы с Володькой через дымоход проскочили, без ключей.

Под «Бродягу», под «Шаланды полные кефали», под хмельной смех и хмельные слёзы – мы это сделали...

Низкий поклон старому печнику за русскую печь и директрисе за тонну неучтённого винограда!»

Толян замолчал. Не просто давались воспоминания. Столько судеб на памяти... Заполoshное было время...

«Усадьба трёхметровым забором обнесена. Дом оказался спрятанным в глубине огорода, за садом. Вокруг двора тоже забор. Чтобы попасть в дом, надо было миновать огород и двор. А во дворе два волкодава вольно гуляют, подходы зорко стерегут. «Тулка» на гвозде, в стволах картечь. Частная собственность. Лучше не соваться!

Самогонный аппарат по знакомству на авиазаводе изготовили. У нас такие «аппараты» влёт уходили, уходят и будут уходить! Очередь за ними, запись – как когда-то в кассу взаимопомощи.

Потравили народ палёной водкой, как тараканов дустом. Хорошо хоть, инстинкт самосохранения – пусть с опозданием – но сработал. Кто выжил, тот на свой продукт перешёл, бесповоротно. Не верят люди, боятся... Из собственного графина куда как надёжней. А простор какой для творческой натуры – фантазируй себе на здоровье, сколь душе угодно. Со всех сторон выгода.

И вот дождались... закапало! Потом хрустальная струйка, как горный ручеёк, вырвалась наружу. Мы с волнением разлили прозрачный напиток по хрустальным рюмкам. Володя продегустировал первым.

— Каков букет, Вова?

— Да какой там букет? Это ж первач убойный! Мне нутро, будто огнём, опалило! — смеётся сквозь слёзы Володька».

Толян ткнул пальцем в небо и глубокомысленно прокомментировал:

«Первач сделал своё дело. Он откупорил нужные каналы нашего сознания, и мы в миг прозрели! Правда жизни предстала перед нами в самом неожиданном виде, считай нагишом!

Информационное поле Земли подключилось к нашему полю, и мы на многие дни погрузились в переосмысление череды исторических событий как местного, так и планетарного масштаба. Люди, государства, континенты... прошлое, настоящее, будущее... как цветное кино, проплывали перед нашими глазами.

Мудрость народов майя – и та стала понятней для нашего разумения. Голоса далёких предков, их предостережения мы слышали как наяву. Несокрушимая воля к жизни вошла в наши сердца и согрела их надеждой. Надеждой на то, что Бог не оставит нас! Мы поняли – у нас своя миссия, у нас свой особый путь!

И так мы с Володькой добровольно избрали путь затворников. Угля и дров навалом, снег для «холодильника» под рукой, ванна с виноградной субстанцией тут же.

Какие могут быть претензии? И к кому?

Никаких и ни к кому! Однозначно!»

Толян зажмурил глаза и почти пропел:

«По ночам на чёрном небосводе луна водила звёздный хоровод. Над крышей «фазенды» парили разноцветные ангелы. Как я жалею, что тогда не имел под рукой цифровой камеры. Чего мы только не видели, с кем мы только не общались.

Политики, философы, полководцы, мудрецы и просто достойные люди. Никто не отказывался поговорить за жизнь. Ни один из них и не раз ответил своим тостом на наш тост!

Мы свободно перемещались в наше прошлое. Без проблем находили нужных людей. Радовались возможности досказать самое главное, переспросить... услышать ответ из первых уст... переосмыслить услышанное!

И в будущее мы тоже пытались заглянуть, но, кроме мутной пелены, ничего невозможно было разглядеть. Становилось не по себе от жуткого необъяснимого страха. Пустая это затея, решили мы, заглядывать в будущее. Неблагодарная и опасная! Для обычного человека особенно опасная!

Зато с Лениным как встретились во время первого путешествия в прошлое, так и не расставались до последнего дня нашего «заточения». Я всё разузнать пытался, как нам пережить это «смутное» время? Даже конспекты поначалу писал под его диктовку. Володька, бывало, отдыхает после дежурства, а мы с Ильичом, стоя на вахте, рассуждаем, рассуждаем... взвешиваем все «за» и «против»... и каждый раз выходило не очень...

А когда к нам присоединился и «вождь всех народов», мы решили топить баню. После жаркой баньки да волшебной чачи из запотевшего с мороза графинчика, да под маринованные грибочки, запеченную курочку... под солёные огурчики, помидорчики и, конечно, душевный разговор мы разглядели его! К нам в окно заглянуло Счастье! Наше, народное! Я помню его открытое славянское лицо, голубые весёлые хмельные глаза и улыбка, детская доверчивая.

Где вы такую улыбку в наше время увидите? Я тут на днях около двух часов возле банка в машине просидел. И хоть бы одно лицо с такой улыбкой. Хмурые идут, отрешённые, под ноги глядят. Солнце над головой, небо голубое, а они глазами в землю...

А у нас с Володькой жизнь жар-птицей парит! Мы глазами только в небо и таращимся: то на солнышко любимся, то с месяцем перемигиваемся. Стараемся в тонусе держаться – не переусердствовать, не утонуть в виноградном изобилии.

Вначале мы календарь даже вели – связи с внешним миром никакой – дни записывали в школьной тетрадке. Хватились – нет календаря, видать, сожгли нечаянно. Давай стаканами считать, бутылками... запутались. Ночь... день... утро... вечер... снова ночь... С Володькой редко видеться стали. Недосыпаем – «вахта» все силы забирает. Перекинемся парой слов, всё...

В стае куриц бройлерных под сотню, пара боровков, кроликов уйма и тоже кормить надо. Петух обозлился, петть перестал. Не до песен, когда хозяин дверные косяки плечами выносит. Не простил мне пару курочек – изловчился и тюкнул в темя чугунным клювом. Будто молотком огрел...

Как позже мы узнали, к нам не раз пытались пробраться родные люди. Но все попытки оказались безуспешными. Проник дальний родственник, дядя Саня. У него причина на то была веская. Один из боровков принадлежал ему. Дядя Саня прорыл подкоп с тыльной стороны усадьбы – со стороны леса. Борьку живьём «упаковал», а нам только кулаком погрозил и с сожалением (что не сам на «вахте») процедил сквозь зубы: «От ваших рож поросёнок килограммов десять потерял... Эх мне бы... с вами... Эх!»

А бритву мы и правда не прихватили. Это самое большое упущение в наших сборах.

Дядя Саня кое-как усадил борова в сани, укутал клетчатым платком и накрепко примотал бельевой верёвкой к спинке саней. Ноги связал попарно вонючими портянками. Сани железные, крепкие. Бочку двухсотлитровую с водой спокойно везут, для них схднувший боровок – баловство, а не работа. Повёз своего ненаглядного через весь город, видать, докармливать на четвёртом этаже «хрущёвки». Со стороны посмотреть – так и есть, заботливый дед внука из садика забрал.

Мы с Володькой от хохота в снег повалились. Ржали до икоты, слёз и коликов в боках. Даже протрезвели малость – так нам хорошо было на морозном воздухе.

Подкоп тут же ликвидировали и продолжили колдовать над русской печкой.

Недоверчивые обычно крысы – после недельной кормёжки качественными продуктами – ходили по комнате, не обращая на нас никакого внимания. «Мы одной крови», — читалось в их глазах. Они будили нас, когда надо было «перезарядить» процесс, брали еду с руки, а по ночам заботливо подтыкали под бока солдатским одеялом.

Очень умные твари. Обескураживало то, что мы никак не могли запомнить их по именам. Это нас поначалу смущало, но крысы сообразили, что мы не нарочно и успокоились.

Вместе с ними мы смеялись и спорили на разные житейские темы.

Ильич во всю потешался, с интересом наблюдая со стороны за тёплыми доверительными отношениями между нами. И смеялся так весело, так заразительно, как умеет смеяться только он, наш Ильич».

Толян тоже хохотнул и ... серьёзно:

«А мы с Володькой в толк не возьмём – лица с экрана знакомые смотрят, говорят по-русски, а смысла не понять. «Или не русские они?» — интересуемся у Ильича. А Ленин в ответ: «Кагавят? Значит, наши волжские – мои земляки, «самаритяне!» У самого слёзы на глазах. «Вот народец, эти русские. Историю учите! Учиться, учиться и учиться! Кто завещал? Правильно, я завещал! А вы что? То-то и оно – лень-матушка! Теперь расхлёбывайте. Всё, что кровью предков завоёвано, в один день под откос пустили».

Толян повернулся на запад:

«Ну ладно бы немцы напали, поработили, вкалывать заставили на свой манер. Так нет же, не до нас немцам. Они после сорок пятого ещё не очухались.

Выходит, за грехи наши, за легкоеверие воздаётся нам. И снова по живому...

А если подумать: неужели не смогли бы то, что десятилетиями создавали, чем гордились заслуженно, приспособить под новую «эпоху»?

Территорий у нас ого-го! Места – и для демократий разных мастей, и для социализмов – предостаточно. Мы же умные! Обозвали бы эту самую демо(н)кратию «трижды демо(н)кратией» или «четырежды коммунизмом». И живи – не хочу! Катайся друг к другу в гости, обменивайся опытом. Выходит, не умные, выходит, круглые дураки.

В конце первой недели наши жёны, матери, тёщи уговорили моего батю пробраться к нам в «укрепрайон» и разведать обстановку. Убедиться, так сказать, начеку мы или расслабились от сытой жизни? Жива ли скотина, целы ли кролики и куры? И вообще, разобраться на месте – свои оборону держат или кто чужой прячется за высоким забором?

Отец в разведку завсегда – без лишних уговоров – в первых рядах. Я весь в него уродился. Тоже хлебом не корми, а в разведку дай сходить.

Мой батя – фронтовик, военный моряк. Наши заборы для него – баловство – не преграда! Очутившись в нашем «тылу», перво-наперво он порадовался за нас.

Ответственное отношение к любому делу – особенно к такому деликатному, как наше, – он оценил с первого взгляда».

Толян смахнул слезу и крякнул от избытка чувств:

«Мы прослезились от радости, обнимали друг дружку, заглядывая в родные глаза.

Отец поинтересовался:

– Ну, ты как, Толяха, не притомился без выходных-то?

– Притомился, батя, чего греха таить. А куда деваться? Надо! – отвечаю отцу.

– Ну, это и понятно. До последнего патрона и от штыковой не прячетесь! – ухмыльнулся отец в седые усы. Щас полегче

станет. В три-то смены куда как веселей, нежели через сутки горбатиться.

— Это точно, это так... — закивали мы с Володькой крепкими лбами.

Мы уважали, уважаем и уважать будем своих родителей. Отцы наши были ещё те мужики, – с понятием.

День клонился к вечеру. Банька пыхтела жаром. Приготовленная «шеф-поваром» курица млела под золотистой корочкой, поджидая честную компанию к праздничному столу.

Мы от души попарились – повеселели, разговелись от горячего берёзового духа. Друг на дружку не налюбуюемся. За стол с шутками, прибаутками усаживались. В первую очередь мы с Володькой поинтересовались о событиях в стране и за рубежом. Удержали ли курс? Приживается ли демо(н)кратия на Земле Сибирской? Хорошо ли «наши» сторожат колыбель иноземного «уродца»?

Отец ответил коротко и емко, как очередью из «калаша» жажнул: «Коммунисты – мать вашу – скурвились... Проглядели говнюков. Хорошо хоть, дед не дожил до такого позора. Помер бы с горя! Сталина на вас нет су... продажные!» Погрозил пудовым кулаком в сторону запада и прохрипел срывающимся голосом: «Внукам пустыню оставим выжженную, вот уж услышим «спасибо» на старости лет».

Разлили солнечную чачу по хрустальным рюмкам и подняли тост за просветление умов и процветание отечества! Вдоволь наговорились, насмеялись, прослезились (не без этого) и приступили составлять новый график дежурств. В нашем полку прибыло! Как ни крути, а подмога подоспела вовремя!

Постепенно и отец втянулся в процесс. День... ночь... день... Будто у домны стоим – не отойти далеко. За качеством следим – держим градус – и с производительностью у нас порядок. Любые стандарты, так сказать, если смысл налицо!

Ильич тут же. Они с отцом крепко сдружились. Вместе дневали, вместе ночи коротали. В разговорах, спорах – когда и в претензиях – с первого дня и до последнего. Он и после – по

прошествии времени – частенько к нам заглядывал. Не смотри, что вождь мирового пролетариата, подружился, считай, на всю жизнь. Бедный так и бродит по земле русской – от одного бедолаги к другому – поддерживает, чем может. Где словом добрым, где советом дельным, а где и сам – за компанию – хлебнёт чужого горя. Душевный мужчина! В скитаниях столько всего повидал – многое переосмыслил, не один год над ошибками работает. Цены бы ему не было, будь он сейчас у руля!

Сидим как-то ужинаем, после баньки, а Ильич серьёзно так: «Удивительный вы народ, сибиряки, не унываете, полюбил вас! Не далёк тот час, когда я вернусь, к вам в первую очередь загляну! Примите?»

И так он это сказал, так улыбнулся... так, что у нас по спинам мурашки побежали. Одно слово – Вождь!

А мы попривыкли, втянулись под хмельком жизнь коротать. Когда в стакане солнышко абхазское играет, веселей грустится о смыслах внутренних и о внешних в том числе.

Люди русские! Где ещё таких людей встретишь? Добрые, отзывчивые, на контакт легко идут, а под хмельком и подавно. Доверчивые очень – вот беда!

Ильич нам наказывал: «Потерпите. Когда и под хмельком можно, но не переусердствуйте! Продукт только свой употребляйте, замороженный. И нервы сбережёте, и здоровье, и генофонд сохраните, и мозги. Всё образуется. Какой бы у нас курс не выбирали – всё одно – конечная станция «колхоз» окажется.

«Почему?» — спросите вы. Ответ известен. Верхи жиреют и деградируют, а низы – от унижения – звереют и объединяются. Я вернусь, и это произойдёт совсем скоро!..»

Толян неожиданно, глядя мне в глаза, спросил:

«Ты думаешь меня того – «белая и горячая» посетила? Ошибаешься, брат, я в здравом уме и твёрдой памяти был. Я и сейчас всё до мельчайших подробностей помню.

«Пороговое состояние»! Такой диагноз Россия сама и поставила себе. Перешагнём «порог», а там уж с нами не договорить-

ся, рубашек смиренных не напасёшься. И Ильич подоспеет! Обещал, – он не опоздает!».

Толян смеялся... А я диву давался, как складно он излагает свою историю. И свою ли? А он продолжал – то ли шутя, то ли всерьёз:

«Вот только незадача – сахар дорожает и дорожает. Но тут ничего не поделаешь, родную экономику надо поддерживать. Научились без заводов, без фабрик обходиться, вставать не по гудку приноровились. Звереем потихоньку без коллективной жизни – без профкомов, завкомов, без общих собраний – говорить разучились. Мычим – не разобрать что – пополам с матом. Книжки по гаражам пылятся, на стенах «плазмы», и из них – пополам с матом. Ленин предупреждал: «...нас унижать... мы звереть и объединяться».

Капает по ночам силушка народная, приглашает соседей для разговора задушевного, наполняет сердца удалью молодецкой. А где и пустоту бытия подзабытой ленинской философией дополняет. Просветление наступает по-разному. Кто-то через запой к свету, другой через глубокий самоанализ исторических событий и фактов. Но в конечном счёте через полное и добровольное протрезвление.

Капает самогоночка, выгоняя людей русских на мороз под звёзды. Туда, где ангелы крылья раздают и где лицом к лицу со счастьем знакомятся – голубоглазым, краснощёким, с детской улыбкой на устах».

Толян оттопырил палец:

«А тут ещё американцы выдумали замануху, Интернетом называется. Смеются над нами, наивными. Развели по квартирам и втирают. Вы, мол, господа хорошие, благодаря нашей передовой мысли, можете общаться со всем прогрессивным человечеством, не выходя из собственной квартиры!

Я, конечно, извиняюсь, но посудите сами. Это как же мы с ними сможем общаться, если с нашей стороны капает, а с ихней только закусывают? Очередная дурилка для нас легковверных!

Пялимся на эти экраны-мониторы, стучим по клавишам, шепчемся с «прогрессивным человечеством» до полного интима. Нет чтобы обнять, в глаза посмотреть, руки соединить, завиток расправить! Куда там... Из реальной жизни в виртуал проклятый переселились. На кой они нам такие «псевдотехнологии»? Боятся в чистом поле да в открытом бою. Занервничали, когда мы ихний «Роял(ь)» пить отказались. Мы же, в отличии от них, благодаря нашей наивности, до сих пор прислушиваемся, о чём листочки на берёзке шелестят и пчёлки на лугу жужжат. Это ли не счастье, когда всем не всё равно? Когда слышим и приходим? К тем спешим, кто о помощи взывает, и к тем, кто радостью готов поделиться.

Ильич вон напоминает: «Не забудь, говорит, Расскажи обо мне!» Прощение просит за неоправданную жестокость, за ошибки, за предательство соратников и... многое другое. Просит ни о чём не умалчивать, не принижать, чтобы всё по-честному. «Правду» требует вернуть на законное место. Хватит вещать ложь пополам с матом!

Мы с ним после нашего посвящения в демо(н)кратию, крепко сдружились. Это ж надо такому случиться: «Мы говорим – курс, а подразумеваем – Ленин!» Неужели по новой: шалаш, броневик, Смольный? Жуть берёт!»

Толян прищурился и, чуть картавя, заверил: «Обязательно напишу, товарищ Ленин. Прежде с Вами посоветуюсь. Соберусь с мыслями и непременно напишу!» И подвёл итог.

«К завершению нашей со всех сторон почётной «вахты» мы подустали, конечно! Зато повзрослели и в политическом, и житейском смысле.

Эвакуировали нас с комфортом. Пока я отсутствовал по уважительной причине, свояк купил красный японский авто – «тойота-королла» называется. Процесс и тут сдвинулся с места! Это уже внешняя экономическая политика развернулась лицом к Стране восходящего солнца, где машины с неправильным рулём изобретают люди с правильной демократией...»

Многие подробности из рассказа Толяна (моего тёзки) я опустил. Материала этого на повесть хватит или рассказ многоглавый.

А закончил Толян так:

«После того как я понял, что переходный процесс завершён и мы с Володькой проскочили в эту окаянную демо(н)кратию, я завязал! Захотелось запомнить и донести до потомков, чтобы хоть они не вляпались в то же дерьмо. Предупреждён – значит вооружён!

Дом продали, купили дачу на берегу таёжной реки. Много чего перепробовали в новом государстве со старыми привычками. Смех и грех с этими демократиями...

Одно характерное отличие всё ж таки закрепилось – в грузики теперь принимают только при наличии диплома о высшем образовании. И желательно с опытом работы на руководящей должности.

Мне приятно. Мы с Володькой были первыми!..»

Париж

Олег и Галка встретились в конце восьмидесятых. Олег работал экспедитором на мясокомбинате. Галина – контролёром на весовой. Галка – с какого краю на неё ни посмотри – женщина на загляденье. Красавица! Цыганской наружности: яркая, весёлая, гордая и добрая. Женихов только успевала отшивать, не позволяла панибратства на работе, а за проходной и подавно. Глаза чернее ночи, а в них молнии сверкают. Метнёт огненной стрелой из-под чёрных бровей – женихи в рассыпную, будто пуля у виска просвистела. Огонь-девка!

Олег под стать ей – разудалый молодец. Характером только шепутной, спасу нет. Солнышко в рыжей шевелюре, будто пламя от костра, золотом отблёскивает. Сибирский хохол! Это когда Украина навсегда в сердце, а сам ты сибиряк и тоже навсегда.

Влюбились, что называется, с первого взгляда. Олег как мог боролся с «социалистическим дефицитом» на прилавках родного города. Галка, догадываясь о его «делишках», умоляла быть благодарней, но закрывала цыганские очи на его выкрутасы. Любовь!

Попался Олег в канун своей свадьбы. Продержали с полгода в СИЗО, потом показательный суд на комбинате и приговор: два года условных.

На работе – не сразу – но восстановили вопреки всяким запретам. Работник – «клад» и человек хороший. С кем, мол, не бывает?

А какую свадьбу сыграли! Живи и радуйся! Да не тут-то было, через три месяца опять попался на проклятом дефиците.

Суд – четыре года зоны. От звонка до звонка. Вышел, а его встречают: Галка, Наташка (Галкина дочка) и сын Андрюшка, че-

тырех годов отроду, с рыжим солнцем в чёрных волосах. Вот ведь природа – не подкопаешься!

А тут и перестройка грянула. Вроде трёхлитровая банка самогонки с припечка грохнулась. Бах! – и вдребезги все завоевания социализма. Без разведки всей страной в «капитализм» подались. Оказалось, не всем там рады, в «капитализме» этом. Потеха с нами, те же грабли по какому кругу лоб нам плющат!

Галка с её наружностью – сплошное беспокойство для мужа. Олег жуть как ревновал свою жёнушку, но виду не показывал. Друзья наперебой: «Радоваться надо: молодая, красивая, дождалась. Сына подарила!» Сцепит Олег зубы и... радуется.

Жили в достатке. Олег с этой перестройкой не растерялся, попал, как говорится, в струю. Поначалу гонял машины из Владика, потом давай – в Китай, в Турцию – за ширпотребом мотаться. Всей семьёй на городском рынке торговали. Наташка подросток – тоже не отставала, везде с родителями. В Олеге души не чаяла – куда он, туда и она. Помощница!

Олег со временем построил магазин на Московском тракте. Завязал с тряпичным бизнесом и перешёл на торговлю запчастями для автомобилей. Галка по-хозяйски разместилась в уютном кабинете с табличкой «Главный бухгалтер» и строго следила за финансами. Наташка выучилась на юриста. Андрюшка рос крепким пацаном и, по всему виду, на радость девчатам. Ходил в секцию греко-римской, гонял в футбол, в школе учился не хуже других и очень любил свою сестрёнку. Наташка платила тем же...

Шли месяцы, год бежал за годом. Олег закончил строительство кирпичного коттеджа на берегу Ангары, по соседству с тёщиным домом. О чём ещё мечтать? Живи, о внуках мечтай...

Беда подкралась неожиданно. Олег с Галкой и раньше ревновали друг друга со страшной силой. А тут совсем с ума посходили. Подозрения, скандалы, обиды – по поводу и без. Галка пристрастилась к спиртному. Сначала для настроения – «по чуть-чуть». Дальше – больше: пошли запои.

Андрюшка с Наташкой изо всех сил боролись за свою мамку. И жалели, и ругали, и плакали, и умоляли. Бывало, неделями под замком держали, не выпускали из дому.

Олег кучу денег на «специалистов» истратил, чтобы спасти любимую от беды. Но разве может человек – в одиночку – победить такую силищу? «Зверь» только посмеивался. Он вцепился в Галкино сердечко мёртвой хваткой.

Тьма непроглядная опустилась на Галкину жизнь. Глазам на солнышко глядеть больно. Не разобрать вокруг – где оно и было ли когда, счастье её бабье?

Порода у Галки крепкая. Полежит под капельницей пару дней – и снова королева. С улыбкой на лицу выходит. Людям в глаза заглядывает. Светится! Ожила вроде. С солнышком снова разговаривает, прощения простит. Соседей обнимает, интересуется: как да что... здоровье, дети? К Олегу спешит, к деткам своим. Любовь в дом зазывает, прощение вымаливает.

Но с каждым разом сложнее и сложнее возвращаться. А «зверь» – безжалостный, коварный – делает вид, что жалеет, сам о гордости напоминает. Мучает, подозрениями изводит, за компанию погоревать приглашает. Не справиться Галке в одиночку. Из сил выбилась. Как дальше быть? Запуталась, утонула в горе своём горьком...

Наташке купили однокомнатную квартиру. Андрюшка ещё терпел какое-то время, до последнего за мать боролся. Но куда ему со «зверем» тягаться...

А как-то раз – во время очередной ссоры с Олегом – сорвалась у Галки с языка неправда чёрная. Будто кто надоумил: «Андрюшка не твой сын!» — и голоса своего не признала. Чужой был голос! Но слово не воробей – вылетело не поймашь.

Олег лицом почернел – как отрезало, отвернулся от сына. Андрюшка, недолго думая, хлопнул дверью и был таков – ушёл из дома. Осиротел парень в один день. Да и какая семья? Что от неё осталось? Налетело, во хмелю да в потёмках, счастье семейное на стену отвесную и разбилось вдребезги.

На дворе ночь, зима студёная, а Галка в норковой шубке, накинутой на ночнушку, босиком, на голове кудри в иinee, шага-

ет в магазин. Улыбается – на блаженную похожая – разлепит смёрзшиеся пальцы, высыплет горсть золота пополам с брильянтами на прилавок и смеётся: «Девчата, открывайте кредит, подарки Олеговы пропивать будем». И загуляет на пару со «зверем» окаянным, топя в вине сладком горе своё горькое.

Какие только «экстрасенсы» не пытались с её «зверем» поспорить. Ни в какую! Силён оказался и тоже за Галку «в огонь и в воду».

Андрюшка устроился на винно-водочную базу грузчиком. При встречах – такой же приветливый, внимательный. Виду не подаёт, как тяжело ему без семьи сдюжить.

Внешность мамкина, а повадки – походка, манера говорить, смотреть – Олег номер два. Сначала у Наташки обитал, потом снял квартиру и стал упорно готовиться «всех удивить».

Галка в одну из январских ночей вышла на улицу за «сладким вином» и нарвалась на шпану. Сняли с неё норковую шубку, с кровью содрали золотые серьги, избили, а напоследок проехали иномаркой по точёным Галкиным ножкам.

Подняли её часа через два. Бедная вся в крови, сама как ледышка. От дороги еле оторвали (тёплой водой отливали). Примёрзла Галкина кровь к асфальту. По больницам с полгода возили. Отняли на одной ноге два пальца, другую спасли кое-как...

Однажды, припозднившись с работы, Олег решил, что будет лучше, если до дома он прогуляется пешком. Свернув с тротуара на заросший полыньёй городской сквер, сгорбившись по-стариковски, втянув голову в плечи, медленно зашагал по тёмной аллее. Над головой шумели вековые тополя, а давно нестриженные кусты акаций образовали узкие и мрачные тоннели. Вечерело. Тоскливо было на сердце – грустно и одиноко. И вдруг почудилось, что его позвали по имени. Олег поднял глаза и остолбенел. Поверх кустов на него взирал храм! Храм вырос на его законном, веками намоленном месте. Закатное солнце раскалило купола так, что они полыхали золотом. Казалось, что кружевные кресты на серебряных нитях спускаются прямо с небес.

Олег и не заметил, как сошёл с тропинки и метров двадцать продирался напрямик, через густые заросли лопуха. Опомнился, когда на пути выросла высокая ограда. Он свернул влево и через десяток шагов наткнулся на калитку. Рядом стояла скамейка. Он опустился на неё и прикрыл глаза. В груди разливалось тепло, а по щекам – сами собой – бежали горячие слёзы. «Я не заметил, как вырос храм! Где я был всё это время? Чем занимался?»

Олег почувствовал, что кто-то коснулся его плеча. Он открыл глаза и увидел отца Михаила. Тот смотрел ему в глаза и улыбался: «Долог был путь, Олег Петрович? Не отвечай – вижу, что долог. Пойдем, сын мой, пойдём – у нас есть что сказать друг другу. Я редко пользуюсь этой калиткой. А сегодня, как видишь, решил осмотреться. Выходит, твоя это калиточка – тебя поджидала. Неисповедимы пути Господни!»

С той встречи у калитки изменилась Олегова жизнь до неузнаваемости. И не только Олегова...

Галка живёт в новом коттедже. Олег заходит проведать, но жить перебрался к тётке. Он мотается по командировкам и занимается благотворительностью. Галкина мать преподаёт французский в институте. Вылитая Галка, только выглядит моложе. С Олегом они почти ровесники. Чёрные кудри слегка опалены сединой, глазищи синие-пресиние и живые. На мир смотрит по-доброму. Нет в её взгляде ни «зверя» лстивого, ни ревности окаянной. Красивая женщина Галкина мама. Повезло Олегу и с Галкой, и с тёткой. Олег и Галке-то никогда не изменял, а тётке и тем более.

С отцом Михаилом крепко подружились и Олег, и Галка, и тётка, и Наташка. А сейчас и Андрюшка переписывается.

Галка на коляске катается по бетонным дорожкам усадьбы. Не пьёт! «Зверь» покинул её. Однажды во сне она увидела – он из груди «вышел»... и полетел через Ангару, на другой берег. Из пасти огонь клокочет. Жуть! Сделал круг – и в сопки. Через мгновение исчез, только дым клубами. В груди у Галки свободно сделалось и легко, в сердце покой поселился. Поверила, что наладится её жизнь.

Галка каждый день пишет письма в далёкую Францию, во Французский Иностранный легион, любимому сыну Андрюшке.

Он сумел-таки «удивить всех»! Русские в легионе на особом счету. За любимую Францию, не щадя живота своего... Патриоты!

Наташка каждый день навещает маму. Мечтают вдвоём поехать к Андрюшке в его Францию (он в каждом письме приглашает в гости).

А ещё вспоминают то время, когда Галка, обгоняя дочку, неслась босиком по песчаной косе в том месте, где река Белая впадает в Ангару. Летели две ласточки навстречу солнцу, рядом с изумрудной Ангарой и ведать не ведали ни о какой такой ревности. Могли просто любить и верить!

— Могли ведь. Правда, доченька?

— Правда, мамочка, правда...

Олег зубрит французский. Галкина мама радуется его успехам, всеми силами помогает зятю. И тоже мечтает о встрече с любимым внуком. Мечтает увидеть Париж и... не умереть!

Хороший человек

Сегодня из района вернулся. Как всегда, из таких поездок со смешанным чувством. Чего греха таить, выть охота от увиденного. Разруха кругом, безверие и безнадёга.

А чуть в сторону свернёшь, от красот первозданных дух захватывает. Щедрый у нас край. Просторы бескрайние, тайга вековая, земли видимо-невидимо. Реки, словно руки исполина, горизонты раздвигают. В открытом космосе живём. Никаких тебе границ: ни вправо, ни влево, ни вверх, ни... на все четыре стороны. На любой вкус красоты! Ещё бы не выть – петь бы под баян! Это да, это с превеликим удовольствием. И плакать от счастья, что повезло жить в космосе...

А тут ещё осень, и не простая, а самая распрекрасная – золотая! Воздух за ночь подмёрзнет, на рассвете не колыхнётся. Кажется, дотронься рукой – и зазвенит серебряными колокольчиками или осыплется куржаком за шиворот. Листочки на осине, как шуга на воде, шуршат будто из слюды нарезаны. Река свинцом отливает – скучает без ребячьего визга и смеха.

В Сибири и осень особенная. Не такая, как на других планетах, не похожая. Днём небо синее-пресинее. А по небу клин за клином, стая за стаей – конца-края не видать – от одного горизонта до другого живая ниточка вьётся. Кричат птицы на разные голоса, переговариваются, курс уточняют, об опасности предупреждают, подбадривают тех, кто послабей, кто из сил выбивается. Держат строй вожаки, спешат. Коварный край сибирский. Чуть замешкался – и угодишь напрямиком во вьюгу белую. Поменьше остановок, покорооче ночёвки. С рассветом на крыло и до заката в пути. Ветерок в спину холодом дышит. Надо... надо

спешить. Кого-то и настигнет беда. Кому-то не суждено долететь, не суждено вернуться. Не без этого...

Впереди маневровый перекрыл переезд через «железку». Одноколейка к комбикормовому заводу ведёт. В прежние времена за смену по несколько составов принимали. Пшеницу, овёс, кукурузу, ячмень – дробили, комбикорма готовили. Не хватало! Многие хозяйства свои мельницы обустраивали. А тут на тебе – закрыли завод! Не рентабельным оказался? Раньше за кормами с вечера очереди занимали, в кабинах ночевали. Машины со всего района, в любую погоду, у проходной толпились. Весовая как передовая – не передохнуть, каждую минуту по машине выпускали. И вдруг не рентабельный?

Всё просто и наглядно, как в сельмаге. Придушили народ налогами, задавили кредитами, а в оконцовке землю к рукам прибрали. Обескровили деревню! Магазины американской дохлятиной завалили. Куда бедному крестьянину податься?

Разорились хозяйства, извели середняка, колхозы в преисподнюю и совхозы за ними. В какой уж раз мужика по миру пустили, да чего там...

Я притормозил. Передо мной ГАЗ-53, тыльной стороной. Кузов у машины на скорую руку оборудован для перевозки скота. Борта наращены в высоту, так что коровкам не стоит бояться выпасть на ухабах. Зрелище, я вам скажу, не из приятных. Везут бедолаг на убой – в последний путь – на виду у всего света. Смотреть тошно.

Невольно себя представляешь на их месте. Бррр... Умеем пример «сострадания» преподать деткам нашим. А они тут как тут – детки-то – пальчиками тычут в сторону коровок. Не замечают слёзок на глазках. Любопытствуют детки, интересуются у родителей: «Мамочка, папочка, а куда коровка едет?» Мамочке и самой не по себе. Рада бы ответить, а как? Правду сказать, язык не повернётся. Опасаются родители за детскую психику – не навредить бы.

Как объяснишь доченьке, что коровку в колбасный цех повезли? И там она превратится в докторскую колбаску, которую

так любит её доченька. И за каждый съеденный кусочек коровки её похвалят и разрешат погулять с подружками...

Глянул я на кузов «газона», а там три бедолаги из не совсем крупнорогатых маются, кое-как равновесие удерживают. Впереди взрослая корова. Эта стоит крепко, ни на кого не обращая внимания. Взгляд исподлобья грустный... вперёд смотрит. Хвост верёвкой повис. Крупная бурёнка, гладкая. Вымя крепкое, розовое, живое. Ей ещё жить да жить, молочком хозяйку радовать. Силушку видать только-только нагуляла. Молока в ней чувствует-ся, хоть сейчас подошник подставляй.

«С ума они, что ли, посходили? Такую красоту и на забой?» — выругался я.

Сбоку телёнок мокрым носом тычется в материнскую шею. Ему бы на лугу в пятнашки играть, божьих коровок на небо выпускать, с такими же малышами. А он в кузове от страха дрожит. Жмётся к матери, бодает её голым лбом, мычит жалобно. Разволновался бедняга. Мать косится влажным глазом, боками подрагивает, напугать опасается раньше времени: «Пусть себе думает, что игра у людей такая... недолго уж. Скорей бы, что ли».

У заднего борта ещё одна «приговорённая». Тёлочка. На кривых ножках (буквой «Х»), балансирует растопыренными ушами-крыльями, пытаясь удержаться в одной шеренге с мамой и братом. Ей месяца два-три отроду. Нежно-коричневая, в белых яблоках. На лбу звёздочка, ресницами полмордочки закрывает. Уставилась в меня карими глазищами, не моргнёт – будто спрашивает: объясните, мол, дядя, зачем нас спозаранку в машину погрузили и куда везут так мучительно долго? С нижней губы стекает прозрачная слюна. От переживаний совсем растерялась.

Она вспомнила, как летала сегодня во сне, парила, как сокол, над лугами. С журавлями чуть было не улетела в тёплые края. Вовремя проснулась, а так бы... «А может, надо было лететь? Неужто в этом причина? Мне разве нельзя летать?»

Она тихонько шептала, а я слышал: «Я дружелюбная. Я не могу... я не умею причинять неприятности».

Я не выдержал её взгляда – рванул с места, выкрутил на встречную и остановился напротив кабины «газона». Из окна на меня покосился весёлый мужик:

— Ты чо, братуха, такой нервный? Решил через паровоз перескочить... ли чо?

Морда довольная, в зубах папироска, весь светится от деревенской сытости.

— Интересуюсь вот, ты куда своих пассажиров везёшь?

Он папироску изо рта вынул и тоже вопросом на вопрос с ухмылочкой:

— А ты сам-то как думаешь? Догадайся с... третьего раза. Детишкам на молочишко. Куда, куда?.. На «мерса» поменяю!

И заржал зараза.

Я снова:

— Да у тебя ум-то есть? Или мякина в башке? Они ж ещё детки малые!

Он даже глазом не моргнул:

— А ты купи, коль такой жалостливый. Сворачивай на обочину и поторгуйся. С доставкой на дом. Всё чин чинарём оформим.

Издаётся паразит! Я чертыхнулся, матюгнул его на прощание. Он мне в ответ пару ласковых... Поговорили, в общем. Я плюнул с досады, вывернул руль под колёса его «газона», протиснулся меж машинами, миновал освободившуюся «железку», придавил на газ и умчался прочь, подальше от весёлого мужика и бедных коров.

Пропади оно всё пропадом! Эх, не продал бы дом, сторговались бы с этим куркулём. Хочу дом. Чтобы на берегу реки стоял и окна – одна половина на восход, другая на закат – смотрели. А в баньке – обязательно на закатное солнышко. Хозяйство небольшое – для души – животинка какая-никакая. Петуха голосистого и тёлочку с длинными ресницами. Эхе-хе...

Проскочил лес, а на выезде на Московский тракт пробка. Ремонт никак не закончат. Московский тракт! Стандарты эти, будь они неладны. Пришлось остановиться. Пропускают пома-

леньку, с каждого направления в обе стороны. Минут на двадцать застрял, это как пить дать. Хорошо бы так, а не как всегда... Гляжу, знакомый «газон». Подкатил справа по обочине и остановился впрытик со мной. Мужик этот, с папирсой, на меня выставлялся, лыбится. Слышу, зовёт:

— Эй, мужик, покурим? Давай, выходи в тенёчек, разомнёмся хоть.

Я еле сдержался, чтоб не послать, но сдержался. Выхожу. Стоим, любимся друг на дружку.

— Не курю я, — отвечаю.

Он подходит ближе. Остановился в паре шагов и неожиданно серьёзно так:

— Не сердчай, братуха, это я на радостях придуриваюсь. Сын дом достроил! Сам! Добрый домик получился. Молодец Стёпка! В Раздолье живёт. Знаешь деревню? Тайга кругом, красотища! Дом пятистенок срубил, все постройки изобразил, любо-дорого посмотреть. Усадьба тылом в тайгу смотрит. Рядом река Китой. Охота, рыбалка. За околицей ягоды – хоть косой коси. Ореха в прошлом году заготовили столько... Во рту «передок», весь как есть, перебирать надо. Зубы костяные на стальные поменяю. Кузня своя, откуём – где наша не пропадала. Сын невесту в дом привёл, третий месяц на пару управляются. Хозяйка попалась, слава Богу! И нам с матерью приглянулась. Повезло сынуле!

Получатца подгадали мы – и на свадьбу, и на новоселье одним махом. Нарядили наших красотуль молодым в помощь. А как же? На первых порах всем миром помогать надобно. Не шутейное это дело – хозяйство на ноги с нуля ставить. Потом-то и сами управятся. За сына я спокоен, уверен в нём на сто процентов. Моя натура! На земле вырос, деревенский парень.

Зорька – коровка наша – умница! Молочка по два подойника наливает. Сладкое, душистое, что твой мёд с пасеки!

И бычок ладным бугаём вырастет. Родитель у него, считай, всех коров в деревне оприходовал. Соседки не в претензиях. Успевают стараться...

А эта, глазастая, наша любимица. Жена до сих пор плачет. Жалет её. И своим вроде отдаём, а никак не успокоится. Прове-

дывать, говорит, буду. Если замечу како невнимание со стороны невестки... увижу, что без радости живётся моей Любушке, верну назад без сожаления.

Она у меня такая – если что пообещала, и не сомневайся, выполнит!

Ну чо, отлегло? А то, гляжу, ты совсем расписовался. Вот потеха-то. Твоё дело вроде сторона, а ты матюгаться. Жена мне говорит: «Зря мужика обозлил. Пойди, потолкуй с ним, пусть сердце успокоит».

На прощание, как старые знакомые, обменялись крепким рукопожатием. По спинам друг дружку постучали. Договорились, если я с домом решу, то они с женой мне помогут: и птицей, и животиной, и вообще... Какой, мол, разговор! Свои люди – сочтёмся!

Пробка помаленьку рассосалась. Пожелали друг другу не хворать и чтобы полон дом радости.

Я на коровок оглянулся, подмигнул им. Потрепал Любушку по забавной мордашке, погладил по широкому лбу – и правда успокоил. Всё хорошо, глазастая, потерпи, недолго осталось.

И к машине. На прощание помахал умнице жене.

Настроение наладилось. Везёт мне на хороших людей...

Валерка и Лир

Сколько животных, в том числе кошек и собак, гибнет под колёсами автомобилей. Мы недавно разговорились с мужиками – водителями со стажем – и оказалось, что у каждого на этот счёт своя история. Собаки бросаются под колёса неспроста. Я вспомнил свою. Память! Некоторые воспоминания кровоточат всю жизнь, не поддаются «лечению» – стоит только остановиться и обернуться на прошлое...

У меня был боксёр по кличке Лир. Порода, красавец, мощь – весь из любви и преданности. Давно это было, а на сердце не спокойно и забыть не получается. Ноет в груди, не отпускает...

Дело было осенью. Погиб мой лучший друг Валерка. Ночью переправлялись через Ангара, в лодке трое мужиков. И место вроде знакомое, но Ангара – река серьёзная: чуть замешкался и готов – течение сумасшедшее, вмиг опрокинет. Ищи потом за десятки вёрст на отмелях – там, где река расправляется вширь и успокаивается, подальше от человеческих глаз.

Лодка проскребла днищем по гальке. Туман. Грудь закладывает от сырого пара. Валерка спрыгнул в воду и шагнул в сторону берега.

Оказалось, это только коса, а между берегом и лодкой улова – протока метра три шириной и течение бешеное – волочёт, как тройка вороных.

Валерка только ойкнул – и с головой. Мужики за ним... Орут, матерятся, шарят вокруг, вёслами тычут... Мол, хватайся, Валерка, не дури. Туман как молоко – руку вытянешь, пальцы не видеть. «Открыл Валерка свою дверь... рановато открыл». Молодой больно – ему жить да жить.

Минули года. Сын подрос, тоже Валерка, косая сажень в плечах. Одежда по швам трещит. Могуч! Весь из силищи, темперамента и справедливости. За себя живёт и за батьку старается.

Мать сокрушается, за сердце хватается: «Эх, если б не эта рыбалка – пропади она пропадом – любовался бы на сына, гордился бы своим Валеркой». Во Владике служит, в морской пехоте, десантура. Мать на прощанье умоляла: «Валерка, сынок, ты хоть там никого не трогай».

Из института отчислили за крутой нрав и неспособность к компромиссам. Мутузил всех подряд, невзирая на чины и крутизну. Наивный был, всё справедливость искал там, где её и в помине...

В военкомат сам пришёл. С опозданием, правда, на пару лет, но по уважительным причинам. Военком глаза вытарашил. Ты где пропадал, Шварц, блин, Арнольдович? От себя уже не отпустил. Сам провожал, сам мать успокаивал: «Нельзя вашему сыну, мамаша, на гражданке оставаться. Пусть уж он там, на рубежах, внешних врагов калечит, а то, не ровен час, «город инвалидов» в Сибири появится».

Валерка из армии написал, что сам стирает исподнее и полы драит, что он тут как щенок в волчьей стае, мол, наконец-то среди своих очутился. «Домой, мамка, не жди – тут мой дом».

...Старшего Валерку нашли через неделю, выловили в Бурятии за 20 вёрст вниз по течению. Я за ним в Иркутск поехал. Зашёл в морг – они там штабелями. Потом пил неделю – хотел выжечь память в этом месте, не получилось.

Валерку узнал сразу... по улыбке. У него на лице всегда улыбка. Он без улыбки по земле не ходил. Совсем не изменился. Будто спит. Тело крепкое, розовым отливает, чистый весь. Вроде после парилки отдохнуть прилёг. С первого взгляда узнал, видать, поджидал меня, готовился. Казалось, толкни – он встанет и пойдёт. Погрузили мы его с Володькой Кондратьевым на японский грузовичок, запеленали простынями, коврами укрыли – и в магазин за водкой. Опрокинул стакан – вода водой. Ехали часа два. Мне всё казалось, неудобно Валерке в кузове, жёстко и обидно. Хотелось подвинуться и как раньше – «За сенокос!» – и до утра...

Ленке, жене, решили не показывать. Боялись за неё. Не в себе была Ленка. Ох, не в себе. Она потом пыталась меня: «Это точно он был, Валерка? А то я жду его, жду... не верю... вижу часто – то там мелькнёт, то тут...»

Вспомнил вот – и грудь тисками. А вспоминать надо. Мы вспоминаем – им полегче, и нам не так одиноко. Хотя... Но вспоминать надо! Обязательно!..

...Как раз в день похорон мне и подарили Лира. Валеркина соседка, Гульфина, в память о Валерке.

Она собаковод знатный. Любимая порода боксёр! Что мать у Лира, что отец – медалисты, красавцы, гордость хозяйки. Щенок был чудо. Забавный, весёлый, сообразительный. А в какого пса вырос! Лир околдовал нас своей преданностью, любовью, искренностью. С ним всё было понятно – он всем видом показывал: «Я никогда не предаю, я ваш до последнего вздоха».

И тут такая напасть! Тяжело переболел Сергей, младший сын. В итоге астма и аллергия на собачью шерсть. Сейчас-то всё хорошо, слава Богу! А тогда пришлось искать новых хозяев для Лира. Передали нашего Лира приятелям – в хорошие руки. Предупредили, что на время.

Часто ходили к Лиру в гости, проводывали. При встречах он, бедняжка, описывался от радости. Падал в ноги, переворачивался на спину и скулил. Он плакал, как ребёнок. Здоровенный пёс и плачет. И сейчас тяжело вспоминать. Каждый раз он надеялся, что сегодня его обязательно заберут домой. Надо было забрать...

Татьяна, его новая хозяйка, потом рассказала мне. После последнего моего посещения, когда она вывела Лира на прогулку, он остановился возле Московского тракта, долго стоял у обочины. Было видно, что ему тяжело, что вспоминает... и никак на что-то не решится. Наконец, обернулся, на прощание внимательно посмотрел в глаза и метнулся под колёса мощного внедорожника...

Порода взяла своё. Он будто хотел сказать: «Наши не предадут... Мне нужен ты, мой хозяин... Я собака, я не умею по-другому, и не хочу. Прощай, Анатолий. Вот и моя дверь... Прощай...

Прости, что не оправдал... прости за мою шерсть... прости за всё... Я ухожу... Прости...»

Лир ушёл ровно через два года после Валерки – день в день...

Я надеюсь, что они вместе. Валерка любил Гульфининых боксёров. Наверняка, Лир также писается от радости, только теперь оттого, что Валерка всегда рядом. Господи, пусть будет именно так – пусть им у Тебя будет хорошо...

Белла

В Сибирь пришла весна. Не пришла – ворвалась! Ещё вчера зима пугала трескучими морозами, завывала злыми метелями. Днём слепила яркими вспышками разноцветных снежинок, по ночам заволакивала голубоватым мерцанием равнодушных звёзд. Снег хрустко поскрипывал под ногами, щекоча за шиворотом, хлюпая в валенках, рукавичках и штанах, радуя детишек и взрослых весёлыми старинными забавами. Бесконечная сказка из льда и снега! Казалось, не будет этому конца...

И вот дождались! Подобревшее солнышко припекает спины и макушки, обращая тяжёлые насты на крышах в весёлую капель. Проворные ручейки стремительно уносят остатки посеребривших сугробов вниз к Ангаре, по пути испаряясь и улетаая на небо, чтобы превратиться в стаи диких лебедей. Весна!

Бомжи почернели, скукожились и стали почти невидимыми. Их лиц не разглядеть. Да и кто на них смотрит. Прохожие сторонятся, стараясь не замечать убогих людишек. Делают вид, что очень спешат...

— Куда? — спрошу я вас.

— Не ваше дело! — ответите вы.

Исподтишка наблюдаем друг за другом сквозь маски безразличия, сарказма и обречённости.

Бомжи еле передвигаются на обмороженных ногах-колодах, они похожи на живых мертвецов из фильма ужасов. Знакомых почти не осталось. А тех немногих, кто пережил лютую сибирскую зиму, оставили последние силы. Бродят бедолаги как неприкаянные, боясь остановиться. Не останавливаются, опа-

саются упасть и умереть. Обидно умирать весной. Ни с того ни с сего взять и умереть, без веских на то причин...

Хотя почему без причин? Одна точно есть! Она настолько громогласна, что бомжи застывают от её голоса как истуканы: «Ты лишний на этом празднике жизни. Тебе пора в дорогу», – слышится им отовсюду.

По привычке толпясь у мусорных баков, озираясь по сторонам слепыми глазами, они будто спрашивают себя:

- Почему мы не остались в прошлом лете?
- Надо ли было так стараться выжить этой зимой?
- Зачем она нам – ваша весна?
- Зачем ей мы?..

А в ответ неумолимое:

- Ты лишний... тебе пора...

Бредут, спотыкаясь, по земле русской тысячи русских. О них забыли, их и нет вовсе. Они «ничто»... будто тени на погосте. Люди из «светлого» прошлого, которым не нашлось места в «запахавшемся» настоящем. Лишние люди! Мы отвернулись от них – они научились не замечать нас.

Ряды «лишних» ежедневно пополняются. Одни уходят... навсегда – другие приходят, и тоже навсегда. У «лишних» короток век. Которые приходят согласны на «ненадолго».

Она появилась в один из таких дней. Солнце задержалось в зените чуть дольше, стараясь обогреть незнакомую женщину. Будто пыталось загладить вину перед несчастными людьми.

Чью вину? Конечно, не свою! Оно-то здесь при чём? Так испокон веков заведено – горе и радость на одно лицо, не различить сразу – театр одного актёра. Солнце и есть тот самый актёр, круглый год на виду. Лето – теплом радуется, зимой в ледышку обратит. Греет и смерть сеет, в одном лице... одно лицо.

Сегодня солнце дарит шанс – немногим – попытаться уговорить судьбу смириться – подсказать «выход», указать путь... А вдруг получится, чем чёрт не шутит? Почему нет? Изменить свою, и не только свою, жизнь. И дожить свой век в радости на

радость всему светлому и милосердному. Должно же оно где-то сохраниться, это «светлое» и «милосердное»?.. Наивное солнце. Да кто ж на такое согласится? И если согласится – где взять сил на такое?

Женщина уютно расположилась на скамейке с выгнутой спинкой в глубине тихого скверика. На коленях лежала толстая тетрадь, в руках остро заточенный карандаш, рядом холщовая сумка с широкой лямкой через плечо.

Она писала. Время от времени опускала карандаш, перечитывала написанное, потом вскидывала голову к небу и загадочно улыбалась. Вторую неделю в одно и то же время я встречал её на этом месте за одним и тем же занятием. Я заметил, как она улыбалась. У неё была необыкновенная улыбка, и сама она была необыкновенной. Она светила вдохновением! Её переполняли забытые мной чувства – так похожие на счастье, – когда она перечитывала свои записи.

Поразительно – при её нынешнем положении – такое вдохновение, такая улыбка! Невероятным представлялось и то, что она выглядела счастливой. «Как вообще такое возможно?» – спрашивал я себя. Без крыши над головой, без всего того, что принято считать домашним уютом или как минимум социальной защищённостью. Хотя о какой защищённости речь? Кто их защитит? Полнейший бред! Никто никого не собирается защищать. Слова давно потеряли истинный смысл, срослись с ложью, привыкли быть пустыми, они калечат и убивают всех без разбора...

С непокрытой головой, в придуманном (самой и придуманном) красивом мире испытывать такие необыкновенные чувства! И в нормальных условиях такое не каждому под силу. Кому сказать – не поверят. Бродяжка и такое... и улыбка...

Нас приучили к тому, что счастье – это осязаемый эквивалент: его можно взвесить на весах, потрогать на ощупь, измерить в квадратных метрах, даже купить за деньги. И уж точно никаких там ощущений свободы, абсолютной независимости или необозримости личного простора. Кому они нужны эти свободы?

А женщина на скамейке, вопреки здравому смыслу, вносила душевное смятение и раздрай в нашу «розовую» обыденность, вынуждая засомневаться в общепринятых понятиях и смыслах.

— А вдруг именно в ощущениях всё дело и в этой самой «необозримости личного пространства»? – размышляли прохожие, наблюдая за тем, как она счастлива.

— Что тут скажешь. Повезло! – кивали одни.

— Так и есть... повезло! – в ответ кивали вторые.

— Они встретились! Это главное! – смахнув слезу, вторили первым и вторым третьи.

Три месяца лета! Всего три. Грешно тратить время впустую. Надо постараться без горя... В этих трёх месяцах ему нет места. Только три... Целых три!

Я и сейчас вижу, как она, сидя на берегу заросшего пруда, окутанная сладким ароматом черёмухи, бережно перелистывает страницу за страницей, всецело поглощённая своим счастьем. Со стороны она похожа на волшебную птицу, случайно выпорхнувшую из красивой сказки в чужой, позабывший о добродетели мир. В сказке она – перелётная птица – в непогоду сбилась с курса, растерялась и, чтобы перевести дух, превратилась в красивую женщину на берегу пруда.

«Успеть бы перевести дух, восстановить силы – и назад, в свою сказку».

Хотелось верить, что через минуту она сорвётся с места и растворится в белом тумане, раз и навсегда покинет неприветливый край. Пусть не прямо сейчас, но успеет. А лучше сейчас! Не стоит медлить. Зачем так рисковать? Это Сибирь, мало ли... Тут жаворонку приволье, но и тот улетает раньше всех, посередине золотой осени...

Конечно, и у нас природа, но не хватает тепла для сказочных птиц. И пруд красив! Его берега густо заросли ивой, вербой, черёмухой и молодым березняком. Ранним утром белый цвет черёмухи – сквозь молочный туман – напоминает иней. На вос-

ходе солнца черёмуховый аромат кружит голову, будоражит воспоминания. Снова ощущаешь себя молодым, лёгким, счастливым. Вспоминаешь, что когда-то и ты был влюблённым...

У самого берега караси устроили «свадебное» представление. Вбаламутили тину, подняли со дна муть, колючими плавниками режут жирную поверхность, выпирая из воды крутыми спинками. Раскачивают осоку и камыш, а самые отчаянные, обезумев от первозданной страсти, выбрасываются на берег, пружиня и кувыряясь на сырой от росы траве. А через мгновение снова плюхаются в воду, превращая пруд в кипящую лаву.

У карасей икромёт! Сегодня у них гостит любовь! И будет гостить, пока цветёт черёмуха. Потом пруд затихнет. Тина и широкие листья кувшинок скроют его тайну от любопытных глаз. Он будто уснёт до следующей весны – до того дня, когда снова зацветёт черёмуха.

Так уж повелось: весной на восходе любовь, караси и черёмуха встречаются в этом заколдованном месте. Не для того ли, в том числе, чтобы и мы вспомнили о чём-то очень важном?..

Невысокого роста, опрятная (вопреки бродячей жизни), в коричневом драповом жакете, в серой юбке ниже колен и в светлых полусапожках. На плечи и вокруг шеи элегантно повязан шарф светло-коричневого цвета. Лицо смугловатое, чистое, глаза голубые, губы слегка припухшие, красивой формы, пальцы тонкие чувственные, руки красивые, сильные. Волосы блестящими кольцами падают на плечи. Они оживают морскими бурунами, когда хозяйка, будто очнувшись, вдруг встряхнёт головой, сладко зажмурившись на яркое солнце.

Спокойная, никуда спешащая. Кажется и обречённой, и несогласной одновременно.

Можно предположить, что для себя она всё решила, и поэтому её мало что волновало вокруг. Она ни у кого ничего не просила, ни с кем ничего не обсуждала. Не стонала, не жаловалась, не взывала о помощи. Сама же, наоборот, всем старалась помочь, чем только могла. Как оказалось, могла она многое. Сочинять, писать и пересказывать увиденное – не здесь, в своей волшебной сказке.

Белла. Так она назвалась, когда впервые появилась среди этих людей у жаркого вечернего костра. Её приняли, полюбили и тоже помогали, чем могли.

Бродяги понимали, что вместе они только на одно лето, что зиму их Беллочке не пережить. Они старались ненароком не обидеть божьего человека грубым словом. А женщина из последних сил старалась держаться наравне со всеми. Не упасть раньше срока, не впустить в сердце горе окаянное.

Не готова она к жизни бродячей и привыкать не собиралась. Отмерила себе время до сентября... «вбила вешки», прочертила черту ровно, до первого журавлиного крика. Распределила силы и счастье своё до «вешек» и загадала на удачу. Не оставила за душой ничего такого, чтобы терпеть дольше загаданного.

Иногда я заставлял Беллу неподвижной. Она забывалась и, конечно же, улетала в свой сказочный мир. Её миром правили добро и любовь.

Позже мне пересказывал её истории знакомый художник Володя. В то время он жил вместе с «культурными» бродягами. В начале перестройки таких можно было встретить в любом городе. Судьбы у людей складывались по-разному, но суть их была до смешного похожа. Кто-то терял работу и впадал в депрессию, из которой не было сил выйти. Кого-то выгоняли за порог родные люди, не без этого. У кого-то кредиторы отбирали последнее, их жильё, чаще за долги детей. Не все рождаются предпринимателями. И не каждому под силу предать память отцов. Мы родом из СССР!

Культурные ушли в первые годы, месяцы вместе с преданными. Мой знакомый художник Володя так и живёт в землянке на Ангаре. Без малого полтора десятка лет. Рыбак каких поискать! Его судьба – это отдельная тема...

Её истории походили на добрые сказки. Впереди у Беллы три месяца лета! Надо успеть прожить их до капельки, чтобы было о чём вспоминать после... там... и не пожалеть. Чтобы гордиться собой.

В своих рассказах Белла представляла себя на капитанском мостике. Её парусник пробивался сквозь шторма и бури к заветному острову посреди океана. Она спешила на то место, где её поджидал отважный рыцарь. Коварные пираты приковали смелого юношу к скале и оставили умирать на необитаемом острове. Он зовёт Беллу. Белла слышит его голос. Она спасёт любимого. Успеет, обязательно успеет до того часа, когда первый журавлиный клин прочертит звёздное небо.

Они никогда не вернутся к людям. На острове безопасно, тепло и красиво. На нём пальмы, водопады, разноцветные птицы, божьи коровки, кузнечики, бабочки и неописуемой красоты цветы. А в глубине спрятался замок, в нём когда-то жили боги. О замке никто не знает. Камин в огромном зале никогда не гаснет. А остров, после того как на него сойдёт Белла, станет невидимым. У них будет всё... Они так любят друг друга! Им не надо к людям...

Из прошлой жизни только хорошее. Забыть плохое, стереть из памяти. Если не забыть, значит, похоронить себя заживо, с болью, с криком отчаяния в сердце.

Когда придёт время, надо уйти спокойно и достойно. С улыбкой предстать перед Отцом нашим.

В конце придётся вспомнить. Все вспоминают. Но это в самом конце.

Не стоит брать с собой, уйти надо налегке. Вспомнить и оставить, расстаться навсегда. Здесь и навсегда. С собой не стоит.

Спокойно пролистать жизнь листочек за листочком, день за днём и... оставить. И горе выплакать, и насмеяться от души. Потом можно. Не сегодня.

Беллочка сочиняла истории для людей, о которых мало кто помнил в этом мире. Для «лишних», не очень «удобных» людей. В её рассказах было много тепла и света. Люди заботились друг о друге. Жили в больших уютных домах. Было много любви и детского смеха, родители жили рядом, живы и здоровы. Любимые в её историях никогда не расставались надолго. И в радости, и в горе вместе и до конца.

И любила она в своих историях так, чтобы ничего не оставлять на потом. Любовь старалась вылюбить всю без остатка.

Она и их уговорит уйти вместе с ней. Обязательно! Зачем оставаться здесь? Ради чего такие унижения?

«Вы лишние... вам пора ...». И она слышит этот голос. Страшно такое слышать, страшно осознавать такое... Стынет кровь в жилах от голоса.

Там, куда они пойдут, живут ангелы. Она это точно знала: им к ангелам.

Тех «культурных» бродяг давно уж нет среди нас. Это были и впрямь первые и единственные свободные люди. Они ещё верили, что с ними произошла нелепая случайность, нелепое недоразумение. Именно так – случайность и недоразумение! Они надеялись, что совсем скоро всё образуется – о них вспомнят, их позовут. Не может быть, чтобы не позвали. Ведь без них всё пойдёт прахом!

Но шло время, а о них не вспоминали, и очень скоро наступало осознание своей обречённости. Оно настигало бродяг в тот самый момент, когда милицейская «труповозка», загруженная под завязку увозила их соседей в последний путь.

Окоченевших, похожих на смёрзшиеся груды грязного тряпья, наваленных в металлическом ящике как попало, вповалку друг на друге – из никуда в никуда.

«Почему не послушали Беллу? Не ушли с ней? Зачем остались? Тогда уж лучше в костёр – согреться напоследок. Не хочется в мёрзлую землю. Эх, Белла! Почему не послушали?..»

И в наше время их достают из колодцев теплотрасс, из подвалов, снимают с чердаков. Окоченевших откапывают в сугробах, примёрзших отрываю от скамеек. Десятками, сотнями. Без имён, без фамилий, с номерком на ноге хоронят на кладбищах. Отдельно! На специально отведенных участках. В вечную мерзлоту – с номером вместо имени на сосновом не обструганном кресте...

Бомжи интеллигентной наружности под вечер, на берегу пруда, разжигали костёр. Варили вкусную наваристую уху в вё-

дерном котелке (имелись свои рыбаки). Другие подрабатывали на частных подворьях. Кололи дрова, носили воду, помогали в поле. Да мало ли работы... В деревне любой работник на вес золота.

Приглашали к столу Беллу. Подкладывали своей писательнице самые вкусные кусочки. Поднимали тосты за любовь, за весну и непременно за Беллу. Благодарили Бога за то, что у них есть этот вечер, за то, что сыты и в тепле. Умоляли Его, просили для себя короткой жизни...

А после ужина, прикурив от костра папироски, располагались поудобней и с ребячьим интересом слушали красивые истории своей Белочки.

Это были наши люди, русские. Хочется верить, что Бог их услышал...

Окончание этой истории мне доложил знакомый художник Володя. Прошлым летом он достраивал свою землянку на берегу Ангары. Землянка возводилась по всем правилам военного искусства. Бревенчатые стены, пол из толстых плах, потолок в три наката, маленькое оконце на реку, оставалось навесить основную дверь, зимнюю. Володя жил рыбалкой и лесом. Рыбу сдавал в ресторан, торговал на рынке. Не сам – доверял бабушкам. На вырученные деньги жил не тужил. Хватало на самое необходимое – хватало на жизнь. А вот для того, чтобы рассчитаться с плотником за дверь, надо было постараться, как говорится, сверх нормы.

«Вышел я пораньше, – рассказывал Володя, – туман низко, сырость, душновато, но тепло. Рыбачил на «кораблик». Сеть-двухстенка крепится к приспособлению в виде деревянных салазок и выпускается на глубину. По мере натяжения шнура «кораблик» медленно движется – либо по течению, либо против. Простой и очень уловистый «настрой» плюс чутьё и сноровка.

Только, было, прошёл первую «тонь», как из-за поворота реки выплывает парусник. Будто воды не касается – ни волн, ни плеска – движется в направлении пристани. Когда проплыл мимо, я разглядел на мостике нашу Беллу! Чуть сознания

не лишился от радости. Успела! А на пристани её друзья толпятся и тоже волнуются, плачут от радости, суетятся со своими узелками. Парусник на минуту задержался, принял всех до одного на борт – и был таков. Так же тихо и растворился. Я зашёл на причал, а там её шарфик на ветру развивается, к перилам привязан. Вот он! Оставила на память. Послышался журавлинный крик. Я глянул на небо и замер – клин за клином, стая за стайей, раздвигая потухшие звёзды, плыли журавли! Мимо нас – к сказочному острову в океане – к теплу и солнцу, спеша за Беллой. Слава Богу, она успела!»

Фома и зайцы

Дедушка Мазай жил в живописном месте, посреди берёзового леса, на берегу красивой чистой реки. Дом стоял на пригорке и весело поглядывал голубыми окошками на четыре стороны. Тремя на речку и холмы с перелесками, двумя другими на двор и огород.

Ночью, когда все крепко спали, дом свободно разворачивался, куда пожелает. Бывало и такое: закружится, забудется и заснёт спиной к речке. Выручал петух, весёлой песней напоминающая, что пора просыпаться и наводить порядок на усадьбе. Особенно тем нерадивым, которые по причине своей рассеянности забывали вовремя вернуться на своё законное место.

Так и жили, не тужили – в дружбе и согласии – год за годом, лето за зимой.

Каждую весну дедушка спасал своих зайчишек. В половодье река за одну ночь разливалась на многие километры. Вырывалась из берегов и затопляла всё вокруг до горизонта. Заячьи ушки торчали то тут, то там, с нетерпением поджидая своего спасителя – дедушку Мазая.

Зайчишки живо прыгали в лодку и смирненько катались от островка к островку, осторожно косясь на своё отражение в реке и с интересом наблюдая за тем, как дедушка в очередной раз снимает перепуганного зайчишку с торчащей над водой кочки. Многих дедушка Мазай знал в лицо, радовался вместе с мамами-зайчихами пополнению в их семьях. Нежно тербил малышей за ушками и прижимал пушистые тельца к щеке. Так и жили – в любви и согласии – дедушка Мазай и его знакомые зайцы.

Время неумолимо раскручивает свой маховик – чем дальше, тем быстрее и быстрее. Пробил час и для Мазая. Однажды ночью его Душу подхватил Ангел и унёс на небо, чтобы указать дорогу в яблоневый сад.

Дедушку похоронили у реки на деревенском погосте. Дочери после поминок вернулись в город к своим семьям.

Сын Фома так толком и не прижился в городе – скучно ему было среди городской суеты, душно и тесно в панельной «хрущёвке». Фома мечтал жить на просторе: над рекой, среди берёзового леса, в доме с окнами на четыре стороны.

После армии заехал к сослуживцу погостить – там встретился с Настёной. Влюбился, женился и остался. Сын родился, Васятка, и покатилося... То да сё – отложить, купить, занять, отдать – ни конца ни края этой круговерти.

Плесень внутри завелась. Сначала незаметная, в сторонке, а погода рядом с совестью залоснилась бархатистым верхом. Пока тонюсенькая прозрачная плёночка, Фому сквозь неё разглядеть можно. А как там дальше? «Надо решать, пока не поздно!» – мается Фома, сомневается.

За что только ни брался в городе, чем ни занимался, в конце одно и то же – лбом в стенку упирался. Что за порядки в этих городах? Будто за хвостом гоняешься – и рядом, и не догнать.

А тут ещё эта напасть! По ночам, во сне, петух отцовский навещать взялся – спать не даёт, орёт как оглашенный. Залетит на прясла, расшеперится на солнышко и запоёт – да так, что от радости озноб пробирает. Какой там сон? Все планы, все мечты о богатой жизни в пух и прах развеет. Извёлся вконец Фома.

Вырвался домой на недельку – когда отец ещё жив был – оттаял нутром. Уйдёт в степь, упадёт в траву, руки, ноги раскинет по сторонам и часами напролёт жаворонка слушает. Спыхватится, а по щекам слёзы бегут горячие, дурь городскую вымывают. С петухом уговорился, чтобы тот почаще навещал да погромче пел. Петух в ответ изловчился и ущипнул Фому за щёку. Шарик тоже уговаривал остаться, за отцом присмотреть.

Вернувшись в город, решил Фома с Настёной поговорить. Уговорить переехать в родительский дом.

Душа у Фомы крестьянская, силушка богатырская, усадьба богатая, земля плодovitая. Чего ещё желать? Заживём на воле, сами себе хозяева!

Настя официанткой в буфете работала. Народ разный попадался. Домой частенько со слезами возвращалась. Фома к ней и так, и эдак – дело-то молодое – ноль внимания с её стороны. И на кой нам такая «цивилизация», Настёна? Нам песни петь, детишек рожать, а мы в тесноте корчимся, в духоте чахнем.

А на родной сторонushке простор, для Васятки раздолье. Сынишка к технике тянется, не гоже его через колено, пока из глаз свет лучится. У батьки техники полный гараж. От «москвича» до сенокосилки... Скучать не придётся.

Настёна, недолго думая, согласилась. Васятка, как увидел реку, лес, Шарика, петуха, кроликов ... покой потерял. Из крольчатника силой вытаскивали. С сереньким крольчонком расставаться наотрез отказался, в обнимку засыпали. Ребятишки...

Ожила усадьба, жена лицом посветлела, о помощнице всё чаще намекать стала. Фоме только в радость.

Весной тёлочку привели с соседнего хутора, пяток поросят прикупили. Куры, индюки, гуси, утки гомонятся, козы бякают. Живёт усадьба на разные голоса, не осиротела. Слава Богу!

Всё бы ничего. Да вот беда – глубоко засела городская «заноза» о красивой и богатой жизни в правом виске у Фомы.

Знал Фома, что отец не один год с зайчишками дружбу вёл. Весной по большой воде поплыл по отцовскому маршруту, только мысли не тятины с собой захватил. А зайчишки тут как тут – в условном месте поджидают. Год выдался щедрым – на каждом островке до десятка зайчишек, молодняк в основном.

С полусотни с первого захода в лодку напрыгало. Радуются зайчишки, интересуются, почему дедушка Мазай за ними не приплыл?

Молчит Фома – успевает только лапки шпагатом путать да малышей по мешкам рассовывать. Три раза до темноты скатался, и каждый раз лодку под завязку зайчишками загрузил. Крольчатник полнѐхонек, сам умаялся.

Васятка радуется, интересуется у отца: «Когда, папочка, поведём зайчиков в лес отпускать?» Молчит отец, под нос что-то бормочет – по всему видать, бредит.

Настя дочку под сарафаном носит, к осени рожать собралась, а тут на тебе – мужик совсем сбрендил. Память отцовью предавать? Не к добру это... ох, не к добру! Уговорить, устыдить пыталась мужа, всё впустую. Спозаранку Фома снова к лодке. Ворохнулось бабье сердце, почуяло беду. Не просит, причитает Настёна: «Одумайся, Фома. Не нужны нам эти зайчишки, отпусти ты их на волю... К нам вернись прежним!»

В лесу тоже переполох. Потеряли друзья друзей, родственники родственников. С ног сбились искать, пока беглец не объявился. На сходе лесном общем выслушали зайчишку. Рассказал смельчак, что не поверил Фоме. Пока плыли в лодке, освободил лапки от пут и сиганул на берег. Потом из багульника наблюдал, как Фомка зайцев в усадьбу перенёс и взаперти оставил.

Выручать надо братьев, не приключилось бы беды. Так и порешили – любой ценой выволить пленников! Поручили это дело двум волкам-одиночкам. Обещали, после успешно проведённой «операции», принять в стаю на законных правах. У вожака слово крепкое. Сказал – значит, примет!

А Фома всё ближе и ближе. Оглянулся по сторонам – ага, торчат ушки! Причалил к островку и давай морковкой дразнить. Пока лапки шпагатом связывал, лодка качнулась. Что такое? Будто кто тяжёлый через борт запрыгнул. Оглянулся, а рядом пара волков с телёнка годовалого ростом. Хотел в воду сигануть, но над ухом так клацнуло, что ноги и руки перестали слушаться. Всё, конец! Замелькала жизнь перед глазами. Батю увидел как живого. Закатил глаза под лоб и давай молитву вспоминать вслух.

«Греби к дому, а помолиться успеешь», – пробасил волк. Минут через сорок причалили. Волки Фому за шиворот – и к калитке. Шарик пару раз тявкнул и замолк, глазам не верит. Залюбовался на могучих сородичей. Настя только руками всплеснула и тоже обомлела, Васятка рядом, с открытым ртом, кролика к груди прижимает.

Прошли волки через двор к клеткам, растворили дверцы и выпустили косых на волю. А зайцы нет чтобы сразу наутёк, так нет же – они у спасителей на шеях повисли. Обнимать давай, целовать... Смеются и плачут от радости. Волки ворчат понарошку, засмущались с непривычки. В страшной ухмылке смущение прячут. Тоже рады, что успели, что не осиротеет лес без добрых зайчишек.

Унёс ветерок белое облачко, через поле и овраг, рассеял на опушке берёзовой.

Фому волки к лодке развернули. Подмигнули Насте, шепнули: «В воспитательных целях». Взъерошили тяжёлой лапой кудри на затылке у Васятки и тоже успокоили: «Игра у нас такая с папкой твоим, не волнуйся, малыш, и не бойся». Запрыгнули в лодку и растаяли в вечерних сумерках.

Телефона в доме нет, река разлилась – вода кругом – сиди и жди. На третий день ранним утром лодка причалила к родному берегу. В лодке Фома сидит, а на руках десяток зайчишек. Тычут ушастики лапками в сторону Насти и Васятки, к Фоме прижимаются, в глаза заглядывают.

А на корме с длинным шестом в когтистой лапе знакомый волк. Приветливо размахивает букетиком подснежников, улыбается и Васятке подмигивает...

Химия

Три дня как я выписался из больницы. Долго сопротивлялся: идти или не идти? Тянул «резину» до последнего, тянул. Всё на «потом» откладывал, хорохорился, а тут решился. Скоро лето, дачный сезон открывать. Лес, река, рыбалка, грибы, ягоды... да мало ли? А к здоровью никакого внимания, не порядок это. Сказано – сделано!

Друзья порекомендовали к Ольге Сергеевне обратиться. Мол, терапевт она классный, человек хороший, а главное, к своим пациентам, как к деткам малым, внимательная очень.

И правда, Ольга Сергеевна оказалась милой женщиной, с юмором даже... Умная, красивая, добрая. Не доктор – Ангел!

В приёмнике меня лично встретила:

— Палата № 6! – серьёзно так.

— А можно я поотом зайду? — растерялся я, не поняв её шутку.

Она рассмеялась:

— Вижу-вижу, знакомы с русской классикой. А № 41 подойдёт?

— Конечно! Премного благодарен. А то я того – занервничал с перепугу.

Приняли меня, что называется, по-домашнему. Палата на двоих, потолки метра четыре высотой, светло, тепло. Благодать!

Дело было в пятницу. Забежала ко мне Ольга Сергеевна, в глаза посмотрела, чиркнула в «истории» пару строчек, улыбнулась и попрощалась аж до понедельника.

— Вылечим! — крикнула она с порога. Махнула ручкой и растворилась.

Не успел я оглянуться, а медсестра Катюша (с зелёной «рыбкой» на шикарной груди) уже капельницу катит с тремя литрами

золотистого «нектара». Халатик на ней так скроен, что если она, к примеру, наклонилась надо мной, то мне не до жалоб, а у соседа напротив в голове только здоровые мысли остаются. Нездоровые моментально улетучиваются. Халатик у Катюши скорее козынку напоминает, он вроде есть, а с другой стороны – и нет вовсе. Зато мыслей здоровых хоть отбавляй, честное слово. Улыбается сестричка, по-свойски так, глазками нас внимательно разглядывает. Мало ли...

Я возразить попытался:

— Откуда вам известно, сестрёнка, что в меня вливать полагается?

— По глазам, мил человек, по глазам, – отвечает Катенька.

Я и опомниться не успел, а мне уж и укол в ягодицу, и иглу в вену, и пару пилюль за щёку. Вот это сервис!

Ослабила сестричка зажим на трубке, и побежала золотистая жидкость по моим венам, артериям, капиллярам, проникая в самые отдалённые уголки перепуганного организма, оживляя и просветляя сознание.

Уже через пару минут я оценил качество лекарства. Все сомнения и тревоги улетучились вон. Я в прямом смысле парил под потолком палаты, ясно представляя себе, открой сейчас сосед окно или форточку – и я тут же выпорхну на волю. Сомнений не осталось, диагноз поставлен верно, лечение ведётся в нужном направлении!

Для себя решил: в межсезонье – в профилактических целях – заглядывать сюда регулярно. Возраст, с ним поаккуратней надобно!

С соседом по палате повезло. Душевным мужиком оказался, Степаном зовут. В «пожарке» на «лестнице» работает. Таёжник, рыбак заядлый, балагур каких поискать. В рыбалке профессор! Сазан – у него главная рыба. Изобрёл мудрёный настрой и таких чертей добывает! В телефоне – для наглядности – у него фотки хранятся, засмотришься! Какие сазаны! И на десять кг потянут, а то и поболее. Особенно тот экземпляр, что сын в прошлое лето выловил. От земли до груди ростом, если рыбину на хвост поставить.

В последний день под капельницей Степан разоткровенничался. Настрой подробенько на тетрадном листке вычертил, в масштабе, так сказать. Подружились мы со Степаном. Молодец парень! Правильный мужик! Сазан летом дурит, вот мы на июнь и загадали рыбалку. Телефонами обменялись.

Сестрёнки над ухом щебечут. Мы в ответ стараемся: я по-отечески, Степан по-правдашнему. Шутим! Вены наперегонки подставляем. «Колите милые, сколько душе угодно! Нам летать охота – подольше и повыше». Потеха с нами, как дети малые, честное слово.

Под капельницей благодать! Веки тяжелеют, глаза под лоб, душа на небо улетает... Кровь, будто вино молодое, играет. На сердце покой и радость разливаются. Забористый препарат! В бутылки разлит красивые. Резво течёт по трубочкам волшебная жижа, янтарём на солнышке играет, организм согревает.

В носу от пузырьков щекотно – шипят, лопаются – вроде воду выпил газированную из автомата. Лежим, бормочем разные глупости, хихикаем как дураки. Точь-в-точь палата №6. Хорошо, никто из знакомых не видит. Врачей благодарим, учёных-химиков за «волшебную настойку» для рядового труженика.

Хорошо под капельницей мечтается. В носу пузырьки, химия сердечко веселит. Если б к кроватям не привязывали, мы бы точно рядом с ангелами парили, а так воркуем друг с другом, как голубки. Языки во рту еле ворочаются, следим, чтоб наружу не выпали. То стрижей по небу гоняем, то на глубине морской с рыбками разноцветными резвимся. И русалки тут же, в белых и зелёных халатиках. Мистика!

Степан тоже – выпала свободная минутка бегом на речку, в лес ли – подальше от пустомель, поближе к матушке-природе. «Туда бежим, где правда людская по ельникам прячется». Стыдится правда – обидно ей, что отвыкли её в голом виде созерцать. Нам всё больше ряженные по душе стали, в макияжах.

Как-то на «трезвую голову» мы заговорили о жизни деревенской. Район я вдоль и поперёк исколесил в своё время. Деревни, которые в округе, на пересчёт в голове держу. Помотался по

сибирским просторам – когда по работе, когда по бизнесу – будь он неладен, бизнес этот деревенский. Туда: колбасу, селёдку, конфеты, папиросы, шмотки китайские и всякую всячину. Кто что закажет, то и везли.

Из деревни: пшеничку, овёс, ячмень, овощи, мясо, сметану, ягоду, орех, грибы, мёд (это раньше, пока копошились люди кое-как). Много чего в русских селениях выращивали и собирали в былые времена. Круглый год полны закрома держали, амбары по швам трещали от запасов. Поросятам числа не знали, овцы, козы, кролики, птица разная не в счёт – для баловства держали, для экзотики, так сказать. От обжорства маялись, постится больно модно было.

У хозяек одна заботушка – коровка-кормилица! Бурёнушка родимая – во все времена – беда и выручка. «Спасибо Господу нашему за то, что подарил деревне такую помощницу».

Пчёлки ещё, святые труженицы! Тут особый подход, без душевного настроя лучше не соваться. Из рода в род любовь к пчеловодству передавалась. Знания, опыт, настрой особый, руки чистые, сердца добрые. На это дело святые отцы благословляли, тут без любви не получится. Пчёлки всё примечают. И если, к примеру, с хозяином беда приключилась, в один день всем семейством помереть могут. С горя! Со стороны – муха мухой – только сладкая и цветочки любит. Да не всякая муха – пчёлка...

Охота, рыбалка, промыслы народные рукодельные для души берегли! Сейчас и это на прибыль пересчитали. Подменили душевные понятия – жизнь всю как есть в рублёвом эквиваленте измерять стали. Чего греха таить, выть охота от новых порядков. Всем миром и воем...

Человек среди живой красоты жить должен. Жизнь – она среди живого радуется, от живого к живому радость несёт.

Чахнет человек на «золотой» горке. Выгода выгоде рознь. Когда и даром выгодней поделиться, чем с кровью да пеной у рта...

В наше худое время в деревню с бизнесом соваться – только бабушек смешить. Для души прокатиться – другое дело. На завалинке посидеть с селянами, орешки кедровые пощелкать да повспоминать былые времена. Пока пенсионеры живы, де-

ревня кое-как перебивается. А уйдут дедушки с бабушками – и всё, «тушите свет»...

А под капельницей хорошо. Поём со Стёпой в два голоса:
Гляжу в озёра синие, в полях ромашки рву, зову тебя Россией,
Единственной зову.

Спроси-переспроси меня, милее нет земли, меня здесь русским именем

Когда-то нарекли.

Гляжу в озёра синие, в полях ромашки рву, зову тебя Россией,
Единственной зову.

Не знаю счастья большего, чем жить одной судьбой, грустить с тобой, земля моя, и праздновать с тобой.

Красу твою не старили ни годы, ни беда, Иванами да Марьями гордилась ты всегда.

Не все вернулись соколы – кто жив, а кто убит, но слава их высокая

Тебе принадлежит...

И чего нам далась эта деревня? Не нравится деревенская жизнь? Собирай манатки и мотай в город, в Москву например. Туда только ленивый не едет. Хотя деревенскому жителю в городе? Помрёт с тоски!

На прощание Ольга Сергеевна заверила: «Полгода будете себя контролировать, а там – милости просим – к нам для подзарядки». И смеётся! Сейчас, говорит, всеобщая диспансеризация в моду входит. Вовлекаем народ в состояние душевного равновесия. Недельку, две под капельницей с качественной «химией» – и полгодика ты в строю. Ни жалоб от тебя, ни претензий.

«Так и есть, сейчас у меня жизнь на подъёме. Всё получается! Глаза блестят – в потёмках вижу. Ни горького, ни сладкого не различаю. На душе покой и тихая радость. Не спешу, не бегу, не толкаюсь, не завидую, не сожалею. До зорьки не просыпаюсь! Так что, милости просим, к Ольге Сергеевне в палату №??? «Хи-

мия» заряжена, медперсонал душевный, опять же Катенька и рыбки разноцветные. Скорей бы полгода миновали...

P.S. Сведения на 2010 год!

— 20000 человек в год покидают Сибирь навсегда (это только Иркутская область)!

— К 30 брошенным населённым пунктам с момента последней переписи прибавилось ещё 32! (итого: 62 селения исчезли с лица земли).

— За 7 лет Иркутскую область покинули 143000 сибиряков... И тоже навсегда?!

Не укради

Эту историю я вспомнил, прослушав один репортаж на ЦТ. Корреспондент натурально волновался, рассказывая телезрителям о том, что в нашей стране резко возросли примеры самосудов над чиновниками разных мастей и рангов. Мол, с каждым годом их количество только увеличивается. Чего он паникует? Так было и будет всегда, пока перед законом равны не все. И у нас не всегда успевают до милиции добежать. Часто на месте, под горячую руку суд вершат.

А помнятся времена, когда один участковый по фамилии Журавлёв шпану огромного района в кулаке держал. Сам сажал, сам встречал, сам «реабилитировал». И ни у кого в голове мысли не возникало, что дядю Мишу можно послушаться или, не дай Бог, проучить.

Дядя Миша – ЗАКОН! Он разведчик и Герой! Появится, бывало, среди шпаны вокзальной среди ночи один – когда нам море по колено – и всё... стоим, глазами землю царапаем. Как перед батькой, сопим в трубочку. Не вякнешь лишний раз, потому как дядя Миша – авторитет! Уважали его и мы, и родители наши. Честный был милиционер, справедливый. Сколько нашего брата от решётки да колючки уберёг. И поговорит по душам, и подзатыльник отвесит, если совсем без мозгов, но не отмахнётся, все попытки использует. К каждому подход имел персональный. Целое поколение в жизнь выпустил, в настоящую, где своими руками и без подляны...

«Мы здесь хозяева! Чужие тут не ходят! А кто ходит, тот нам платит!» Так вдохновляли друг друга Лёха и Санёк, два приятеля

из одного района. Считай, соседи – дома друг против друга, через сквер и детскую площадку. Парни не парни, мужики не мужики – недоросли и круглые балбесы (сейчас сами так говорят).

Когда по причине нежелания учиться и трудиться и бесполезности призывов к совести на них махнули рукой родители, учителя и наставники, тем самым освободив от каких бы то ни было обязанностей, друзей с головой накрыла свобода. То ли сами сообразили, то ли надоумил кто, только решили наши умники прокатить этот участок жизни на халяву. Растянуть его до необозримого. Пока тянется...

А началось всё в смутные девяностые, когда страна сошла с ума. В припадке безумной ярости так рванула по живому, что посыпалось Великое и Нерушимое, как песочек сквозь растопыренные пальцы. А надо было лопаткой и назад в «песочницу» и покараулить, пока народ очухается и протрезвеет от «свобод» и «палёнки».

А ещё лучше, если бы по-трезвому, сообща обсудили. Мудрецов пригласили бы со всего света, отцов святых во главе и людей, много людей. Чтобы без прогулов и уважительных причин. Тогда, глядишь, и обошлось бы без традиционного «весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем...» Глядишь, и вкатили бы в эту самую «демократию» на русской тройке в голове крёстного хода. Увы, у нас, оказывается, свой особый путь! Почему всегда «до основания»? Откуда столько уверенности? Мы же старались: строили, создавали, воздвигали... верили, наконец!..

Лёха и Санёк из тех, кого к потерянному поколению отнесли. Мол, потеряли, чего уж там, не до них, у нас новое подрастает. С ними надо что-то решать, разбегутся ведь кто куда.

Росли пацаны сами по себе, как полынь у дороги. По законам улицы. Драки, разборки, грабежи «по-лёгкому». Когда пьяного обчистят, когда салагу в подворотне прижмут, чужих «потрошили» беспощадно. Где что плохо лежит, тоже мимо не проходили.

Работа? Ну, какая работа? Разгрузить, посторожить, отнести, принести. «Такие копейки, а унижений... Нам запахло!» – отрезали друзья. Начали подворовывать, шпану (мелочь пузатую) приручали, тоже доход. Район стонал от друзей-товарищей.

А когда после отсидки вернулись, то совсем с катушек слетели. И статейка-то так себе, коридорная статейка, зато гонору вывезли, картинок мудрёных на запястьях и прочих частях тела, вроде авторитетный сиделец заглянул могилки родительские проводить и попрощаться с домом родным на веки вечные. Знаем мы таких переростков – для парней староваты, до мужиков не дотянули. Застряли в узком месте переходного периода, будто в горлышке бутылочном. Через этот проход в «демократию» не протиснуться, однозначно. Да и кто их там ждал? Больно много желающих до хорошей жизни – всем не угодить!

Горлышко поуже, сторожа построже, затыкать почаще и на подольше. С этой стороны, где Лёха с Саньком застряли, и делить-то вроде нечего. Кто порезвей был, тому это «хорошо» и досталось, а остальные там трепыхаются, где его быть не должно по определению.

К водочке «травка», потом в вену всякую всячину давай пить. «За похмельем ломка... чернота и паника». Вышли друзья на «большую дорогу», на дозу денег больше и больше требуется.

А стыд, совесть? Не до того. Дачи пошли шерстить, картошку с полей таскать, стариков у сберкасс в дни пенсий караулить.

Где милиция? Не ко мне вопрос.

Старушку на днях пришлось толкнуть на палисадник. Раскудаhtалась за своих кроликов. Боевая бабуля попалась, чуть не огрела Лёху по горбушке лопатой. Да не тут-то было, летела метра три по воздуху. Умора с ней. Правда, когда Лёха обернулся, показалось ему, что тяжело бабуле. Лежала она как-то неловко, будто куча тряпок на заплоте...

В это самое время вернулся в родные края Генка – маму проводить, с роднёй повидаться. Генку и на зонах уважали, и на воле прислушивались. Его Север – как в песне поётся: «а я много узнаю по походке» – так и Гену узнавал. К тому времени, как этой истории приключиться, около сорока ему было. Знаю Генку всю жизнь, в одно время росли, оба вокзальские. Он меня старше года на четыре будет.

Года он не считал, путался в них, и они к нему шибко не вязались. Есть люди, к которым время без всякого интереса.

Ходки три на нём, если не больше, и всё по драке. Как начал с «хулиганки», лет с четырнадцати, так до конца и остался верен своей статье.

Среднего роста, лёгкий, кривоногий, необыкновенно приветливый и дружелюбный, юморной. От Генкиной отваги и широты душевной девчата головы теряли, таяли, как пломбир на солнцепёке.

Работы не боялся, наоборот, уважал тяжёлую работу. В свободное от «исполнения наказаний» время, бессменный бугор у грузчиков на ХПП (Хлебоприёмное предприятие). С кулями будто с мячами футбольными управлялся. С зерном мешочки по пятьдесят кг выходили и поболее. А за смену вагон, а то и два загрузить надо.

Как это у него получалось? Со стороны посмотреть – в чём, казалось, душа держится? Обманчивая внешность у Генки. Мы это знали, поэтому старались не нарываться, не доводить до греха. А если случался какой конфликт среди своих, всеми силами пытались примирить стороны, не допустить до братоубийства. Конечно, это касалось только своих. Что касается чужаков, тут уж не обессудьте, такое «кино» бежали наперегонки посмотреть. «Мастер-класс» сейчас называется.

У настоящих уличных бойцов рука должна быть лёгкой, без напряжения и груза. У Генки они вообще невесомыми казались, как крылья у сокола. И сам он на сокола походит, толкни – и улетит на небо.

Наливался свинцом кулак в момент удара и отдельные части тела, если в какой-то из них понадобилась бычья сила. И металась эта бешеная Генкина силушка от ног к рукам, от плеча к груди, от кулака к кулаку. Разные у нас мастера были красиво подраться, но до Генки им как до Луны.

В боксёрскую секцию несколько раз принимали и каждый раз до первого спарринга. Тренера провожали до порога и вежливо давали пинка под зад. Вздыхали с сожалением: «По всему видать, над этим пацаном потрудился Создатель, его учить – только портить».

И зона, и публика блатная к Генке без претензий. Каким ухдил, таким и возвращался – с юмором и мухи не обидит.

Столько лет минуло, а встретились – он такой же балагур и душа нараспашку. Эх, обманчивая внешность у Генки! Сколько лет знакомы, а я никак не привыкну, что с двойным дном его натура. Под второе лучше не заглядывать. Так вот, вернулся Гена из тайги родимой, где золотишко намывал, корешки собирал, шкурки ценные добывал и... лес валил, не без этого.

Бабуля та, что на палисаднике повисла, Генкиной мамой оказалась. К его приезду она только-только вставать приноровилась, с костыльком. Слава Богу, не перелом! Вывих и растяжение голеностопа, ещё ушибы от падения на штaketник. Расстроился Гена. Мама – женщина мудрая, добрая, в авторитете большом у сына. За что так-то с мамой? Мама – человек святой!

«Кто такие?» Пацаны местные доложили: «Дядя Гена, дикие они, совсем безбашенные. Сколотили бригаду и прут по беспределу с бельмами на зенках. Есть у них авторитет ряженный, залётный какой-то. В «Берлоге» тусуются – там у них что-то вроде офиса. Танцор – кликуха у ряженого».

Вечерком Гена заглянул в «Берлогу». Заказал бутылку шампанского, подошёл к столику, где этот «авторитет» и трое его «гайдамаков» пиво потягивали да пальцы топырили. Поинтересовался вежливо: «Лёху и Санька позарез надо!» В ответ обидные слова... Приглядеться бы Танцору внимательней в тот вечер к незнакомому человеку да дёрнуть что есть духу, куда глаза... без оглядки... Инстинкт подвёл, не сработал, а мерзкая привычка говорить через губу и подавно – не помощник. Судьба устала от Танцора. Гена подмигнул Судьбе – и бутылка шампанского разлетелась вдребезги на тыквообразном черепе Танцора. Голова с хриплым хлюпом провалилась в жирное брюхо хозяина. Была голова – хрясть! – и нет головы. Аминь!

Троица вспорхнула, было, над кедровым полом «Берлоги», но тут же скукожилась, распластавшись на пятачке у бара. Гена не повторялся. Три молниеносных движения – и нет «опричников».

Как он отыскал Лёху и Саньку, точно не скажу. Конечно, помогли старые связи. О том, что пригрел их у себя в зимовье, соседи узнали дня через три. Пригрел – это с натяжкой, хотя...

Приковал Гена маминых обидчиков к печке, нагишом. Печка в два обхвата, посреди кухни красуется. Ноги кожаными ремешками стянул. Лёхина левая к Санькиной правой, Санькина левая к Лёхиной правой. Обнимают бедолаги печку, а руки попарно старинными «браслетами» пристёгнуты. Картина, по рассказам очевидцев, не для слабонервных.

Печку Гена топил через день. А на дворе осень к зиме ближе. Морозно! За ночь выстывает зимовье. Сутки в тепле, сутки в холоде. Испытание! Маму увёз к родне. Решил: «Не надо маме смотреть на голых придурков». Корешей старинных пригласил для воспитательной работы. Кореша – пацаны правильные. Урок о «понятиях», другой о Святом Писании проводят. Доносили основательно и проникновенно.

Санька и Лёху освободили в пятницу, в конце трудовой недели. Одевать не стали. Прикрыли срамоту – и пинка под зад. Ещё зелёной разукрасили с головы до ног. Правда, лица не тронули, чтобы сомнений ни у кого не возникло, кто такие с голыми задницами среди бела дня по закоулкам скачут.

Десять лет минуло с тех пор, как Генкин приговор вступил в силу. Танцор, с тех пор как в «Берлоге» с Геной пересёкся, так из больнички и не выходил. Голова у него сразу из плеч торчит – не вся, до верхней губы. Врачи говорят, хорошо «клювом» за грудину зацепился, а так бы из живота доставать пришлось. Не рассчитал Генка, переборщил. Пытались доктора вынуть голову наружу, куда там... мастер постарался.

Так и бегают Танцор по коридорам теперь уж родной больнички, улыбается и каждому встречному объясняет: «Я не люблю шампанское из бутылки, пузырится и в голову шибает». Надо было повнимательней пригляделся к тому дяде в оленьих унтах и лисьей шапке. Судьба! От неё и за печкой не спрятаться.

Другие подросли, тоже хулиганят, но с оглядкой. Гена на Севере живёт, но у него сын подросток. На вид не такой хрупкий, скорей наоборот, крепко скроен парняга, и кулак у него потяжелей будет батькиного. Тут на днях колесо зиловское вместе с диском легонько так в кузов закинул, любо дорого посмотреть. Петрухой зовут парня, наше имя, сибирское. И так по всей земле сибир-

ской: подрастают сыновья, внуки, правнуки – не такие проворные, но с двойным дном, как у отцов и дедов. Внешность тоже, на первый взгляд, душа нараспашку и балагуры, мухи не обидят. И без печки в Сибири не обойтись. Она и обогреет, она и – верно – в воспитательных целях на первом месте.

Поезд приближался к родному городку. Не всё в жизни Лёхи и Санька было так грустно и безнадежно. Сейчас-то они научились улыбаться, полюбили жизнь. А в родной город возвращались с одной единственной целью – встретить дядю Гену и отблагодарить за тот урок. За то, что не переступил черту, что пощадил дураков, что не озверел, оставил надежду и дал шанс вернуться к людям.

На вид им было около тридцати пяти. Два крепких мужика со светлыми лицами и добрыми глазами. Живут они под Архангельском при монастыре. Работают от зари до зари, молятся, любят весь белый свет, живут по законам Божиим и мечтают: Санёк о дочке (у него два сына), а Лёшка о сыне (у него две дочки).

Татуировки извели в ту же осень. Ушли в тайгу, неделю жгли друг дружку раскалёнными головёшками, кромсали охотничьи ножами. Потом запрыгнули на товарняк и с разными оказиями добрались до северных широт. Проснулись как-то, а над ними монах склонился, улыбается. Сразу успокоились, тиски грудь отпустили, тепло на сердце сделалось, монаху в ответ заулыбались.

«Вот и добрались!» То ли сами, то ли монах молвил, то ли слышалось? «Трое услышали – значит, не слышалось!»

Это мне уже Петруха рассказывал: «Умеет батька с людьми разговаривать, чтоб те зла на него не держали. Макаренко, блин! Долго мы с ними общались. Считай, вся улица собралась поглядеть на бывших «фулиганов». А они смеются, как будто эта история не про них. Когда к печке приблизились, замолчали, но справились быстро, только поинтересовались с усмешкой: «Не дымит?..»

И вроде те, а со стороны посмотришь – никакого сходства... Чистые они какие-то, светлые, что ли».

Боцман

Мне только исполнилось двенадцать, когда он появился в нашем доме. В Сибири собаки живут на улице в будках. Заманить в дом такого пса и даже затащить силой практически невозможно. Человеческое жилище – запретная территория. Охранять? Другое дело. Но чтобы переступить порог – ни в коем случае!

Если уж совсем не вмогую и нет никакой надежды вернуться в строй, пёс незаметно проберётся за околицу, где под звёздным небом уютно уляжется в мягкий снежок и день за днём припомнит свою собачью жизнь. Горько посмеётся над ней, всплакнёт, облегчив и согрев душу горячими слезами, твякнет на добрую луну и из последних сил прыгнет на знакомое облако, навсегда заслонившее от него солнце. И допрыгнет! Все допрыгивают. На земле только шкура да косточки остаются. Это и понятно: на крыльях лететь – зачем это старьё за собой тащить? Вот и бросаем без сожаления, когда понимаем, что пора. И они, глядя на нас тоже бросают...

Пока крылья отрастают, надо успевать дела земные переделывать, чтобы вовремя успеть, а не шаркать потом по полу скрюченными ревматизмом ногами. На скаку с первой попытки – и на облако.

О крыльях заботиться – тоже не последнее дело! Питание, экология... алкоголь, никотин... мысли, поступки, слова – в совокупности всё это приближает или, наоборот, отдаляет готовность к старту. Чем крепче крылья, тем надёжней полёт!

Бывает так: молодой совсем, ему жить да жить, а он над землёй парит. Салага по-нашему, а ишь ты как угадал – так и парит, так и светится от счастья. Смотришь на него – и смотреть охота!

Сложней тем, кто о крыльях до старости ведать не ведал. Лежит бедолага беспомощный, сил уж никаких не осталось, а крылышкам расти и расти... А куда деваться? Приходится терпеть. Без облака не обойтись – не проскочить мимо.

До Боцмана у нас Нелька жила, овчарка. Служивая! С одной из бесчисленных сибирских зон списали по старости. Собачник пожалел любимую собаку и упросил отца, чтобы тот приютил её и позволил спокойно дожить свой век, без команд и окриков. Отец на Заводе лесного машиностроения токарем трудился. Его в наших краях многие знали. Согласился отец, приютил «пенсионерку».

Три года она у нас прожила, как в санатории. Свободно гуляла по усадьбе, грелась на солнышке, кемарила на зелёной травке и в тёплой будке на душистом сене. Пенсия, какие могут быть претензии?

А как-то утром нашли её в огороде на куче картофельной ботвы. На морде улыбка, а сама будто в прыжке застыла. Мы искали облако, но не нашли, значит, улетело вместе с нашей Нелькой. Допрыгнула! Мы её понимали и не мешали подготовиться. Отросли, значит, крылья, успели...

Боцмана отец привёз в люльке своего «Ирбита». Между мешками с кедровым орехом и горбовиками с брусникой. Еле достали на свет – ни в какую не давался – пришлось «верхонки» одевать. Чёрной масти с рыжими опалинами на мордочке, груди и лапах. А на свету казалось, что он пеплом присыпан, так отличала его шерсть.

«Волк у него предок», – объяснил отец. Позже выяснили, разобрались с его родословной. Оказалось, что мамой у него была ротвейлерша, а отцом – волк. Что это у них давняя любовь. Собака часто и надолго пропадала в тайге со своим волком. Любовь! Куда от неё? Только в тайгу!

В наших краях большая редкость, чтобы собаки с волками свадьбы играли. Но бывает. У Боцмана волчьей кровушки оказалось с избытком. И имени своему он полностью соответствовал.

Умный был пёс, преданный. Правда, к себе никого не подпускал и держался в стороне. Погладить себя позволял только отцу, маме и мне. Мама кормить кормила, но старалась с ласками не приставать. Кто чужой чуть приблизится – сразу рык навстречу.

Мужики на охоте ворчали: «Миша, увези ты своего волка назад в тайгу. Не ровен час покалечит наших лаек, мы тебе потом накостыляем, не поглядим, что ты и Боцман твой в тельняшках ходите». (Отец восемь лет на Тихоокеанском флоте отслужил.) Батяка только ухмылялся в ответ и теребил Боцмана за ухом. Года четыре он у нас за порядком присматривал. В тайге на любую дичь шёл – грамотно, без лишней суеты всё обставлял. Это ему по отцовской линии перешло.

Собаки, встретившись с ним нос к носу, хвосты поджимали и скулить начинали. Волкодавы на дыбы вставали, а ему хоть бы хны, ноль внимания на эту публику.

Если кто из собратьев забывался и заступал за черту, Боцману достаточно было оскалиться или пару раз щёлкнуть зубами, как конфликт исчезал сам собой. Пару раз отец, по просьбе охотников, выставил Боцмана на поединок. У нас было принято срамливать собак – такой обычай, для общего развития. До первой крови, так сказать. Но с Боцманом оказалось куда как сложнее. Он наших правил не придерживался, у него свои. «Если биться, то до конца!» – такой у него был девиз. Кое-как разжали его челюсти со страшными клыками, выручая очередную жертву, и отстали... от отца.

«Иди ты, Миша, со своим «оборотнем» подальше...» — плевались с досады мужики, расставаясь с проспоренными поллитровками.

В хозяйстве больше всего хлопот с курами. Глупая птица, вредная и пакостливая. Наши куры были не лучше. Нашли где-то щель в заборе и день за днём давай грядки рыть и ровнять. Мы с ног сбились, всю изгородь на ощупь проверили, не нашли лазейку. А куры снова в огороде. Мама на отца, отец на меня, я на кур... и так по кругу, а куры снова пакостят.

Мама отцу: «Что толку от твоей собаки, коли в огороде беспорядок?» Отец к Боцману – выручай, мол, брат!

На следующий день вечером встречаемся у калитки. Родители с работы, я со школы. Навстречу Боцман бежит, в глаза заглядывает, с радостью не в состоянии совладать. На него не похоже. Предчувствие нехорошее внутри. Проходим вглубь двора – и обомлели. Все курицы сложены рядом у злополучной дырки в заборе.

«Готовы?» — обратился отец к Боцману. «Готовы!» — подтвердил я.

По-видимому, Боцман отыскал злополучную щель в заборе и всех желающих беспрепятственно пропустил в огород. Зачем наказывать безвинных? Наверняка он так рассуждал. На выходе из огорода устроил засаду и передушил всех виноватых, без разбору. Выручил хозяина!

Отец, чтобы как-то оправдаться перед матерью и успокоить её, сгоряча выдернул черенок из метлы и огрел Боцмана по загривку. Мы испугались, когда увидели глаза Боцмана. Столько в них было недоумения и боли...

Отец тут же с извинениями, приласкать попытался и так и эдак. В ответ грозный и какой-то печальный рык. Весь вечер мы крутились возле нашего волка и всё бесполезно.

Забился в будку и ни звука. Ночью вышиб доску в заборе и ушёл. Никто его больше не встречал и не видел...

Волк! Он не научился прощать, не желает пристраиваться и лебезить. Он поверил и полюбил. Нет у него в запасе, чтобы снова поверить... И полюбить тоже нет. Потому и прёт за волчицу на флажки и под картечь. И каждый раз без вариантов.

Клиф

Прочитал на днях миниатюру – «Предательство» называется. Автор описывал такой случай. Однажды она (автор женщина) подобрала на улице бездомного котёнка. Отмыла, обласкала, хорошо кормила и очень привязалась к новому товарищу. Позволяла нежиться на кровати, чесала за ушком, шептала сказки перед сном. Котик быстро набирал домашнего лоска. Шерсть заблестела, бока округлились, и весь он стал походить на «чудо-умничку». Но однажды, вернувшись с работы, женщина не застала кота дома. Ушёл любимчик через открытую форточку. И чашки до краёв – одна с «Китикет», другая со сливками. «Как же он мог так поступить? – убивалась хозяйка. – Предатель! Сколько волка ни корми... Никогда бездомный бродяжка не станет преданным другом».

Вот такая история. И вывод – «Предатель»!

А я вспомнил свою. Как-то глубокой ночью нас разбудил жалобный детский плач. Я спал на полу в зале, с «волшебным» валиком под головой, выправляя свой шейный хондроз, будь он неладен. Если приучить себя к такому валику, то каждую ночь можно любоваться цветными снами. Для здоровья полезно и для души лекарство.

«Ну что, мать, — обращаюсь к жене, — видать, расстарался аист, принёс нам свёрточек, пойдём принимать подарок, что ли?»

Открываем входную дверь, а с верхней площадки под ноги катится что-то пушистое и кучерявое. Ступеньки оказались выше нашего гостя, и он кувырком, отталкиваясь всеми частями тель-

ца, прыгая как мячик под трогательное «вяк-вяк», подкатился и уткнулся головой в мои тапочки. Я не успел и глазом моргнуть, как он прошмыгнул мимо нас в квартиру. Заметался по комнатам, а когда попал в зал, нырнул под моё одеяло. Торчал только хвостик, слегка шевелился и подрагивал. Было видно, что малыш напуган и очень взволнован.

Я выключил свет, прилёг на валик, а через минуту почувствовал, как около уха шевельнулся и мгновенно затих тёплый комочек, напоминающий овчинную рукавичку. Какое-то время он ещё попискивал, толкал меня мокрым носиком, возмущённо урчал, в конце концов пригрелся и уснул. Утром я поднялся со здоровой шеей. От хондроза не осталось и следа.

А на кухне шла настоящая битва – гость понял, что принят в семью, и приступил к освоению территории. Муська успела ему навешать и не раз, но не тут-то было – парень оказался с характером. Ни шагу назад! Со слезами, визгом, с потешным «тяв-тяв» непокорный клубок бело-чёрного цвета, весь покрытый милыми колючками, пёр напролом.

На семейном совете мальчика решили оставить. В то время у нас был дом, а во дворе сторожили две настоящие дворняги – Малыш и Дружок. Где две – там и три. А зиму пусть поживёт в квартире. Так и порешили – до весны!

Помню, что назвали его Клифом в честь знаменитого Клинта Иствуда. Клинт не прижилось, а вот Клиф оказался в самый раз.

Наш Клиф был с крутым характером. На вид привлекательный, даже забавный, но только на вид. Белой масти с чёрными кольцами по кудрявой гриве, среднего роста, живой, умный, всегда в движении, но не пустозвон. Ни звука без причины!

Утром мы вставали раньше всех, на пару шли в гараж, выгоняли «прадика» и ехали на турбазу. Каждый день бегом десять километров лесом. Солнце зависало вровень с макушками, а мы бодренько бежали по узкой тропинке, пугая рябчиков и зайчишек. Лесные птицы сопровождали нас, перелетая с дерева на дерево. Гонялись за Клифом, дразнили меня и весело щебетали, радуясь восходящему солнцу. Мы с замиранием сердца наслаждались разноголосой симфонией леса и мечтали о вечной молодости.

Иногда бежали в компании с молодой привлекательной мамой и её сынишкой. Утром в лесу кого только ни встретишь...

Когда спускались в заросшую высокой травой балку, Клиф на секунду останавливался, как бы предвкушая полюбившийся ему манёвр, и тут же с разбегу нырял в росу. Минуты две валялся в мягкой траве, сбивая на себя тысячи прозрачных капель, скользил на брюхе, кувыркался и крутился волчком. Потом забегал с солнечной стороны и долго тряс кучерявой шевелюрой, разбрасывая мелкие капли. От него валил пар и рождалась радуга.

Незабываемая картина! А чтобы это повторилось вновь и вновь, мы вставали каждое утро, шли в гараж и ехали в наш лес с моим верным другом Клифом, потому что у нас характер!

Сохранились фотографии, где мы играли с ним в шахматы. Картина, я вам доложу! Спал он рядом со мной. Нет, не на кровати, но всегда на расстоянии вытянутой руки. Утром тащил с меня одеяло и напоминал о радуге.

Мои дворняги его не приняли, так что Клиф остался жить в квартире. Когда подрос и созрел для взрослых отношений, мы почувствовали, что значит «свободолюбивая личность». Клиф присмотрел для себя красивую невесту в соседнем гаражном кооперативе и «запел» у закрытой двери. Наотрез отказался от пищи, не отходил от порога ни днём ни ночью. Глаза печальные, а в них недоумение и вопрос: «За что вы со мной так? Я такой же человек, как и вы. Разница лишь в том, что я собака!» Пришлось уступить. Зашли мы с ним в сторожку знакомиться. Я объясняю мужикам: «Так, мол, и так, не прогоняйте – оправдаем доверие!»

В гаражном кооперативе дежурил пенсионер. Оказалось, что красавица в чёрных кудрях – Белка – его собачка. Мужчина успокоил меня: «Не волнуйтесь за своего сорванца – удержать под замком всё равно не удастся – я присмотрю за ним. Да и втроём нам куда веселей будет ночи коротать, нежели на пару».

Клиф стал пропадать из дома. Сначала на день, два. Дальше больше – неделями не появлялся. Ходили всей семьёй в гаражный кооператив проведать – подкармливали, приводили домой,

отмывали шампунем. Надеялись, что уgomонится. Ни в какую! Пару дней дома – и к двери.

Отличительной чертой его характера являлось полное неприятие чьих бы то ни было ласк. Мог и за палец цапнуть – меня в том числе – если забывался и лез к нему с сюсюканьем. Будто напоминал: «Хозяин, мы же мужчины. Завязывай, мол, с этими женскими штучками!»

Бывало, что сам заявлялся домой. Понимал, что по-настоящему его любят именно здесь. Молча терпел все процедуры с помывкой, с обёртыванием в банное полотенце, причитаниями, объятиями и всякой другой «женской чепухой».

Было заметно, что соскучился, что любит нас, но поделаться с собой ничего не может. «А эти ненавистные замки! Я задыхаюсь взаперти, под замком!» – говорили его глаза. Мы его понимали и принимали таким, каким он был. Это волшебное слово – Свобода! Он был рождён свободным, таковым и останется до конца!

Сутки обычно отсыпался, нежился на коврах, разрешал приласкать, поговорить с ним по душам. Три дня терпел, максимум!

Соседи к Клифу относились тепло – и они понимали его натуру. Сообщали нам, когда встречали нашего «бродягу» в городе, впускали в подъезд и звонили в дверь, крича в глазок: «Впустите мужчину в дом, не заставляйте понапрасну портить нервы».

Клиф стал привыкать к жизни среди своих собратьев. Бывало, встречу его на улице, он подбежит, тычется носом в руку, повизгивает, проводит до подъезда и всё. Посидим рядом на скамейке, повспоминаем нашу радугу – и в разные стороны. Он по своим делам, я по своим. Повзрослел и нас сумел успокоить: мол, не сердчайте и не волнуйтесь – я в порядке». Зимой всё его семейство каждый вечер ходили подкармливать. Клиф при встрече с нами нарезал круги по сугробам, радовался и хвастался, как ему хорошо живётся и как он рад, что мы не забываем о нём.

Наступила весна. Мы привыкли к тому, что наш Клиф вырос в серьёзного, самостоятельного пса, которому доверяли не простую работу. У него подрастали детишки. Такие же свободолюбивые натуры, как и их отец. Его Белка всегда была рядом – ни на шаг не отходила от своего Клифа. Жизнь удалась...

В середине апреле зазвонил телефон, и знакомый пенсионер из гаражного кооператива прохрипел в трубку: «С Клифом беда!»

Когда мы с женой примчались в гараж, Клифа на месте уже не было. Сторож рассказал, что минут десять, как тот исчез. Что тяжело ранен и, видать, ушёл помирать. Что далеко ему не уйти, так как весь в крови, а грудь пробита глубокими колотыми ранами.

Мы метались по гаражу, заглядывая в каждую щель, звали по имени, кричали, но всё было без толку.

И вдруг в щели между плитами я увидел его глаза. Столько боли, отчаяния, удивления рвалось наружу из дорогих мне глаз. Клиф совсем обессилел, он готовился умирать. Мы осторожно вытащили его из-под бетонных плит. Я мельком осмотрел раны и испугался, что мы опоздали. Крови не было, мышцы походили на обескровленное куриное мясо, выглядывали косточки и сухожилия. Мне показалось, что в глубине я разглядел его трепещущее сердечко. Что-то ещё пульсировало и сопротивлялось в его организме, не желая сдаваться. Мы обернули Клифа его же баннным полотенцем и рванули к знакомому хирургу.

Хирург штопал нашего Клифа около трёх часов. Бедный пёс не проронил ни звука. Ну кто мог поднять на него руку? Эх, люди! Что же с нами творится? Если б они попались мне под руку...

Дома, как за дитём малым, ухаживали всей семьёй. Только бы выжил! Весь в бинтах, но молчит, ни звука. И только во сне тихонько поскуливает – плачет бедняга от боли и, конечно, от обиды. За что?

Как раз в это самое время в городе появилась шайка воров-домушников. По ночам воры проникали в квартиры и безжалостно расправлялись с хозяевами. Кого травили из баллончиков, кого глушили железом прямо в кроватях, многих покалечили, многих перепугали до смерти.

Мою тещу спасло то, что она недослышала. Проснулась ночью от сквозняка, включила свет и обомлела – дверь на балкон и в коридор нараспашку. После этого случая попала в больницу

с сердечным приступом. Третий этаж! Потом свояк соорудил из квартиры натуральный сейф. Решётки, железная дверь, мудрёные замки, засовы. А грабежи продолжались...

Клифа через день возили на перевязку, уколы ставили сами и понемногу успокоились. Наш пёс шёл на поправку.

Как-то ночью мы проснулись от грозного рыка на кухне. Я удивился – Клиф молчал больше двух недель, а тут такое. Всё, думаю, швы однозначно расползутся. Выскакиваю на кухню и давай его отчитывать: «Что ты, дорогой, успокойся! Рано тебе на службу!» А сквозь бинты кровь проступила. Перевязали, прилащали, успокоили. И только потом я обратил внимание на окно. Что такое? Сетка сорвана, на подоконнике отпечатки чьих-то чужих грязных рук. Быстро сообразили – не будь Клифа в доме, могли и не проснуться. Утром под окнами обнаружили лестницу, сбитую на скорую руку из поддонов, примятую траву, а в палисаднике кусок арматуры.

Вот вам и беспризорник! Это я к тому, что не бывает среди «наших братьев меньших» предателей! Вопреки нашему пониманию есть свободолюбивые личности! Миролюбивые и преданные бродяги!

Мне думается, Клиф и на вилы пошёл только потому, что защищал кого-то из своих близких.

Эпилог

Клиф уже лет пять живёт на просторе. Подружился с моим знакомым художником Володей. Охраняет его землянку на берегу Ангары и сопровождает хозяина повсюду. Переманил к себе Белку. Живут дружно, душа в душу. Меня и жену встречает с распростёртыми лапами. Помнит! Я уважаю его выбор и в глубине души завидую. Свободная личность! Каждый раз, приближаясь к знакомой землянке, я люблю нашу с Клифом радугу.

Мы так привыкли, что всё живое на Земле обязано подчиняться и жить по нашим законам, что стали забывать главную истину – мы здесь не одни и мы здесь не главные...

Собачье сердце

В начале ноября в нашем подъезде появились новые жильцы, пожилая семейная пара. Мужчина носил милицейские штаны и форменную куртку без погон. Они переехали из Иркутска, оба пенсионеры. Мужчина почему-то не отвечал на приветствия. Я несколько раз поздоровался, потом махнул рукой: «Не хочешь – не надо».

Подъезд у нас дружный. С соседями, что называется, сроднились за столько-то лет. Многое друг о друге не со слов знали, многое пережили вместе. Если у кого какая нужда возникала, помогали сообща, чем могли. Хорошие люди подобрались, без выпендрежа.

Одна печаль – в последнее время квартиры в нашем городке (и не только в нашем) взялись скупать «земляки» из ближнего зарубежья. Сфера услуг, строительство, транспорт и много чего ещё прибрали к рукам их проворные родственники.

Наши, коренные – кто не убрался за Урал – в поисках работы всё дальше на север забираются. Живут и работают вахтовым методом, подальше от дома. Три месяца в тайге – три дома, с семьей. Жёны и дети сами по себе. Хорошо, у кого дедушка и бабушка рядом, помогут. А нет – ребятишек улица берёт в оборот так, что мало не покажется. А куда деваться? То-то и оно, что некуда. Вот и жмутся сибиряки к живительной трубе, как телятки к мамкиной сиське. Кто газовую обслуживает, кто нефтяную обихаживает.

Предприятия в городах не долго жить приказали. Специалисты деградируют: в грузчики подались, в продавцы да уборщицы. Надежда на возвращение к достойной работе тает с каждым днём.

Труба, скважина, прииск, лес... остатки мозгов – вот, пожалуй, и все активы, но и они тают с каждым днём. Грустно? За стариков обидно... стыдно перед ними.

Рекс появился вместе с новыми соседями. Овчарка. Деликатный, добродушный, любопытный и чересчур доверчивый пёс. На первых порах пенсионер в милицейских штанах выгуливал Рекса на длинном поводке, потом стал выпускать самостоятельно.

Дальше – больше. Рекс незаметно превратился в уличного пса. Мы частенько встречались с ним в гаражном кооперативе. Он сопровождал меня до дома, иногда протискивался в подъезд, забегал на второй этаж и останавливался напротив моей квартиры. Я давно заметил, что он не ровно дышит к нашей Джине. Он дожидался, пока я открою дверь и с интересом разглядывал красавицу Джину. Поначалу Джина с грозным рыком бросалась на него, но только поначалу... Такой уж у неё характер, плюс порода – американский стаффордширский терьер. Это вам не хухры-мухры!

Рекс кого-то ждал, о ком-то сильно тосковал. Мы встречали его то на рынке, то на автостанции, то на пустынном берегу Ангары. Сидит, бывало, сам по себе, смотрит на воду, смотрит. И только иногда подбежит к прохожему, вильнёт хвостом, в глаза заглянет, в ладошку ткнётся холодным носом и назад на своё место. Сидит и сидит ... часами. Мороз, метель, снег... он будто не замечает.

Подкармливали Рекса всем подъездом, но ел он мало – от случая к случаю. Засыпал, где ночь застанет. Никакой агрессии от него – сама доброта. Глаза только грустные. Возьмёт кусочек колбаски из рук и дальше побежал, не до разговоров, мол, опоздать боюсь. И потрусит в сторону автостанции.

На пятый этаж к пенсионеру забегал редко, трудно ему было в четырёх стенах находиться. Однажды захожу в подъезд, а он у почтовых ящиков поскуливает. Я присмотрелся – там конверт. Достал и Рексу протягиваю, а он хват – и наверх. Мне любопытно – я за ним. Смотрю, а он на площадке у двери растянулся,

конверт на передних лапах лежит, а он его подбородком прикрыл. На глазах слёзы и скулит... Плачет, что ли?

С того случая ещё сильнее затосковал. От еды наотрез отказался, таял с каждым днём, совсем растерялся пёс.

Я не выдержал и спросил у пенсионера: «Где хозяин собаки, жив ли, здоров и вернётся ли за Рексом?» Оказалось, хозяин Рекса их сын. «В командировке сынок, в горячей точке. Мы с матерью ждем не дождемся, сами извелись, сил нет».

Рекс с первой встречи мечтал подружиться с Джиной. Это я сразу понял. А она, за наши с ним приятельские отношения, ревновала его жутко. Пару раз прихватила в подъезде и устроила ему хорошую взбучку. Не оставила бедному юноше шансов на свою благосклонность.

Но не тут-то было – в ответ Рекс запел. По ночам у нашей двери он старательно выводил немыслимые собачьи серенады. Бедный пёс по уши влюбился в нашу стаффину!

По утру караулил нас у подъезда, сопровождал до озера и там, не обращая внимания на туманы и грозный рык Джины, гнул свою жениховскую линию. Встречал меня на улице, радостно таял, бодался крепким лбом и с надеждой кивал на наши окна, мол: «Джине привет и самые тёплые пожелания. Я не в обиде, всё понимаю, но поделать с собой ничего не могу». Я его понимал.

Но Джина – девочка серьёзная, все женихи от ворот поворот получили. Самым настырным накостыляла так, что на дальнейшие ухаживания всякий интерес потеряли.

Но кто их поймёт этих женщин? Сегодня нет, а завтра, смотришь, и поменялось настроение. Рекс оказался умнее, терпеливее и тактичнее своих соперников. Он даже кусочки колбасы, которые раньше терял по дороге или забывал, куда прятал, стал приберегать для Джины. А у той аппетит всегда был отменным. Нашёл умный пёс лазейку к сердцу обворожительной соседки.

В конце концов они совсем перестали ссориться. Джина ночи напролёт с нескрываемым удовольствием слушала серенады в исполнении Рекса. При встречах они бесились, как малые дети. Оба стали приветливы и веселы, оба оказались на пороге боль-

шой собачьей любви. Рекс пошёл на поправку: повеселел, шерсть заблестела, перестал отворачиваться от пищи.

И наконец настал день, когда из командировки вернулся его хозяин. Это был молодой капитан в полевой форме. Боевой офицер, командир разведки, добродушный, уставший парень.

Во двор въехал «уазик». Из машины вышли четверо военных в камуфляже. Рекс сидел у подъезда, а когда узнал своего хозяина, завизжал так, что Джина чуть было не вывалилась из окна второго этажа. Почуяла неладное, запаниковала – и давай метаться по квартире.

В тот же день Рекс уехал. Напоследок он долго смотрел на Джину, онемевшую от горя. Рекс тоже никак не мог сообразить, что ему делать со своим бедным сердцем, как поступить с возлюбленной? Он тихонько поскуливал – видать, просил хозяина помочь объясниться с Джиной. Не отрываясь смотрел и смотрел на наши окна. Прощался.

Потом прыгнул в открытую дверь «уазика» и примостился на коленях у офицера. Выбор сделан! Сунул нос под руку хозяину и заскулил, пряча слёзы счастья и несчастья в военный, пропахший родным духом камуфляж.

Теперь уже Джина отказалась от еды. Не отходила от окна, спала на полке у двери, подсакивала от любого шороха в подъезде, прислушиваясь к шагам на лестничной площадке. Она боялась не услышать, когда вернётся её Рекс. Всхлипывала во сне, а просыпалась в печали.

В это самое время мы решились на переезд в Иркутск. Собирались не один год, а тут как по заказу: и квартиру подобрали в новостройке, и на нашу покупатель нашёлся, и дети поддержали в нужный момент. Но самое интересное то, что и Джина поняла, что к чему. Ходила по пятам, бодала бархатной головой то одного, то другого, подгоняя в дорогу. Глаза её карие снова ожили и засветились девичьей радостью и надеждой. Наверняка она сумела передать весточку Рексу: так, мол, и так, встречай – еду!

Мало ли в наше время способов донести «собачью радость» до любимого? Предостаточно! Хорошо бы поселиться в одном доме... А лучше бы в одном подъезде!..

Сибирские нескладушки

Смех и грех

Жорка попытался пошевелить пальцами – сначала на руках, потом на ногах – ни в какую, будто простынями кто спеленал крепко-накрепко и придавил к стене другой стеной.

В щёку упиралось что-то твёрдое, сырое, холодное. Протяжное «мммыыы» загудело у виска. Нанесло тёплым перегаром, и тут же брызги слюны кучно царапнули в ухо. «Кхы... кхы... ооо-хо...» – глухо просочилось, будто сквозь пуховую подушку. Жорке так хотелось оттолкнуться, освободиться и полной грудью вдохнуть свежего воздуха. Но новая попытка принесла одни страдания.

Лицо тоже было расплющено – оно впечаталось во что-то колющее живое. Жорке показалось, что он сросся с этим мычащим существом – стал с ним чем-то единым, неотделимым. Это пугало ещё больше!

Сознание никак не могло протиснуться назад, на своё привычное место. Голова и тело были так сжаты, спрессованы, потрясены – казалось, пошевелись, и от распирающего внутреннего напряжения тут же разлетишься вдребезги, на мелкие осколки и лоскутки.

Наконец до Жорки дошло: «Блин, это ж Петька в меня впечатался... или я в него... Поохотились, растуды твою туды...»

Что-то шевельнулось под мышкой. «Ага, шараборится Петруха, значит, живой!» – обрадовался Жорка.

Жорка кое-как разлепил один глаз, другой упирался в волосатое и твёрдое. «Бровь Петрухина, – догадался он. – Блин, будто

локоть у лешего». Жорка икнул и начал потихоньку раздуваться, наливаясь нервным весельем.

«А это, видать, Петруха носом меня буравит в щёку». Жорка снова икнул и, не в силах сдержать хохот, затрясся в мелких конвульсиях.

В ответ послышалось страдальческое «мммммыуу». Тёплый перегар мягко окутал занемевшее лицо.

«Выходилась брага – приятно воняет из Петрухи». Жорка снова икнул и тут же ойкнул от боли в рёбрах. «Во попали! Не ровен час, объявится косолапый, тогда уж точно распеленат и понянчится за милу душу. Таких развлекух навывдумыват, век помнить будешь, не забудешь».

И только через пару часов друзей выручили из плена, осторожно отлепив друг от друга. Дядька Витя и Валера (его племяш) переплавились через речку и уже на месте сообразили, что к чему. А задачка оказалась не из простых. Пришлось спилить толстенную берёзу и только потом вызволить парней из «капкана», настроенного самой матушкой-природой для таких вот придурков. Да ещё подстраховаться – всё рассчитать, чтобы не придавить парней деревом.

А к вечеру, когда друзья кое-как очухались от пережитого, приняв под ушницу не по одному стаканчику «огненной водицы», дружно и наперебой взялись восстанавливать события минувшего дня. Пересказывали, хохотали до слёз, до коликов в боках, ползали на четвереньках вокруг костра, не в силах устоять на ватных ногах, валились на спины и ржали, не стыдясь слёз, выгоняя прочь остатки страха из мужицкого нутра.

«Это ж как вас угораздило петельку верёвочную сохатому на рога накинуть? – удивлялся дядя Витя. – Его перед тем надо было минут десять – пятнадцать кружить мотором на глубине, а верёвку хорошенько водичкой промочить, чтобы она на дно ушла после заброса. Потом, когда он башкой навертится, выпустить его из круга. А на пути под передние ноги петельку и подвести. Как почуяли, что петля копыта захлестнула, подсекай и притапливай телёнка. Повошкаться, конечно, придётся, не без этого. Он водички хлебнёт – и

готов, сразу ко дну... Ты его на буксире к берегу ещё тёпленького... и управляйся в своё удовольствие. Вода под рукой, ноги на твёрдом. Да и не стоило на этого мамонта зариться. С ним только мороки... и сам он на кусок скалы смахиват. Его не то что зубами – рядом не прошибить. А вы чо учудили? На быстрине – да ещё рядом с мелководьем – ему на рога верёвку накинули. Он только дно почуял, так и попёр к яру, пуще ракеты».

Жорка давай оправдываться: «Да мы его ещё на глубокой воде пытались веслом наверх по башке. Думали, наверх хорошоенько – и он наш. Петруха, вон, и топорик наготове держал. Радовались, что заарканили быка, будь он неладен».

Валерка из служивых – разведка. На Севере почти десять лет. Охотился, рыбачил, вместе с дядькой тайгу от разора оберегал. Сами лишнего не возьмут и другим не позволят. Отношения с местными сложились душевные, с якутами дружбу водил. С дядей Витей не разлей вода. И на охоту, и на рыбалку, да и так – для души – в тайге у костерка жизнь с разных сторон обмозговать, они всегда вместе.

«Будь человеком – и тайга вокруг тебя яблоневым садом зацветёт», — любил повторять якутскую народную поговорку дядя Витя.

Валера захмелел и рассудил так: «Мужики, да у него, у сохатого вашего, во лбу кость что броня на танке. Эти рогачи, когда во время гона друг дружку утюжат, медведи уважительно стороной обходят, о волках и говорить нечего. Смотреть страшно, когда два быка, каждый килограмм по шестьсот стальных мышц, друг друга со всего маха охаживают. А вы «веслом наверх». Осмелели с браги-то, коль на такого слона в рукопашную двинули».

Жорка потёр ушибленную спину, крикнул с досады, разлил по стаканам из фляжки «своего фирменного» и глубокомысленно предложил тост: «За вегетарианцев! – помедлив, торжественно добавил: – Уважаю людей принципиальных!».

Мужики переглянулись, понимающе хмыкнули, но тост подержали, дружно опрокинув стаканы с самогонкой до сухого доньшка.

Самогонку Жорка и Петруха гнали в полной секретности, в малых количествах и только «для особого случая». Конечно, не для таких, как этот, но и сегодня самогоночка пришлась как нельзя к месту.

По какому уж кругу компания восстанавливала хронологию сегодняшних событий – обсуждали детали, перебирали варианты.

Жорка поднял палец и подвёл итог: «Только давайте без «гы-гы-гы», а как на духу. Выговориться и баста – не вспоминать на людях без надобности. Ну, если только в воспитательных целях, для дураков городских – таких, как мы, к примеру. Хотя какие мы городские? С малых лет с ружьишком отцовским по лесу мотались. Да и какие в наших краях городские? Только мы и куролесим сдуру. Впредь нам наука!»

Жорка работал на прииске поваром, Петруха помогал ему при кухне. Дрова наколоть, воды поднести, картошку почистить, да и в поварском деле парень оказался расторопным учеником. Обходились одним поваром, где надо было держать двоих.

Три года минуло с того дня, как Петруху из-под завала достали. Пока восстанавливался после операции, его перевели на лёгкий труд. В бригаде парня уважали, но после травмы он не тянул по специальности. Домой ни в какую! Колено кое-как поджило – не до конца, правда, – но на кухне к нему без претензий. Наоборот, сплошные благодарности от начальства. Так и остался в «поварятах», хотя все блюда освоил на отлично. Зато в родном коллективе! Скромный парень, честный, трудолюбивый.

На прииске сухой закон! Тут никакой пощады ждать не приходится. Попался под хмельком – и всё, никаких предупреждений! Собирай манатки и на большую землю гулеванить. Вся зарплата на штраф! Без портков голышом уедешь. И как дома глаза показать при таком раскладе?

В «Договоре» чёрным по белому, жирным шрифтом, прописано: «Без денежного содержания... билет в один конец», чтоб без претензий.

Брагу Жорка с Петрухой ставили в двух солдатских термосах – в логу в густом ольшанике, подальше от посторонних глаз. Чужих тут и в помине... Рядом только прииск и воинская часть. Территория закрытая и со всех сторон охраняемая. Благодать!

Тайга, тундра, реки, озёра, зверушки – всё под охраной закона. И местные якуты зорко за порядком присматривают. Земли тут всё больше родовые, на вечные времена коренным народам переданы. Один хозяин на сотни вёрст. На родовой земле якут разора не допустит.

Дядя Витя на своих четырёх озёрах не то что рыбу ловить, он ни одной ондатры не добыл. Они у него ни выстрела не слыживали, ни сети, ни перемёта в глаза не выдывали. В мире первозданном живут, не нарадуются на хозяина своего. Не доверяет Север чужаку – лучше бы ему в этих местах вовсе не появляться.

Геологи только пакостят – они и гробят тундру. Тут ведь как: царапнул по моху киркой или лопатой – вот тебе и канавка с водой, а на будущий год в озерцо разрастётся. Тундра на мерзлоте, а мерзлота мхом метровым прикрыта. Чуть пошевелил мох, оголил поверхность – и потекла мерзлота вековая. Больно нежный край наша тундра. Её угробить за десяток лет – как два пальца... ума много не надо. А вот восстановить, заново возродить – миллионы лет понадобятся.

Сейчас, поди уж, и половины не осталось того, что при мне было. Много лет минуло с тех пор. Как там дяди Витины ондатры поживают? Живы ли озёра? Не растащили ли по заграницам земли родовые?..

Когда заканчивалось мясо на прииске, Жорке и Петрухе выписывали «котловую лицензию» на отстрел сохатого. Парни – коренные сибиряки, из охотничьих династий. Но Север – это вам не из дробовика по воронам. Здесь свои обычаи, тонкости и нюансы, здесь всё по-настоящему, как на передовой.

Встретился, к примеру, с медведем на таёжной тропке нос к носу – замри и глаза в землю, не дай Бог с ним взглядом обменяться. Вмиг кудри расчесет. Лучше ты ему всякую всячину пересказывай: анекдоты травы, сказки, истории разные. Лишь бы

не маячить перед ним немым истуканом, а сам наблюдай исподтишка. Если медведь на задних лапах стоит, а передние на груди крест-накрест пристроил, как бабы у колодца, и губу нижнюю треугольником отвесил, значит, есть у тебя шанс живым выбраться из передрыги. Угадал, значит, с рассказом – отвлѣк Мишку и кудри уберѣт.

Валерке тоже подфартило прошлым летом. Только в тот раз дядя Витя разговорчивей оказался – нѣс какую-то околесицу на якутском.

Валерке шепнул:

– Ты, племяш, только глаза не подымай, не смотри на него в открытую.

У Валерки карабин за спиной – не успеть сорвать. Он ремешок на прикладе отстегнул и давай колдовать, как бы стволами в мишку упереться.

Слышит, дядя Витя повеселел:

– Пошли, Валерка, утѣк медведь. У него своих забот полон рот, чтобы мои сказки слушать.

– А ты ему о чѣм так складно врал-то, дядя Витя? – поинтересовался Валера.

– Убей, не вспомню – автобиографию, может, пересказывал. Вот он и сжалился над нами, пробрало косолапого, – ѣжась от озноба, пробурчал старый охотник.

У медведя прыжок, с места, метров на шесть-семь – куда от него бежать? Ты за ним по следу, а он через пару сотен метров уже у тебя за спиной маячит. И кто тут дичь, а кто охотник? С медведем лучше на расстоянии дружить. В таком деле без местных обычаев лучше не соваться...

«Котловая лицензия» на руках. Жорка с Петрухой с вечера погрузили в лодку припасы и два пятилитровых штофа с брагой. Старенькую «дюральку» главный инженер прииска, Прокопий Степанович Жилкин, подарил друзьям в прошлом году по осени. Видавшая виды лодочка была ещѣ хоть куда. Мотор перебрали (практически новый установили), и она ожила – летела будто на крыльях.

Рано утречком отчалили в путь дорожку. Время вахты подходило к концу, а мясо надо было заготовить для новой смены. Холодильник должен быть заполнен до краёв. Таков порядок на приiske. И бражечку можно было попить на природе – отвести душу без оглядки на профком.

Шли по реке Алдан не спеша, любуясь первозданной красотой северной тайги. Вода прозрачная – ерша на трёхметровой глубине рассмотреть можно.

Волны хлётко шлёпали навстречу в побитые борта, весело подкидывая лодку на кочках. В такие минуты ощущаешь себя совсем даже не царём – скорей травинкой на перекате или муравьём на соломинке. Вокруг всё такое могучее, вечное, настоящее. И тебе, среди этого настоящего и вечного, тоже хочется жить вечно и по-настоящему. Жить здесь, в этом суровом правдивом краю, и нигде боле.

Планировали к полудню выйти к речке Мая, свернуть в протоку и за вторым изгибом в стареньком, но крепком зимовье обустроиться на ночлег. Погода как по заказу, настроение боевое, брага доспела, получка на носу! Планов насочиняли!

Решили: отдохнём в этот раз под крымским солнышком! Оба холостые, в силе и годах крепких. А главное, парни толковые – с головой, не пустомели какие-то. И поработать, и отдохнуть – только предложи...

Вот с таким душевным настроем и катили друзья к заветному зимовью, наслаждаясь возможностью побыть один на один с Севером.

Метрах в пятистах по правому борту показался знакомый яр, слева голубоватым лениво дымился костёр, рядом с костром – носом на сухом – знакомая лодка дяди Вити. Видать, присматривают охотники за порядком, следят, чтобы кто чужой не сунулся на их озёра.

Тут ведь как – если ты в чужую сеть залез и вынул пару-тройку щук для уха, тебя никто не тронет. Пользуйся, коль надо. Но если ты сети снял (по привычке) и по натуре своей пакостной

нехорошим человеком оказался, то не обессудь. Притопят тебя хитрого в тех сетях у тёмного улова и глазом не моргнут.

А когда участковый убедится, что ты под сеткой разбух, он всё поймёт. ВОР! В протоколе пропишет: «Несчастный случай на воде».

Территории огромные, а народу с гулькин нос. Чужаку не укрыться – чужак всегда на виду. И каждый его шаг под присмотром – известен за сотни километров. Где ночевал, с кем «огненную воду» пил, о чём говорил, куда путь держал и что за пазухой прячет. Сорока на хвосте несёт, предупреждает.

Жорка, заметив Валерку, сорвал с головы кепку и, широко размахивая, прокричал: «Вечером к нашему шалашу... ждём к чаю... вечером». Стрёкот мотора, шелест кипящей за кормой воды, встречный ветер в лицо обрывали края слов, превращая их в разноцветные лоскутки газовых косынок. Они цеплялись за лицо, затыкали глотку, коверкали гласные. Лоскутки взмывали ввысь и превращались в воздушного змея, который эхом метался от сопки к сопке.

«Уху сварганим... брага поспела...» — второй змей-близнец метнулся вслед за первым.

«Добро... бражку не забудь ... в ключе охлади...» — третий змей перемахнул реку и устремился к яру.

Ага, а вот устье речки Мая. И тут, откуда ни возьмись, вывернулся сохатый – и сходу упёрся рогами в борт лодки. Жорка от неожиданности опешил и приглушил мотор, потом давай заводить, но момент упустил.

Петруха веслом размахивает. Потом спохватился – схватил верёвку, что на носу через скобу закреплена, соорудил аркан и взялся примеряться к рогам, чтобы наверняка. И подгадал ведь момент! С первого заброса верёвка рога аккуратно под корень захлестнула.

Обрадовались друзья – нет, чтоб ружьишко по назначению использовать, так они вёслами... и орать... Рога у сохатого что куст черёмухи – горизонт закрывают. Был момент, чтобы верёвку топориком отсечь, упустили и его. Оба в хохот... на нервной почве. Топочут, шуму наделали... Сохатый, видать, сообразил, что

с дураками встретился и успокоился. Прикидывает, что к чему, время тянет и момент выжидает, чтобы тоже наверняка...

На берегу дядя Витя с Валеркой ладошки козырьком пристроили, наблюдают... Предчувствие у зрителей поганое. Лодку к косе сносит, а там мель, зайцу по я...цы. Так и вышло. Сохатый копытом дно зацепил, всеми ногами упёрся и попёр к берегу. С этого момента и началось представление...

Лодка без мотора пуще, чем с мотором, полетела. Мужики хорохорятся, арканом как вожжами править пытаются, ржут... Видать, напоследок о японских камикадзе вспомнили. Под водой не зверь – торпеда обороты набирает.

А когда чёрный исполин, будто батька Черномор – во всей своей красе, – показался из воды, тут уж стало не до смеха. Такого «мамонта» и коренной житель, дядя Витя, не вспомнил, когда встречал последний раз.

«Петруха, ё... ё... руби верёвку... он нас в преисподнюю упрёт, и глазом не моргнёт!» — орал Жорка, путаясь в матерных словах и мыслях.

Лодка винтом, как плугом, пропахала береговую линию. Старенькая дюралька задрезжала от напряжения и начала плестись заклёпками. Они отлетали, как пуговицы с рубашек у старшеклассников во время потасовки. Скрежет... хлопок – и корма вместе с мотором, как первая ступень межконтинентальной ракеты, отлетела прочь.

«Чисто срезало, как «болгаркой» отхватило», – успел отметить Жорка.

Сохатый набирал ходу. Видать, решил согреться после купания, а заодно и покатать двух придурков. Мох не хуже воды скользил. Ход мягкий – ни кочек, ни шуму.

В две секунды, не сбавляя оборотов, сохатый вынес лодку на высокий яр, к самому небу. Блеснув на закатном солнышке, дюралевый борт лодки напомнил крыло Ан-24. А пушистая тучка, недолго думая, устроилась на ветвистых рогах. Светопреставление!

Сохатый не медля, «намётом» устремился по крутому склону вниз в глубокую тёмную балку.

«Не заблудимся – тот ещё проводник!» – орал Жорка, хохоча сквозь слёзы.

«Пальцы с борта убери – махом срежет!» – орал в ответ Петруха.

Как бы сложилась судьба друзей, если бы сохатый выбрал другое направление – страшно подумать. На их счастье дорогу перегородили две берёзы-близняшки по полуметру в обхвате, со стороны на большую рогатку похожие. Через эту самую рогатку и сиганул сохатый. Рогами бересту как карточью простриг. А лодка со всей дури меж берёз, будто через бельевые валики в стиральной машинке «Белка», просочилась. Не вся, только до половины успела – Жорка с Петрухой на пути оказались, помешали. Застряли друзья между берёзок, саданув друг друга лбами так, что дух из них вылетел. Так стоймя и замерли, сплющенные, слипшиеся, без признаков к оживлению.

Та часть лодки, что с хрустом проскочила, стала похожа на раскатанное тесто для пельменей.

Верёвка на рогах сохатого треснула, как выстрел «мелкашки», а рогач и виду не подал, что испытал какие-то неудобства. В два прыжка достиг балочки, а через минуту взмыл на соседнюю сопку – и был таков.

А над тайгой ещё долго слышался его раскатистый хохот... Но об этом друзьям говорить не стали. Зачем лишний раз нервировать парней? И так хватило по полной. Смех с ними и грех... с Жоркой этим и другом его закадычным Петрухой...

На рыбалке

Который день Михалычу не давала покоя озабоченность президента коррупцией в верхних эшелонах власти. Он ясно представлял, как вездесущая коррупция разъедает эти самые эшелоны, ослабляет сцепки вагонов-реформ, проникает с грязью в тормозные бусы колёс экономики, замедляя «полёт впредь» литературного российской демократии.

На языке вертелись слова песни: «Мой паровоз, вперёд лети, в коммуне остановка... в руках у нас винтовка...»

Михалыч смачно плюнул на жирного червя, извивающегося на кованом крючке, и ловко забросил снасть на зеркало между широкими листьями спящих кувшинок.

Утро выдалось на загляденье. Это таёжное озерцо он любил с детства. Михалыч вспомнил, как в детстве с дедом Иваном они, бывало, забирались сюда на недельку-другую поудить окуней. От Куйтуна по просёлочной дороге на бортовом ГАЗ-51 часа два езды. В кузове были установлены широкие скамейки, народ садился спиной вперёд, дышали друг другу в затылок. Если перед вами упитанная тётя, то её исключительные достоинства по-хозяйски размещались между вашими коленками.

Машина не спеша переваливалась по накатанной колее, а минут через пятнадцать – двадцать все становились как давние знакомые. Быстро выясняли кто кому кем приходился и всё – бесконечные расспросы, рассказы, воспоминания, шутки, смех и обязательно песни.

По дороге проезжали несколько таёжных деревушек. Встречали собаки и поросята. Гусей, уток, куриц, индюков я не беру во внимание. Собаки тоже для порядка брехали. Все сытые, осевевшие и без ума от человека. Коровы, овцы, козы с пастухом на лугу, на глаза не лезут.

Свины! Вот кто вольно гулял по деревне, кемаря в тёплых глубоких лужах, заполняющих дорожную колею. Смахивающие на гиппопотамов огромные кабаны и величавые меланхоличные хавроньи, со своими очаровательными детишками, преграждали проезд через деревню. Сейчас такую картину не увидишь. Измельчала деревня, разорилась.

А тогда люди забывали, сколько у них живности, а живность путала дворы. Шагает, бывало, коровушка куда ближе, только бы скорей подоили. Сытно жили, в достатке.

К озеру добирались за полдень. Ставили шалаш на скорую руку, подтаскивали дров, разводили костёр пили чай с жимолостью. Ягоды так много было, что для потехи её ртом рвали... Горьковатая, на виноград похожая. Пальцами дотронешься – она

лопается, от сока не отмоешься. Чай получался душистый с непередаваемым вкусом и ароматом.

До вечера наслаждались тишиной и единением с природой. Когда темнело, лес собирался у костра тесным кружком. На ночь подкладывали пару колодин в костёр, а после чая вприкуску с поджаренным кусочком сала, уложенным на краюху чёрного хлеба, незаметно засыпали в обнимку со своими мечтами и грёзами.

Утром дедушка будил, когда чай уже был разлит по кружкам, а лес ещё всюю спал.

Выходили затемно. Дедуля отталкивался длинным шестом, а внучок (Михалыч) сидел на носу лодки и ёжился от тумана. Подплывали к краю зелёного ковра и бросали якорь.

Как только первые лучи касались кромки зелёного ковра, тот оживал. На глазах половина озера покрывалась снегом. Белые кувшинки с треском раскрывали крепкие бутоны, приветствуя белоснежным молодое солнышко. Тут уж не до рыбалки. Сиди наблюдай за таинством. Пошевелиться боишься.

С другой стороны из тумана выплывала мельница. Откуда она здесь взялась? Кто построил? Когда? Старожилы говорили: «Всегда была...» Ни одно бревно не подгнило – стоит себе, будто из сказки перенесли. Рассказывали, что из области учёные приезжали поглядеть. Затылки в кровь исцарапали, плечами пожимали – и назад, в область. «Мистика!» – один так сказал.

Вокруг тайга, тишина. Рыбачат только местные. Одна, две лодки – никто не шумит, громко не говорит. Так, чуть-чуть, от избытка чувств. Ни мусора, ни порубок, берегут своё озеро.

Когда солнышко пригревает, озеро синее, и оттуда – из глубины – на тебя кто-то смотрит. Михалыч припомнил, как интересовался у деда: «Кто это, дед?» Дед улыбался и прикладывал палец к губам: «Рано тебе знать! Ты запомни... подрастёшь, сам разберёшься что к чему».

Окунь в этой глухомани не пуганный. Скорей, наоборот, жадный, бесшабашный и весь как на подбор – в две ладошки в хватке.

Удилище в дугу, леса звенит и со скрипом режет жирную воду, когда такой вот красавец на лету хватает червяка и с ходу

пытается разогнуть крючок. И разгибает. Сейчас эти крючки ох как внимательно выбирать надо. На вид все хороши, а чуть надавил пальцем – он, что медная проволока, распрямляется. Сыромятина, одним словом.

И тут коррупция! Её загребушая рука проникает в святая святых, на рыбалку. Туда, где положительная энергетика и без нервов. Будь они неладны – хапуги и жулики из верхних эшелонов!

В удилище ударило так, что от лодки круги побежали в разные стороны. «Ух ты... подкараулил... хитрый Митрий! Ну уж нет – от меня так просто не отделаешься, со мной на «вы» надобно. Я твоего деда помню, по имени отчеству, а ты меня на мякине провести?»

Бормоча разные глупости, Михалыч, не спеша, но в натяг, выводил сильную рыбу ближе и ближе к лодке. Наконец показалась тёмная спинка с оттопыренным плавником. «Только слаби-ну не дать... рванёт – и был таков... Губу не пожалеет, оставит на память... так-так...» – подсак ловко захватил окуня, и тому ничего не оставалось, как плюхнуться на дно лодки.

«Уффф! Есть такое дело! С почином, значит... Будем знакомы, уважаемый, али как?» – хмыкнул Михалыч, с удовольствием разглядывая здорового окуня.

И тут началось светопреставление! Рыбина ловко перевернулась на брюхо и с брезгливой гримасой выплюнула крючок вместе с извивающимся червяком. «Что ж, знакомиться так знакомиться!» – окунь подмигнул левым глазом.

Михалыч вытаращил глаза и поперхнулся сигаркой. Потом машинально потянулся к фляжке с «Махитой». Так на испанский манер он назвал свой фирменный напиток. Самогон был приготовлен из натурального сырья по традиционным славянским рецептам. Очищен древесным углём и марганцовкой, настоян на травах с добавлением цитрусовых и мяты. Кто хоть раз испробовал этот напиток, тот навсегда отказался от «химической» водки. Тут, как говорится, без вариантов – и здоровье, и мозги, и мужская сила. В общем, благодарный организм не нарадуется на своего хозяина.

— Погоди ты со своей «Махитой». Я без воды пару минут – и хвост откину. Давай потолкуем по душам. Только прежде ты меня в ведёрко опусти с родной водичкой. Совсем ошалел, как я погляжу.

— Нет, ну ты сама-то...

— Сам, Михалыч, сам – самец я, — перебил окунь.

— Ну и ладно, так-то оно проще. Я, что, каждый день с рыбами речи президента обсуждаю, что ли? Тут голова кругом идёт: с одной стороны, коррупция в верхних эшелонах покою не даёт, с другой – окунь говорящий мозги прочищает. Мне бы на рыбалке расслабиться, отдохнуть, а я стрессы переживаю, да ещё не стандартные.

— Я потому и пришёл к тебе с крючком в плавнике, чтобы растолковать кое-что для твоей же пользы. Слушай и запоминай, Михалыч. Ты, наверно, думаешь, мы тут такие бестолковые, что лезем на твой вонючий крючок просто так, безо всякого разбору?

Михалыч растерянно потёр переносицу и развёл в стороны руки:

— Да хрен его знает, чо тебе на это ответить.

Окунь усмехнулся:

— Да ты не парься, Михалыч, у нас тоже с этой коррупцией поначалу мороки было – хоть в тот же телевизор кричи о помощи. А потом сообща решили так: попал с воровством или обидел кого – и всё, будь любезен на крючок – хоть к Михалычу! Вот и пусть решает человек с удочкой, что с тобой делать. И молодых отправляем, и старых, и сестёр, и братьев... Тут не заграница. Это там всё больше для баловства рыбачат, а у нас – сам знаешь – всех без разбору на сковородку. Жесть, конечно, но зато в наших водах появился «инструмент» надёжный. А благодаря ему и клёв на червяка сошёл на нет. Надо постараться и с мушками, и с прочей чепухой, чтобы на ушицу разжиться. Мы не претендуем на антикоррупционную программу в масштабах государства. Это хорошо работает у нас, в тайге, подальше от цивилизаций окаянных. У нас и Царь-рыба своя, и традиции опять же блюдём неукоснительно, да и живём по законам Божьим. Для детей, внуков, правнуков стараемся. На многие поколения планируем и

красоту, и припасы сохранить для счастливой сытой жизни. У меня к тебе такое предложение и поручение одновременно от нашего таёжного братства. Передай вашему президенту и в эшелоны, которые верхние: «Не рвите вы Землю-матушку на куски, не уничтожайте леса, моря, реки, не перекрашивайте небо из голубого в серый. Это для начала. А кто не согласен, того заместо червяка – и к нам для... разговора по душам». Понял, Михалыч, о чём речь?

Михалыч, пока суть да дело, отхлебнул добрый глоток из армейской фляжки и малость «протрезвел». Смелость горячей волной разлилась по организму.

— А вот возьму и посажу тебя на кукан, умник нашёлся на мою голову!

Окунь криво усмехнулся:

— Пить вам надо бросать, люди добрые! Тогда ещё надежда остаётся, что найдём с вами общий язык. А если ещё раз лично ты, Михалыч, с мутными «шарами» на озеро явишься, сам на крючке повиснешь. Герой выискался – на кукан он посадит! Держись крепче, чтоб раньше времени на корм не угодить!

Предупредив, окунь тонко свистнул – и вмиг лодка накренилась на один борт. Михалыч глянул в тёмную воду и обомлел. Из глубины, одна за другой, выплыли огромные щуки. Они барражировали вокруг лодки и легонько задевали днище мощными спинами. Лодка вертелась на месте, как бумажный кораблик.

Вдобавок по днищу проскребли чем-то металлическим – и тут же показалась огромная осетриха. Стальной панцирь переливался золотом, холодный глаз, не мигая, уставился на рыбака...

Михалыч ощутил, как ознобом сморщило спину, он прохрипел, не слыша себя: «Этто она?».

— Она, Михалыч, она – наша Царь-рыба собственной персоной, – подтвердил окунь.

Михалыч бережно достал окуня из ведра и также бережно опустил в тёплую воду за бортом. Успел только спросить на прощание:

— А тебя-то как звать-величать, дружище?

Окунь прошёл вокруг лодки, развернулся, очертив плавником замкнутый круг, потом приподнял голову и отчеканил:

— Царевичем рождён! Это вроде вашего премьера.

Мощно ударил хвостом рядом с лодкой, окатив рыбака с головы до ног чистой водицей, и ушёл на глубину.

Михалыч открыл глаза, тряхнул тяжёлой головой, улыбнулся на тлеющий костёр и принялся гоношить душистый чифирок.

«Сегодня ни капли в рот! Хорош! На рыбалке стрессы – последнее дело».

Знакомый свист прорезал утренний туман. По спине пробежали мурашки. Но Михалыч решительно оттолкнулся от высокой кочки и поплыл для разговора. Он был готов! С коррупцией надо кончать во что бы то ни стало – раз и навсегда! Президент взывает о помощи. Наш президент! Каждый обязан откликнуться!

«Тааак... а черви-то на месте? Всё в порядке! Вот же они – под рукой...»

Божьи твари

Червяк ловко вывернулся из Серёгиных рук, проскользнул меж пальцев, обвил крючок и с неожиданной силой оттолкнул руку в сторону. Серый опешил, малость замешкался и со всего маха всадил остриё жала в указательный палец. От досады заныло под ложечкой. Он взвыл, чертыхаясь от боли: «Блин, что за черви у Михалыча? Хребет у них будто из стальной пружины. Эспандер кистевой в солидоле, а не червяк дождевой. Мясом он их кормит, что ли? С гвоздем легче управиться, чем с этими злодеями. Что бы ни касалось моего друга, однозначно, готовься к сюрпризам. Вредная натура у Михалыча, ох и вредная. Светла же судьба! То ли на радость, то ли испытывает в условиях, приближённых к боевым? Уверен, что на радость. Но коленкоры выкидывает, равных ему нет, тут уж, как говорится, держи ухо востро. Вот и сейчас, что за хрень, я извиняюсь, происходит с этими червями? И предчувствие с утра поганое. За колодину

запнулся, чаем рот ошпарил, шкура с нёба лафтами слазит. И чо тут ждять? К чему готовиться?»

Серёга вытарашился на палец... Червяк на него...

— Ну и чо ты зенки пялишь? – он трижды плюнул в наглую морду червяка. – Сейчас полетишь с рыбками в догонялки соревноваться, там и применяй своё проворство. Можешь их прям через борт в лодку подсаживать, я только рад буду.

Серый старался подбодрить себя, раззадорить, но выходило хило. Тревога нарастала и нарастала. Он зло посмотрел на червяка: «Совсем обнаглел! Прищурился ещё, будто не я, а ты тут рыбалку настраиваешь».

Потом повернулся к другу и окликнул:

— Михалыч, чо за дела? Ты кого мне подсунил? Это ж змеи ползучие, а не черви.

И тут, ни с того ни с сего, удилище выпало из рук и покати-лось по борту лодки. Леска натянулась, и крючок ещё глубже вон-зился в указательный палец. Серый взвыл:

— Да что ж это за напасть такая! Эх, надо было поморить этого гада ползучего голодом пару дней, сбить с него прыть. Так нет же, всё бегом да бегом. Намучаюсь ещё с этими землерой-ками, как пить дать, намучаюсь. Во наглец! Надо палец дальше дырывать, жало наружу выталкивать – так не добыть, только на-мачешься. Гарпун в себя всадил, едрёна вошь, во попал! Миха-лыч, ну ты чо молчишь-то? На кой ты их мне не пожалел-то? Не молчи, Михалыч!

Странное дело, Михалыч даже не шевельнулся. Он сидел на носу лодки и внимательно следил за поплавком, неподвижно за-стывшим у границы зелёного ковра кувшинок. Наступил тот мо-мент на зорьке, когда вот-вот клюнет первый окунь. Самый ран-ний, голодный... долгожданный! Потянет пробковый поплавок с гусиным пером вниз, на глубину, и тут же утопит, резко рванув на себя. После подсечки леска, под нажимом сильной рыбы, разри-сует водяную гладь таёжного озера замысловатым узором. И с этого момента начнётся...

Знакомая с детства картина, но, как ни старайся, двух оди-наковых не припомнить. Каждый раз что-то новое, неповтори-

мое. Каждая зорька как первая, как единственная. Тут уж не до земных проблем. Рыбалка – дело святое и сугубо интимное. Азарт!

Серёга тем временем пытался проткнуть кожу на пальце изнутри и освободиться от проклятого крючка. Кусачки из Танюхиного маникюрного набора всегда под рукой. И в этот момент Серый почувствовал, что творится что-то неладное, совсем даже против его воли.

Остриё крючка вдруг заскользило внутри пальца – дальше и дальше – к локтю, к плечу, с треском дырявя живую ткань, прошло рядом с лопаткой, царапнув рёбра и позвонки. Наконец порвало кожу в районе копчика, выскочив наружу. Страх и боль сковали тело. Серёга напрягся изо всех сил, пытаясь противостоять невидимой опасности. А «опасность» развернула его к себе лицом и, ухмыляясь отвратительной пастью, зашипела, брызгая слюной:

— Ну, шшштооо, Серый, непривычно оказаться по другую сторону удилица? Иди-ка сюда... я плюну тебе в лицо, для порядка, и заброшу воооон на то зеркальце. Там тебя щучка заждалась. Ох и насладишься ты сегодня подводной экзотикой!

Серёга с ужасом разглядывал огромного червя, сидящего в лодке на его месте и держащего два удилица. На втором, таким же макаронным насаженным на крючок, болтался его друг и товарищ Михалыч. Крюк вошёл Михалычу в шею, а выскочил так же, как и у него, в районе копчика.

— Михалыч, ты как?

— Отдыхаю Серый. Тебе же сказали: экзотика! Так что наслаждайся... На всё Божья воля.

Серёга не поверил своим ушам:

— Ты кого городишь, Михалыч, какой нах...р наслаждайся? Мне на тебя смотреть тошно. Ты где этих чертей накопал? Это прикол какой или наша судьба отвлеклась... и оставила нас с этими гадами с глазу на глаз?

— Слушать надо старших и вовремя просьбы исполнять, тогда и сюрпризы стороной... – грустно напомнил Михалыч.

— Ты о воблерах, что ли?

Смачный плевок – и Серёгино лицо залипла густая червяковая слюна.

В следующий момент он расслышал ехидное: «Ловись рыбка большая и маленькая... хи... хи... хи».

К своему удивлению, бывалый рыбак уловил нотки азарта в голосе, казалось бы, равнодушного до рыбалки существа.

«Чёрт ползучий, а туда же, порыбалить надумал. Мужик он и среди червяков рыбаком оказаться может. Да нам-то с Михалычем какой с того прок? Скормит рыбам, как пить дать, скормит».

Пока летел до зеркальца, понял, что превратился в живца, что судьба его крепко-накрепко сплелась с чокнутым червяком и с рыбами, которые с нетерпением поджидают под водной гладью любимого озера...

«Неужто всё, конец? Закончу жизнь в расцвете сил придурком на своём крючке? Стоп! Кажись, Михалыч зовёт? В следующий раз, когда нас вытянут из воды, надо постараться услышать друга».

Серый молил Бога, чтобы червяк сумел удачно забросить настрой. Так, чтобы плюхнуться на воду, а не изувечиться о крепкий лист кувшинки или, не коснувшись воды, оказаться болтающимся в воздухе. Так и порваться немудрено или на части разлететься. Но червяк оказался ловким хлопцем, во всяком случае у него получилось попасть туда, куда он хотел.

Под водой Серый мотал головой и до боли напрягал глаза, ища Михалыча. Но то ли вода была мутной, то ли света недостаточно... Муть и жуткие тени. Зато тут как тут огромные рыбыны. Хотя какие они огромные, если бы Серёга был в своих привычных размерах. Но для живца картина складывалась очень даже незавидная.

«Хорошо хоть, и одежда уменьшилась до моих размеров. Мистика! Обглодали бы мои косточки рыбки золотые». Брезентовая куртка, штаны и бредни надёжно защищали от мелких и острых зубов пескарей и гольянов. «А вот и окунь, растудить твою тудыть, собственной персоной. Сейчас отхватит кусок – и конец моим мучениям».

И вдруг голос Михалыча:

— Изловчись, Серёга, развернись к нему крюком. А когда он приблизится, коли его в морду раньше, чем хватанёт тебя. Нож достань из ножен... и коли его... коли в глаз... в губу... коли... не сдавайся, Серый!

Что там под водой происходило, Серёга мало что запомнил, но вскоре его снова подняли наверх. Удилище, где живцом был Михалыч, тоже лежало рядом. Друзья переглянулись...

Михалыч бодрым голосом посоветовал:

— В следующий раз под водой не бойся, дыши свободно. Что-то с нами произошло – мы можем обходиться без воздуха, блин, как ихтиандры. Так вот, цепляй крючок за камень, корягу ли, стебель кувшинки. Червяк привязал китайские крючки, а они не калёные, махом разогнутся. Только потом угадай, где соскользнуть удобней. Лучше, конечно, на берег или хотя бы в лодку. В воде нас рыбы слопают и спасибо не скажут. Давай, держись, Серёга! Будет у нас с тобой причина погулять на законном основании, если всё получится. И молись! Ох как молись!

В следующую секунду Серёга уже летел над озером. Стрекоза неожиданно появилась со стороны мельницы и больно лягнула в живот. На берегу он успел разглядеть необычную публику: кузнечики, бабочки, мотыльки, бормаш(и) — все они казались огромными и толпились у кромки воды, указывая на него лапками, крылышками и усами.

«Это ж мои наживки на каждый день! Тогда понятно... за них пытаются. Выходит, сам накосячил». Он вспомнил, как Михалыч раз десять просил: «Серёга, зайди на сайт «Каталог воблеров», закажи по списку». И даже ссылку дал на сайт. «А я как всегда – потом да потом. Вот тебе и потом!» Червяк приостановил полёт живца и подтянул Серёгу к своей морде. Разинул широкую пасть, окаймлённую ярко-красными губами и прошипел, раздуваясь, как кобра перед броском:

— Ты бы повнимательней относился к советам своего товарища, а то привык по старинке – всё, что под руку попало, то и на крюк. Ты нашего брата без малого лет двадцать мучаешь, скотина. Самому-то понравилось? С жизнью поди распрощался.

Серёга аж прослезился. Он что-то мычал в оправдание, но под суровым взглядом червяка прикусил губу и замолк.

На прощание червяк равнодушно прошипел в самое ухо:

— Освободишься – живи. Нет – ступай к рыбам на корм. Мои братья натерпелись от тебя – хуже некуда. Стольких божьих тварей извёл, подумать страшно. Никакой к тебе жалости и в помине...

Червяк широко отвёл удилищем назад и с силой метнул Серёгу в самую гущу кувшинок.

Пора! Серёга изловчился и скинул брезентовую куртку, оголив грудь и правую руку. Левую рванул так, что кожа затрещала и начала расползаться на неровные лоскутки. Изуродованная рука оказалась свободной. Он ещё в воздухе сумел подтянуть тело вниз и сгруппироваться. И сейчас, упёршись ногами в изгиб крюка, – из последних сил, с диким воем – Серый оттолкнулся от крюка и... полетел, теряя сознание от боли...

— Ты чо творишь, змей окаянный! Совсем рехнулся! Лягаться вздумал!

Серёга разлепил глаза и, всё ещё поскуливая, вытаращился на перепуганную Танюху. Его трясло как в лихорадке.

— А? Чо? Где? А этот?.. Фу ты, блин! Танька, ты? Ооо...ёооо... живой!

Серёга ошалело зыркал по сторонам, а проснувшись окончательно, перво-наперво потянулся к телефону.

— Ты куда звонить собрался? В психушку? Тогда добро пожаловать! Три часа ночи!

Серёга махнул на неё:

— Молчи, Танюха, молчи! Мне узнать... срочно – всплыл Михалыч или того... не всплыл...

— Ты ополоумел, ли чо? Он тебе с вечера звонил, про «вомм-мблеров» каких-то спрашивал. Да ты уж спать улёгся после пивка своего, будь оно неладно! Насос глубинный «Агидель» с тобой не сравнится. Прибила бы!

— Чего разоряешься? Когда я лишнего позволял? Так, пару баночек под футбол и точка. Я ж кремень, Танюха!

Серёга уже сообразил, что к чему, тихонько успокаивался от пережитого и возвращался в привычное русло.

И жену свою Танюху уже воспринимал, как и положено воспринимать бабу в тонкой сбившейся выше коленок ночнушке.

Танюха, заметив знакомый блеск в глазах мужа, кокетливо фыркнула подобрев:

— Оооо, кобель... Только что тонул и захлёбывался, а пяти минут не прошло – туда же...

— Щас, Танюха, потерпи минутку, я только заявочку оформлю.

Танюха прыснула в край покрывала и легонько стукнула мужа по спине.

— Отстань, а... Мне на работу спозаранку. С рыбалкой своей обнимайся... Всё, я сплю... Правда, Серёжка, не приставай, дай выспаться!

— Вот всегда так – мужик, считай, с того света возвернулся, а она «не приставай». Так и быть, спи... я сегодня добрый.

Танюшка икнула, сдерживая хохот и затихла.

«Уфффф... Ну дела... Шабаш! Никакой рыбалки без воблеров! А Михалыч-то за что пострадал?»

И тут... в наступившей тишине знакомый голос, с прищипом:

— В одной лодке сколь годов промышляете, значит, в ответе друг за друга! Понял, Серый?

— Ох и понял, уважаемый... на всю оставшуюся жизнь зарубки останутся. Не сумлевайся, червячок дорогой. Видишь, я со списочком работаю. Обещаю, всё будет тип-топ. Ты только не того... ну ты понял... не испытывай нас с Михалычем боле...

— Посмотрим! А ты не молчи – делись со своими товарищами передовым опытом братьев-рыбаков. Просвещай, так сказать! Ну всё, прощевай покуда.

— Прощай, червячок дорогой! Навсегда прощай!

«Таааак... Где тут списочек от Михалыча? Ага, вот он:

— искусственные приманки Berkley,

— мормышки,

— прикормки и аттрактанты,

— силиконовые приманки.

А вот и воблеры. Так-так, ага, вот и отмеченные... Выписываю!»

Серый оформил заявку через интернет-магазин, потряс списком, будто отчитываясь перед кем-то, и только потом тихонько прилёг на край кровати. Заботливо укрыл Танюхино плечо пуховым одеялом, нежно обнял любимую жену и заплакал. Как в детстве, не сдерживая слёз. От обиды и жалости к себе, до всхлипов, с причитаниями, до икоты. Незаметно успокоился и заснул легко и крепко, как на покосе.

Серёге снился сон, будто они с Михалычем распаковывали посылку с воблерами, а весёлая стрекоза мешала им в этом деле, садясь то на нос к Михалычу, то на ухо Серому. И только смеялась на их замечания.

Учитель

Глава 1. Утро

Володьке снова снилось море. Он слышал крик чаек, шум прибоя и даже, ему так показалось, знакомый одесский говорок... и такое родное: «Я вас умоляю, вы зашли по адресу – тут под каждым каштаном живёт своя гиря. И будьте уверены, начиная с четвёртой... каждая... вторая золотая».

Он чувствовал, как тёплый южный ветер ласкает лицо. Володька жадно вдыхал аромат водорослей, он не мог насыщаться солёным морским воздухом, он пил этот воздух, согревая грудь, будоража память, всеми силами цепляясь за спасительный сон.

«Только бы подольше не просыпаться. Не хочу... не хочу...» – стучало в висках.

Гудок теплохода плотно толкнул воздух. Повсюду знакомые и незнакомые люди. Лица, лица... И что-то ещё размытой мозаикой мелькало перед глазами, не успевая сложиться в чёткую картину. Странное дело, набережная то вздувалась горбом, то глубоко уходила вниз, прогибаясь под своей тяжестью, будто раскачивалась на волнах. Жутко видеть такое даже во сне. «Не хочу... не хочу...» – клокотало в горле, сбивая дыхание.

«А вот и он!» – Володя обрадовался, заметив знакомый парусник у горизонта, «с белыми, как чайка, парусами». Обычно он появлялся во сне. Но уже который день подряд парусник возникал наяву среди бела дня: на небе меж облаков, на лугу среди душистых трав, он выплывал навстречу из-за поворота реки, отражался над головой – на потолке землянки...

«Я капитан красавца-парусника!» – догадался Володя. В последние дни парусник не покидал его ни днём, ни ночью, не желая оставлять на чужбине. Команда отказывалась идти без своего капитана. Матросы верили: настанет час, их капитан взойдёт на борт, чтобы повести свой парусник к родным берегам любимой Одессы!

Предчувствие волновало и томило измученное разлукой сердце. Так бывает, когда покидают последние силы, душевные силы. Приближался момент, он уже близок, после него ничего – пустота...

«Ты устал ждать – жить не своей, придуманной кем-то жизнью – ты дошёл до последней черты. За чертой нет развилки, тебе не из чего выбирать. За чертой кончается всё...»

Мысль о том, что можно навсегда остаться здесь, посреди чужой тайги в землянке на диком острове, один на один с надвигающейся пустотой, отравляла последнюю каплю надежды...

«Не хочу... не хочу...» – стучало в висок. Не страх – пустота. Пустота внутри, пустота снаружи... «Не хочу...»

И вдруг знакомый родной голос: «Я найду тебя, Володя. Ты только верь мне и обязательно дождись!»

Володя вздрогнул и проснулся. Прислушался: крик чаек, плеск воды выскользнули из беспокойного сна. «Где я?» – он оглянулся на маленькое оконце. Солнце приподнялось и замерло над сопкой. Оно неподвижно мутным шаром висело над рекой, холодным оскалом наблюдая за ним.

«Это не Одесса!» Кукушка злорадно напоминала: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку». А слышалось: «Сибирь, Сибирь, Сибирь».

Последние три месяца Володя прожил на острове посреди изумрудной реки, с четырёх сторон окружённый синей тайгой, в самом центре неведомой Вселенной.

Кукушка щедро предсказывала длинную жизнь, давая понять, что у Володи всё ещё впереди. Намекая, что любимая Одесса ещё дожждётся своего сына. Любимых она не бросает – не забывает в холодных землянках на диких островах. Одесса хранит для своих сыновей белоснежные парусники с верной командой на борту. Они всегда готовы отдать швартовы, но только после приказа своего капитана.

Десять лет он мечтал о встрече с одесским солнцем. И вот настал момент: ещё мгновение – и оно засияет приветливой улыбкой, признает своего земляка. Так и есть, солнце улыбнулось... Два одессита плакали от радости, глядя на холодное сибирское небо, на могучую непокорённую Ангору – гордую и свободную реку, прикованную кандалами плотин к высоким скалистым берегам. Она будто усмехалась над человеком, изо всех сил стараясь не смести уродливые нагромождения плотин, не раскидать их вместе с людьми на сотни километров.

Ангара всё громче и громче взывала к людям: «Человек, ты никогда не станешь хозяином на нашей земле. Здесь не твой дом, ты в нём чужой, мы тебе не доверяем. Ты не научился любить и не стремишься стать лучше!»

По ночам Володька отчётливо слышал этот голос. Сердце цепенело от страха, а душа трепетала от предчувствия. Он выходил к реке и замирал, глядя на бездонное звёздное небо. «Надо дослушать... надо... во что бы то ни стало... понять... дослушать и понять!»

И он услышал! Он слился с этим криком. Он изо всех сил кричал звёздам: «Мы не хозяева, мы всё испортили!..»

...Сегодня впервые за долгие годы скитаний Володя улыбался открыто, не опасаясь, что его могут узнать.

«Было не легко, но я выстоял – мы выстояли! Без поддержки друзей я бы точно свихнулся».

Сегодня всё было по-другому! Его сердце то замирало без стука, то колотилось с бешеной силой, готовое выскочить наружу.

На соседних нарах спал Учитель! «Он нашёл меня! Он выполнил своё обещание! Спасибо тебе, любимая Одесса, за парусник с белыми, как чайка, парусами, за верную команду, за Учителя, за твою любовь! Спасибо!»

Соломон Яковлевич неделю гостил на Володькином острове. Могучий старик богатырским телом прогибал лиственничные доски нар. Еврейская шапочка, прикрывающая гордый лоб, забавно съехала на один глаз, будто напоминая: «Пора в дорогу! У

нас столько дел! Пришло наше время! Мечты сбываются! Пора домой, в любимую Одессу...»

Глава 2. Детство

Детство у Володи прошло на границе. С Дальнего Востока, с самой Аляски, и до южных окраин необъятной Родины кочевала семья офицера-пограничника. Гарнизон за гарнизоном, округ за округом. Встречи, расставания, новые встречи... И каждый раз с чистого листа. Служба!

Республики, округа, станицы, аулы, заставы и, конечно же, люди. Их традиции, обычаи, уклад, привычки... святыни, ценности. Сколько всего – чистого, вечного, непорочного – хранят люди, чтобы оставаться людьми.

Не всё понимал расторопный мальчуган, многому учился на ходу: у мудрецов – хранителей древних тайн, у простых людей, и у непростых... С мамой и такими же непоседами, как и сам, пробирались к уцелевшим в «лихие» времена староверам, старообрядцам, отшельникам. Искали встреч с интересными людьми, в какой бы глуши те ни прятались от людской суеты, где на первом месте не забота о душе...

Откуда мы? Зачем мы здесь? Кто так распорядился? Кто мы такие? Эти вопросы не давали покоя, на них искали ответы равнодушные люди. За ответом следовал новый вопрос, за разгадкой – новая загадка...

Учились слышать подсказки, не проходить мимо, находить то, что казалось утерянным навсегда, чтобы когда-нибудь, с Божьего благословения, понять то, о чём другие и не помышляли думать.

Ничто не ускользало от пытливых глаз мальчишки. Святые старцы с интересом заглядывали в ясные очи мальчика, а на прощание с доброй улыбкой крестили Володькин лоб на старинный манер. Не отщипывая от веры, а даря её щедро, целиком и на всю жизнь.

Врождённое любопытство, способность распознавать прекрасное среди повседневного, угадывать истинное в необъятном, бежать сломя голову в завтра, чтобы успеть испытать всё, что накопилось под солнцем за многие века, и, конечно же, мечтать не оставляли в Володином сердце места для равнодушия и брюзжания. Мечты— это они заставляли неугомонного паренька просыпаться по ночам и подолгу смотреть сквозь ночное небо: «Только бы не пропустить, разглядеть, успеть понять». Наивный мальчик искал ответы за звёздами, а они с нетерпением поджидали на грешной земле...

Володина мама, Валентина Ивановна, преподавала в школе русский язык и литературу, а на заставе заведовала библиотекой. Мамина библиотека путешествовала вместе с ней из гарнизона в гарнизон. Книги были подобраны ещё прадедом. В своё время он возглавлял женскую гимназию, был председателем дворянского собрания и почётным гражданином города Одессы. Женщина умная, тонкая, талантливая, необыкновенно красивая. Рядом с мамой оживала сама жизнь! Начиная смеяться, увлекаться, расцветать яблоневым цветом, любопытствовать и непременно влюбляться. Мама была душой заставы и центром Вселенной.

Володя рос, окружённый заботой и любовью. Его воспитывали верой в справедливость, доброту и благородство. Валентина Ивановна гордилась своим единственным сыном, радовалась его увлечённости живописью, трепетному отношению к камню и дереву, тяге к чтению, его жизнелюбию, а больше всего – одесскому настрою на счастливую жизнь.

На каникулы Володю отправляли к любимой бабуле, Анне Моисеевне, в Одессу. А так как Володя воспитывался по законам границы (был настоящим бойцом), он не увиливал от драк, а, как раз наоборот, с готовностью выходил на поединки с грозными «авторитетами» среди местной шпаны. Паренька уважали за смелость, силу и мастерство «красиво подраться».

Одесса полюбила Володю и нарекла Самураем. Уж больно ловок он был в драке, благороден в дружбе, честен в отношении-

ях с Одессой и одесситами, чтобы оставить «яркую личность» без внимания.

В один из летних вечеров, гуляя у самой кромки прибоя, он услышал её шёпот: «Запомни, Володя, я поверила в тебя. Я любила тебя, ты навеки мой сын. Отныне я никогда не оставлю тебя: ни в этой жизни, ни в какой другой. Корабль с «белыми, как чайка парусами» всегда будет сопровождать тебя – и в радости, и в горе. Будь счастлив и удачлив, мой мальчик».

Радость переполняла Володино сердце: «Я не подведу! Клянись тебе, моя Одесса!» – шептал в ответ взволнованный юноша.

Особенно характерными у Володи выходили его скульптурки. Из пластилина, глины, дерева рождались очень даже натуральные персонажи. Они не застывали в нелепых позах, как это часто бывает, когда в создании «шедевра» участвуют одни руки. Отнюдь, Володины были готовы хоть сейчас рассмеяться, заплакать или пуститься в пляс. Такими натуральными были его человечки.

Морщинки у глаз, печаль в потрёпанном обличи, ощущение полёта, спокойствие в затаившемся порыве... Любая мелочь в складке одежды, в жесте, в гримасе вызывали удивление и восторг.

Заплатки на потрёпанных штанах, обрубок ноги, щербинка в зубах, крест пластыря на щеке, залысины на грустной голове, гордый тельник из-под бушлата, развязанный шнурок, стоптанный кирзовый сапог – всё дышало, шевелилось, кружилось, хромало, хохмило, замирало и... снова кружилось.

За Володькиными человечками выстраивалась очередь. Люди разбирали «самих себя» на память. Так они были милы и чисты: их копии в Володькином исполнении, что оригиналы, придя домой, зажигали яркий свет и без труда, к своему нескрываемому восторгу, находили на себе сходство со своей копией. Родовались как дети, бежали по соседям, приговаривая: «Похож! Это ж одно лицо! Ах, как же мы с ним похожи!»

Бережно держали на вытянутой руке своего чистого и доброго «братца». В нём дышала жизнь. Казалось, что тонкая золотая

нить связала две судьбы. И так не хотелось подвести его, позволить разочароваться в себе. И не дай Бог, чтобы он пожалел, что явился на белый свет «моим» близнецом.

Копии будто говорили оригиналам: «Не прячьтесь от жизни. Вы рождены для любви и во имя любви. Горе тому, кто забывает об этом. Горе тому, кто предаёт свою любовь»...

А детство из последних сил цеплялось за Володькины клеша...

Глава 3. Анютка

Анютка не заглянула, а ворвалась в Володькину жизнь, да так неожиданно и так красиво, что любой Ромео позавидовал бы, встретив такую кралю перед своей калиткой. В ней одновременно уживалось столько положительных качеств, что непонятно, как она сумела не свести с ума вторую половину Одессы. Первая (женская) от её изумительных внешних и внутренних данных уж точно пребывала в тихом восторге, бурно обсуждая эти самые достоинства по обе стороны от тонкой талии. Упругая девичья грудь, крепкие стройные ножки, чёрные озорные глаза, красивые чувственные губки – всё вызывало восторг и одобрение. Одесса с умилением любовалась на Анютку, то хватаясь за сердце, то закатывая глаза к небу.

А добрые тётки, зажмурив ясные очи, живо представляли себя на месте расчудесной дивчины. Они сладко потягивались на тайные воспоминания своей приличной молодости. Задыхались от нахлынувших чувств, смущались, спохватившись, что могут быть кем-то разоблачены, а сообразив «кому это надо?», хлопали по крутым бедрам полными ручками и смеялись на весь «Привоз», перемигиваясь с давними подружками. «Ой, я вас умоляю, какие такие упрёки в наш честный адрес? С детских лет мама строго наказывала: родниковую водичку да парное молочко! Какая «Мадера», я вас умоляю! До замужества, если шло и было, то только на трезвую голову... ха-ха-ха...» – шумел помолодевший на десяток лет «Привоз».

Всё в весёлой девчоночке сложилось на радость и беспокойство добрых родителей. Красивая, умная, смелая... лучистая.

«По всему видать, родилась доченька для счастливой судьбы», – радовался счастливый отец.

Неслась Анютка по одесским улочкам, не касаясь мостовой, навстречу только ему одному-единственному... своему счастью. «Какой же он, мой голубь сизокрылый?» – звонко смеялась она над своими куплетами и смешными нескладушками.

Молодость – она прекрасна чистотой мысли, наивной глупостью и бескомпромиссностью чувств, о которых с теплотой вспоминаем долгими бессонными ночами во взрослой и «умной» зрелости.

Блестит девочка на одесском солнышке, переливается, как драгоценный камешек, манит и пугает, требует настоящего, а не бумажного счастья. Таким натурам либо жить не пережить, либо умереть в расцвете лет, в миг испытав вселенское счастье – встретив единственный рассвет и замерев в нём забытой звёздочкой на вчерашнем небосводе.

Нельзя Анютке ошибиться, она не готова что-то исправить, у неё только одна попытка. И расцвела она для неё единственной в свои шестнадцать лет, как аленький цветочек. Помоги, Боженька, чтобы на радость, а не на беду.

Живёт наша Анюта в весне. Осень для неё погибель. Не та осень, что золотая, а та, что в сердце холодом проникает, инеем грудь сковывает, кровь в лёд превращая, а душу в пепел...

Володька закончил десятилетку на отлично и приехал к бабушке в Одессу «для секретной встречи». Бабуля так и сообщила в письме: «Секрет! Приедешь и порадуешься на мои заботы».

Встреча с «секретом» состоялась в мастерской знаменитого одесского скульптора. Дверь открыл могучий мужчина, лет за сорок. Громадный, весёлый, шумный, весь в пыли, гипсе и глине. Сграбастал Володьку в объятия и захохотал, будто в колокол ударили церковный. Но тут же ослабил захват, с изумлением ощутив, что парень спокойно чувствует себя под его железными ру-

чищами. «Силён бродяга! Вот свиделись! Рад знакомству, молодой человек. Не напрасно слава о твоих подвигах бежит впереди, предупреждая, чтобы кто ненароком не расшиб свой лоб о твой характер». Он широким жестом пригласил к себе – в святая святых – в мастерскую художника. «Милости просим, гости дорогие! Заждались!»

Володька вместе с бабулей вошли внутрь и обомлели. Вокруг пели, грустили, летали и плавали по воздуху ожившие камни. Что-то родное долгожданное окружило паренька. Володька очутился в своей мечте. Этот мир ему снился, он искал его следы на звёздном небе, в глине, камне, в дереве... И вот он оказался на пороге... Слёзы навернулись на глаза, сердце остановилось, а через миг так толкнуло в грудь, что всё закружилось и расцвело, будто он очутился в центре живой радуги. «Сбылось!»

А Соломон Яковлевич (знаменитый одесский скульптор) увлёк своего молодого гостя к дальней стене. Там, на широких стеллажах, Володя с изумлением увидел свои фигурки, когда-то вылепленные из пластилина, глины, гипса, даже вырезанные из дерева.

— Как они попали сюда, дядя Соломон? – с удивлением спросил Володя.

— В Одессе возможно всё! Твои?

— Мои...

— Давай-ка, мой друг, попьём чайку с жасмином и поговорим за нашу жизнь, по порядку, никуда не спеша. У меня есть для Вас, что предложить, а у Вас (я тайно надеюсь) нет, чем мне отказать. И тут же с необыкновенной нежностью в голосе: «Анюта! Доченька!» – дядька Великий Соломон позвал Володькину любовь.

В комнату впорхнула распрекрасная Анюта. И снова остановилось благородное Володькино сердце, а уже через минуту очнулось и затрепетало счастливой птицей в Анютиной груди.

Они встретились. У них была всего одна попытка на двоих. И они, ни секунды не медля, использовали её...

Глава 4. Встреча

Год минул с тех пор, как Володя «поселился» в мастерской у Соломона Яковлевича, его учителя. Именно поселился. Домой его было не заманить. Только один человек, его Анютка, могла отвлечь его от любимого занятия.

Она влетала в мастерскую неожиданно и стремительно, как ласточка в распахнутое окно. С весёлым щебетом, смешными замечаниями, забавными советами... И каждый раз на секунду раньше, прежде чем Володька готов был умереть от нестерпимой тоски по ней.

Как горный поток, срываясь с заоблачных высот, рождает тысячи солнц и зажигает сотни радуг, так и Анютка – стоило ей появиться на пороге – и в мастерской вспыхивало солнце, от ярких лучей которого Володька становился слепым и по-щенячьему счастливым. Казалось, ещё мгновение – и каменные глыбы запарят по воздуху, превращаясь в бестелесных ангелов.

Так вот она какая... первая любовь!

Без неё пересыхают реки, не загораются зори, камнем о землю жаворонок... Без неё ломается журавлиный клин, не наступает утро и не гаснут звезды.

Всё смешалось в Володькиной жизни, будто цветную карусель раскрутили, а он в центре. Работа в мастерской дяди Соломона, парящий под потолком гранит с крыльями чайки и глазами ангела, глиняные человечки – весёлые и добрые двойники, грациозные богини и могучие атланты. Фантастическая карусель!

Любовь поселилась в мастерской дядьки Соломона – чистая настоящая любовь! Это и есть счастье, когда вечность как миг, а миг успевает заполнить жизнь всю без остатка...

А в мастерской случалось и такое: бабушкины вареники с вишней без зазрения совести уплетали глиняные морячки, запивая жигулёвским из пузатых и тоже глиняных кружек. Они добродушно кивали крепкими лбами в сторону целующейся парочки и с пониманием подмигивали друг другу: «Счастливые!» – и дружно соглашались: «Молодость!»

...Учитель и ученик – они не могли не встретиться, так было задумано задолго. Так распорядилась их Судьба! Она позволила «испить из волшебного кувшина». Эти двое – учитель и ученик – уже никогда не станут обычными людьми. Кувшин стоял тут же, на верхней полке стеллажа, под самым потолком, покрытый вековым слоем пыли. Иногда он раскалялся докрасна – внутри потрескивала и бурлила огненная лава. Казалось, ещё мгновение – она вырвется наружу и поглотит всё вокруг. В другой раз кувшин, ни с того ни с сего, покрывался искрящимся инеем, а морозный пар белыми клубами окутывал статуи, превращая их в ледяных истуканов.

Из кувшина прямо в сердце, с волшебным напитком, влился и этот голос. Он звучал как заклинание: «Умирать ... возрождаться, снова умирать... и вновь возрождаться. Это значит творить! Если остановился – смерть! Творить – значит жить... умирая по завершению одной и возрождаясь перед началом новой работы. Кувшин полон – это хороший знак! Тебе, Соломон, и твоему ученику уготован нелёгкий путь. Многое придётся преодолеть, после многого выстоять. Я выбрала Вас, будьте готовы в любую минуту. Скоро я приду за вами».

...Володька проснулся в холодном поту. На дворе июнь, жара, а его знобило как в лихорадке, ноги – и те заоченели. Задремал на минутку, а увидел всю жизнь. Вроде книжку пролистал, страницу за страницей. Жутко стало от увиденного, не по себе...

«Это всего лишь сон», – успокаивал себя Володя. Что-то злое проплыло перед глазами и тут же исчезло в бесконечных лабиринтах сознания.

«Это лишь сон», – повторил Володя. Но стужа успела опалить нутро, а ледяная корка острыми иглами больно уколола в сердце. Кольнула и... растаяла. Будто кто предупредить хотел... «Знать бы кто? Знать бы о чём?»

Соломон склонился над учеником и с интересом наблюдал за его пробуждением. Их взгляды встретились. Учитель спросил – не спросил – проворчал хриплым голосом:

— И к тебе, стало быть, пожаловала...

— Кто это был, дядя Соломон?

— Ты понял кто. Такой у них порядок: удостовериться должны, что ты по своей воле... Мосты сожгут позже, почти сразу после твоего ответа. Выбор за тобой, Володя. Ты готов довериться грозному союзнику – своей Судьбе?

Володя поёжился, но ответил твёрдо:

— Готов! Я готов!

В сердце художника своя Вселенная. В ней бушуют бури, вспыхивают и гаснут звёзды, в ней страсти и трагедии, клятвы и проклятия... В ней живёт нескончаемая любовь! Но нет в ней места для предательства. Преданность! Вот из какой материи отлито сердце художника.

Его душа, как птица, мечется в переменчивой стихии, перелетая от планеты к планете, от звезды к звезде. Она способна заглянуть за любые дали, готова сопереживать, восстать против зла, способна различить крик о помощи и прийти, чтобы помочь.

Судьба напоминает о себе, когда мы оказываемся на распутье, теряемся перед выбором... Приходит, чтобы дать подсказку. Соломону казалось, что он научился угадывать момент её появления.

Она же смеялась на это: «Соломон, когда я пойму, что пора, ты не услышишь моих шагов. Так и быть... тебя предупрежу заранее, чтобы ты успел проститься с ними», – и указывала тонкой рукой на открытое окно в любимую Одессу.

Уходила бесшумно, грациозно кивнув на прощание. После таких встреч Соломон шёл на поправку. Рождались новые идеи – он оживал, он снова творил...

Глава 5. Веня

Девятнадцатый годок пошёл Володьке. Сероглазый, приветливый, лицом приятен, нутром красив. В плечах широк, в талии узок, ростом выше среднего, силушка в руках богатырская. В

меру скромнен, в меру задирист. С друзьями честен, в поступках благороден. К тому же, как мы помним, воспитан по законам границы.

Глаза счастьем светятся, мастерство день ото дня прибывает, радость сердце переполняет. О такой судьбе только мечтать. Куда ни глянь, везде она чудится – его Анютка. Любовь!

Соломон смотрел на ученика и диву давался: «Точь-в-точь я в молодости. Это ж надо, как всё удачно сложилось: мне ученик – золотой самородок, Анютке жених – ясный сокол... туз козырный!» – на Венькин манер заключил он. «О чём ещё мечтать на старости лет бедному Соломону? Счастливы те, к кому Судьба интерес имеет».

Володя слушал, запоминал, переосмысливал каждую фразу, каждое слово учителя. Учился видеть то, что в обычной жизни отродясь не увидишь. Мастерством рук пытался досказать то, о чём недоговаривали люди... не осмеливались произносить вслух.

А вечерами влюблённые на Вениной яхте уходили в открытое море. Ночи напролёт целовались и мечтали под звёздами, качаясь, как в колыбели, на руках живой бездны. Мечтали о счастье семейном, о детках красивых, о странах далёких и ещё о многом-премногом... Впереди целая жизнь!

Что касается Вениного баркаса! История эта деликатная и поучительная. Здесь не обошлось без риска и благородства. А Веня в своей жизни только такими критериями и руководствовался. Не всегда получалось, не без этого, но он изо всех сил старался не скатиться до уровня мелкотравчатого обывателя. Он не пришёл на улицы Одессы пассивным участником массовки. У него была своя и далеко не второстепенная роль. Веня был честным контр-абандистом с большой буквы! Но обо всём по порядку.

Итак, баркас не баркас, для шхуны габаритами не вышел, пусть будет яхта. Но не из тех расфуфыренных, что золотыми заклёпками, словно вставными фиксами, на публику сверкают. И не из тех, на которых богатеньких да сытенных по морям-океанам, как яички по сковороде, катают.

Венин кораблик сам по себе плавал, глаза не мозолил, зато имел в своём арсенале скрытые от любопытствующих ротозеев секреты и неоспоримые достоинства. Чтобы понять, откуда берутся такие шедевры судостроения у скромных одесситов, придётся вернуться на десяток лет вспять и поближе познакомиться с двумя неразлучными друзьями – Веней и Соломоном...

Представим, что на улицах Одессы радуются жизни красивые семидесятые. Как же летит время! В мастерской Соломону Яковлевичу помогал расторопный парнишка цыганской наружности. С гордой головы на крепкие плечи падают, будто стальная стружка из-под резца токаря, иссиня-чёрные блестящие кудри, озорные цыганские глаза на греческом профиле завершают портрет. Не на подхвате, но в самой гуще творческого процесса ощущал себя Веня рядом с Соломоном. Весёлый, бесстрашный, никогда не унывающий, любознательный, влюбчивый юноша. Отважный драчун с Молдаванки, он и к Соломону попал прямоком из той «счастливой» драки.

Средь бела дня кодла пацанов укараулила Веньку и за длиннющий список накопившихся «претензий» старательно топтали его гордую натуру на согретой ласковым солнышком каменной мостовой, приправляя свои наказания не по годам крепкими словечками. Вене надоело сопротивляться, и он грустно приготовился умирать.

Соломон, услышав подозрительный шум у порога, выглянул из окна мастерской. Увидев побоище, он так рывкнул, что заглушил густой гудок круизного теплохода «Абхазия», накануне прибывшего из города Сочи. Шпану как ветром сдуло. Соломон приблизился к несчастному парню, тихо лежащему под акацией, подхватил бездыханное тело и внёс внутрь. А через пять минут Венька, забыв обо всем на свете, вихрем кружил по мастерской, обнимая статуи богинь и пастушек, с восторгом умоляя Соломона:

— Научи, дяденька, лошадок глиняных лепить, а взамен душу мою заberi несчастную.

Соломон от души и до слёз смеялся, любуясь на Венин «спектакль». Потом усадил паренька за стол и напоил душистым чаем

с миндальным печеньем. А проводив домой, загрустил. Ночью долго не мог заснуть, кряхтя и ворочаясь с боку на бок на своем холостяцком диване. Четвёртый десяток – как раз посередке – а всё один. Правда, где-то в Израиле живут сын и жена. И не жена уже... потому как... не жена и точка.

Соломон, с какой стороны к нему ни приглядишься, мужчина видный – богатырь былинный! Силушки ему за троих отмерили! А таланту? Одесса не нарадуется на своего Соломона. Скульптор каких поискать! И не факт, что найдёшь такого второго.

Вот этот самый талант и загубил семейную жизнь Соломону. Жене внимание, достаток, общество подавай. Грезились ей неслетные Соломоновы сокровища. Пилила мужа, пилила... упрекала. Терпел Соломон, терпел... Как крот в норе безвылазно жил в своей мастерской. Засыпал в обнимку с мраморными галатеями, глину ел, слезами запивал. Кто с таким уживётся под одной крышей? То-то и оно...

Однажды спохватился – а жены и след простыл: укатила с земляком в страну честных евреев. Дочь не поехала – наотрез отказалась бросить отца одного, на произвол судьбы. Совсем малышкой была, а на своём настояла. Никакие уговоры не помогли. Благодаря доченьке и живёт Соломон, ради неё старается. Ищет! Не перестаёт надеяться, что найдёт... обязательно найдёт утерянное счастье!

«А парнишка запал в душу. Что-то в нём родное угадывалось, созвучное с его одиночеством. Жаль, что не пригласил в гости, совсем одичал в своей «пещере».

На следующее утро напротив мастерской прохожие стали свидетелями ещё одного представления. Припечатанный местной шпаной к прохладному стволу каштана Венька что есть духу кричал в знакомое окошко: «Дяденька Соломон, объясни ты этим дикарям, что я твой единственный племянник. Пусть они раз и навсегда запомнят, что с сегодняшнего дня я официально гуляю по этому проулку». Компания скрежетала зубами, но из уважения к дядьке Соломону держала паузу.

Соломон цыкнул на пацанов, тем самым закрыв вопрос о «родственных узах», и впустил Веню в помещение. Потом минут

пять, до коликов в боках, хохотал над «сильным ходом» новоиспечённого племянника. А прощаясь, пригласил Веню заходить к нему в гости «хоть каждый день» и пообещал научить «лошадок глиняных лепить».

Так началась их многолетняя дружба. Удивительное дело, два посторонних человека – взрослый мужчина и своенравный мальчуган – оказались позарез нужны друг другу. Соломон тосковал, когда Веня, ни с того ни с сего, пропадал на день-другой. А Веня, вернувшись «домой», обнимал Соломона и бормотал, заикаясь от переполнявшей сердце радости: «Дядя Соломон, я не потеряюсь и никуда не денусь, я обязательно вернусь, чего бы мне это ни стоило!»

«О чём это он?» — поначалу недоумевал Соломон. Они были уверены, что поодиночке пропадут и смеялись над своими страхами. «Так нельзя и по-другому никак».

За два десятка лет их дружки Соломон Яковлевич терял своего товарища из виду лет на пять (точнее семь, если быть бухгалтером). Это были «вынужденные командировки», всё ближе к северным широтам.

Веня имел дюжину обезоруживающих талантов, которыми по молодости лет не всегда умело распоряжался. Кроме того, в силу его цыганского темперамента за ним водились и «трагические слабости». А как известно, на эмоциях далеко не уедешь. Вене же, наоборот, удавалось «далеко и надолго». Если к юношескому наивному стремлению «красиво пожить» добавить его исключительные способности обгонять своё время, при этом далеко забегая за грустные параграфы опостылевшего УК, то мы легко можем объяснить и причины этих «вынужденных командировок», для себя, разумеется.

Но имели место и «роковые» слабости. К таковым Веня, закатывая глаза к небу, относил женщин и... свои цыганские кудри.

— И в чём тут фокус, Веня? — интересовался его старший товарищ.

— А в том, уважаемый Соломон, что стоит моим кудрям отрасти до плеч, как в тот же вечер на моём пути вырастает распрекрасная краля. И ваш Веня, чтобы не уронить лицо, идёт совер-

шать подвиг. И мчатся мои лошадки, парусники, «красиво пожить» галопом, набирая узлы и обороты, чтобы прямиком закатать вашего Веню, как кильку в томате, в холодный барак на суровой сибирской земле.

«За что?» — спрошу я вас. Не трудитесь, я знаю ответ.

Та судья, что по малолетке встретила меня не на бульваре, но в зале суда, мстит мне за свою «неиспорченную» молодость. Каждый раз, когда меня приводят в зал с очередной кралей, она теряет голос вместе с терпением. Ревность душит красивую женщину, а я... получаю очередной срок. Потом она жалеет меня и, я уверен, представляет себя на месте той крали. Она мечтает за нас... и повторяет как заклинание: «Ну, Венька, я тебя достану, клянусь! Плакали твои фурсетки! Попадёшься мне тёмной ночью на лунной дорожке... зацелую соколика до смерти». И засыпает в мягкой постельке в обнимку со своим ненаглядным Венечкой вместо подушки...

— Веня, ты это не во сне? — покатывался от хохота Соломон.

— Если честно, положи руку на сердце, влюблён я в мою судью с первой нашей встречи. Пришло время подумать за нашу с ней счастливую жизнь. Время показало, она от меня не отступится, а мне в свою очередь больно видеть, как она страдает, ссылая меня в очередную командировку.

Года солидные, сроки длинные... Пошалил – и баста! Пора и мне прислониться к закону интересным местом.

Тут уж оба от хохота валились на широкие лавки. Венька тряс ногами, а Соломон прихлопывал ладошками по коленкам.

— Веня, ты это место от закона подальше хорони. Мало ли: сглазит на радостях да без сноровки.

Справедливости ради надо отметить: Веня имел широкий кругозор и хорошо поставленную речь. Любопытный, начитанный, с богатым жизненным опытом на многие вещи он имел своё мнение. Совсем скоро он и Соломону «испортит жизнь»... поставив всё с ног на голову.

Как-то ранним утром дверь в мастерскую распахнулась настежь. Хмельной Веня от порога заплетающимся языком объявил:

— Сегодня я имею свой «Титаник»! И ещё – на зону я больше ни ногой...

— Веня, зона умрёт с горя от твоих заявлений, — усмехнулся Соломон на хмельную речь друга.

На самом деле Соломон несказанно обрадовался за друга. Он всем сердцем переживал и очень верил в Веньку, ждал этого момента. И вот его друг сделал заявление!

«Наконец-то Веня изобрёл, как изменить свою судьбу», – это было заметно невооружённым глазом, и этот факт обнадеживал Соломона.

— Дорогой Соломон, я оформил «купчую» на наш с тобой кораблик. Собирайся, поедem любоваться, как радуются за нас чайки.

При этих словах он осторожно достал из нагрудного кармана настоящий документ и протянул другу для прочтения. Соломон внимательно изучил «бумагу». А увидев свою фамилию рядом с Вениной, неожиданно закашлялся и отвернулся к окну.

— Дорогой мой, дядька Соломон, меня этими фокусами не проведёшь. Едем! И не пытайтесь сорвать нам торжественный момент...

Глава 6. Галатея

Не стану утомлять описанием всех достоинств Вениного «кораблика», скажу только одно: это было одно из лучших приобретений братьев иностранных контрабандистов. Совершенство в классическом стиле, замаскированное под рядовую шхуну. Снаружи ничего примечательного. Такое впечатление, что посудина не один десяток лет бороздит морские просторы. Таких сотни – да чего там – тысячи, и они не бросаются в глаза.

Внутри тоже никаких излишеств – всё только необходимое и функциональное. И только при внимательнейшем рассмотрении, имея живое воображение, можно воссоздать идеальный фантом, сопровождавший скромную на вид яхту.

Весь «кораблик» был сконструирован, что называется, из новейших достижений передовой японской мысли. Отделка под старое дерево, помятые борта, затёртые ступеньки, обшарпанные проёмы, повсеместные сколы и царапины – не должны вас разочаровывать и вводить в заблуждение. Именно для этой цели – заморочить голову – так старались корабельных дел мастера: не выделяться на общем интернациональном фоне своим ярким фасоном! И они успешно справились с поставленной задачей.

«Старушка» мелькала то тут, то там – в разных портах – избороздила вдоль и поперёк Мировой океан, вызывая снисходительные усмешки и явное изумление: «Каким же надо быть безголовым капитану, чтобы на таком корыте выходить в открытое море!». Примерно так рассуждали те, для кого и был придуман этот фокус.

Соломон не сразу, но немного успокоившись, разобрался, в чём тут подвох. Художник вмиг распознал и оценил истинную красоту яхты, её чувственную душу, спрятанную под слоем искусной маскировки. Он сердцем потомственного моряка ощутил мощь и крутой норов нового товарища:

— Веня, это ж стоит денег? – заикаясь от волнения, прохрипел Соломон.

Веня оглянулся на друга и гордо отчеканил:

— Дядя Соломон, за сей комбинацией стоит свобода для хорошего человека. В этот раз за просто так... здесь деньги не играют.

А когда друзья заглянули в моторный отсек и по слогам прочитали название знаменитой японской фирмы на силовом агрегате, а потом по пальцам пересчитали «табун лошадок» из сотни иностранных скакунов, оба потянулись к ключу зажигания.

— Он точно не летает, Веня? — с ребячьим задором спросил Соломон.

— Об этом не говорили вслух. Надо прокатиться из Одессы и посмотреть, как мы заживём на палубе этого «Пегаса» в открытой воде.

— Шампанское на борт! — весело крикнул Веня.

— Господа присяжные заседатели, заседание объявляется открытым! – поддержал Соломон. – В борта надо постучать шипучим вином – для форта это первое дело!

— Какие возражения? Беру две корзины – и в лавку к тёте Люсе. Одна нога здесь, другая там... А Вы, дорогой друг, не тратьте время на «поглядеть», а ответственно изучайте «матчасть». Внимательно читайте рекомендации Саида. В этой шхуне имеются неожиданные, но полезные сюрпризы. Не спешите торопить праздник, у нас будет время помечтать в нейтральных водах.

Вскоре Веня вернулся с корзинами, под завязку наполненными вином, фруктами и всем необходимым для праздничного стола. Четверо пацанов крутились тут же, они дружно помогали дяде Вене «не сбиться с курса». Щедро расплатившись с честной компанией и не забыв отвесить подзатыльник шибко настырному «вымогателю», Веня поднялся на борт «Пегаса».

Мотор густо зарокотал. Соломон мастерски развернул яхту в открытое море и моментально поставил на корму. Затем перевёл красный рычажок в режим «форсаж» и друзья оказались в Вениной мечте.

— Соломон, Бог вспомнил обо мне, он придержал для Вени козырную даму, про запас...

Друзья гуляли неделю, на берег сходили по крайней необходимости, в основном пополнить припасы. Учились жить по законам моря... привыкали к ощущению полёта, смеялись и плакали от нахлынувших чувств. Да чего там «учились», когда друзей родило и воспитало море.

«Баловство сплошное с этими японскими штучками!» — с глубоким уважением отзывались друзья о мощи и достоинствах нового друга, смущаясь многочисленным «удобствам», спрятанного от посторонних глаз «комфорта».

— Классная посуда, дядя Соломон? — кричал хмельной Венка в лицо ветру.

— Веня, это настоящий шедевр! — отвечал ветер голосом друга.

«Сюрпризы» не заставили себя ждать. Вскоре выяснилось, что яхта имела «двойное дно». Это и скрытая панель управления, и мощный электронный «мозг», и совершенная спутниковая си-

стема навигации. А кроме всего прочего не один, а два мощных двигателя (основной и резервный), которые могли работать автономно и одновременно, что позволяло капитану лишний раз не оглядываться за корму, а спокойно бороздить просторы Мирового океана, отыскивая сокровенные мечты в счастливом завтра.

Эту яхту (а она изначально была задумана таковой) Вене в знак сердечной благодарности подарил Саид – потомственный моряк и тоже честный контрабандист из Стамбула.

Двумя неделями раньше Веня встал на защиту Саида перед одесской братвой – он не позволил покрыть позором имя потомка древнего правоверного рода и своего давнего товарища. Веня среди «авторитетных граждан» города Одесса «имел что сказать лично». Была у него слегка другая жизнь в двух шагах от родной мастерской. Но и «авторитетные граждане» знали, что Веня – человек Соломона, а над Соломоном только Бог.

Однажды по малолетке Венька не струсил – было очень надо и он взвалил на свои юношеские плечи чужой «крест». «Крест» оказался от «короны», а Веня вырос в правильного одессита.

В мастерской Веня придумывал шедевры со своим другом – отцом родным – Соломоном. Вполне прилично бузил в свободное от творчества время. Соломон Яковлевич для Вени маяком светил. Из любых передраг к нему, к своему дядьке Соломону, возвращался неугомонный Венька. Крепко-накрепко, будто морским узлом, были связаны их жизни.

С контрабандистами Веня водил дружбу с детских лет. Врождённая предприимчивость, смекалка, порядочность, смелость, тонкая интуиция не остались недооцененными в кругу людей, привыкших к каждодневному риску. В своё время Веня с честью прошёл проверку и получил «добро» на свой интерес в рисковом деле. И тут узел, и тоже морской.

Благодаря Вениному «слову», сняли оговор с честного контрабандиста Саида. Веня по всем пунктам «претензий» доказал невиновность друга – такого же шального, развесёлого цыгана турецкой наружности. Защитил имя честного человека и сам человеком остался. Не ожидал Веня, что так шикарно

отблагодарит его Саид. Отказываться не стал. «Зачем обижать хорошего человека?»

«Галатея»! Так после недельного знакомства называли друзья свою яхту. А она лёгким перемещением скрытого рычажка могла превращаться в сказочный парусник. Плавно вырастала телескопическая мачта, и распускался белый парус, похожий на волшебную белоснежную лилию.

Под этим парусом в открытом море и мечтали о семейном счастье Володя и Анютка. Мешали сладкие поцелуи и... поцелуи...

А яркие южные звёзды так привыкли к влюблённой парочке, что отказывались гаснуть на рассвете.

Глава 7. Сборы

Соломон Яковлевич по Володиным фигуркам ещё раньше, до того как они познакомились лично, сделал несколько пробных работ, в масштабе один к пяти... десяти. Он удивлялся, насколько тонко автор улавливал суть натуры, скрытые черты её характера, угадывал тайные помыслы, отражал явные желания. Эти фигурки поражали посетителей выставки своей непосредственностью, часто обречённостью, незащищённостью от окружающего мира, чистой наивностью, смущали и вдохновляли своей естественностью. Они притягивали, с ними не хотелось расставаться. Рядом с ними люди преображались – становились добрее. Хотелось прикоснуться к каждой, погладить, шепнуть что-то доброе, ласковое...

Было заметно, что Володькины человечки не собирались расходовать отпущенное им время на то, чтобы завоёвывать место под солнцем. Они пришли в этот мир, доверясь ему всецело, не помышляя ни о каком подвохе со стороны судьбы. У них была своя особая миссия.

Глядя на них, вы начинаете понимать: они здесь для того, чтобы помочь нам вспомнить и обернуться на наше прошлое... в ту пору, когда мерой всему сущему было «слово», в прошлое, когда миром правила любовь!

— А было ли когда это наивное прошлое?

И тут же в ответ:

— Было! Вот же доказательства! — и кивали в сторону Володькиных фигурок, с умилением разглядывая бабу с дедом, сидящих в старенькой лодке и близоруко обрывающих лепестки у полевой ромашки: «Любит, не любит, любит, не любит... лю-у-у-убит!» Тут их и застал Володя. Он запечатлел эту трогательную сценку для нас с вами.

«Это ж надо! Ну, прям дети, честное слово», — смеялись, украдкой утирая слёзы, растроганные посетители.

И правда, у деда и бабули сквозь морщинки на лицах лучилась живая юная любовь.

«Ты глянь на них — они и не старые вовсе. Это ж надо догадаться до такого: с ромашкой на лодочке — «любит, не любит!». Это Любовь! Вот уж чудо из чудес!»

Так случилось, что Соломона благодарили за «шедевры», которые принадлежали не ему. А он, в свою очередь, знать не знал, ведать не ведал, что сказать об авторе. Кто он такой? Какого рода племени?

Соломон понимал: он лишь прикоснулся к работам молодого художника, но главное оставалось тайной за семью замками. Он чувствовал, сердцем понимал, что это его ученик...

Соломон знал наверняка, что только автору под силу ожить своего героя: зажечь страсти в его сердце, научить любить, заставить страдать...

Ему одному доверяет девчушка, с интересом разглядывающая яркую бабочку, присевшую на её локоток. То ли отдохнуть, то ли предупредить... шепнуть интимное и исчезнуть, успев навсегда поселиться в вашей памяти.

— Ради чего?

— Ради чего-то важного. Неспроста это!

И только он (автор) способен услышать голос далёкого пращура, заглянуть в чистые очи и прочесть весь путь — от начала и до конца...

«Мой ученик рядом, нельзя допустить, чтобы мы разминулись. Ни в коем случае!» — как заклинание повторял Соломон. Так было...

Многим премудростям обучил Соломон Володю за два года совместной работы, но не переставал удивляться способностям своего ученика за пару минут вылепить «портрет» из пластилина или нарисовать на листе ватмана карандашом, да так, что человек потом не один раз подходил к зеркалу, придирчиво отыскивая сходства со своим «двойником». А найдя, торжественно объявлял во всеуслышание: «Я похож на него!» Не он на меня, а именно так: «Я похож на него».

Володе мгновенно удавалось уловить самую суть – удавалось разглядеть истинный лик вашей души. Он будто из глубины морской на свет Божий поднимал то светлое и доброе, что даёт человеку от рождения. И предоставлял шанс каждому заглянуть в самого себя, тем самым заставляя вас усомниться: «Вы ли это? Возможно, вы чище, добрее, честнее?»

Этому не научить. С этим рождаются. На таких юношах, как Володя, видна Его метка!..

Практически была подготовлена выставка для Израиля. Соломон вынашивал грандиозные планы на Анюткино и Володино будущее. Он всем сердцем желал счастья любимой дочери. Ради этого был готов пожертвовать многим. Дочь для Соломона была всем! Её благополучие и безопасность – вот вещи, которые не давали ему покоя.

К тому времени на улицы Одессы из всех щелей, пища и корчась от судорог, мутным потоком хлынула бешеная радость от распирающих груди «свобод». Страна, как смертельно раненый медведь, издавала прощальный жалобный рык.

Шакалы осмелели настолько, что среди бела дня рвали на куски умирающего исполина, растаскивая живую плоть по своим норам. Они не боялись грозных клыков и железных когтей когда-то могучего зверя. Зверь был сокрушен: обманут, заманен в ловушку, отравлен, нанизан на острые колья, забит камнями... повержен.

С нами произошло то, что не должно было никогда повториться. В который уже раз: в своём доме, своими руками мы вырастили палачей для своего же народа. В очередной раз любимую Державу «крошили» из дедовских «максимов» и отцовских «калашей».

«Надо спасать ребят!» – твёрдо решил Соломон. Тем более к мастерской, день за днём, всё настырней и наглей цеплялись чужие загребушие руки. Веня кое-как отбивался от местных «предпринимателей», но наступали киевские и московские, а у них деньги, власть, связи и никакого понятия о чести и совести...

«Не стоило питать иллюзий на то, что мы ещё застанем хорошую жизнь. Хорошая жизнь покинула Одессу на долгие годы. На «Привоze» ходят жуткие слухи, мол, хорошая жизнь покинула Одессу навсегда. Морской воздух был пропитан тревожным ожиданием беды.

К выставке Соломон приурочил и переезд за границу. Его вежливо, но настойчиво который уже год приглашали в Израиль. Там ждали друзья, своя мастерская и маленький домик у моря. А главное – там люди понимали красоту, ценили талант и заботились о подрастающем поколении гениев.

Накануне состоялся семейный совет: на нём присутствовали Володины родители, бабушка, Соломон Яковлевич и Веня.

Неожиданно для все (в первую очередь для Володи) отец первым согласился на отъезд сына за границу. Немного погодя, успокоилась и мама. Она обняла своих дорогих деток, Анюточку и Володю, прижала к груди, расцеловала и благословила в дорогу.

Родители понимали, что Володе надо работать – развивать талант – идти дальше, ни в коем случае не останавливаться, не опускать руки.

Но что могли знать они, обычные люди, о Её планах? Судьба стояла тут же – чуть в сторонке – и с лёгкой грустью наблюдала за ними. «Неисповедимы пути Господни», – от её шепота мелкая рябь побежала к горизонту.

Оставалось последнее: дожидаться из «похода» Веню и его «Галатею». Веня в последнее время пропадал часто и надолго. Работы прибавилось, «Привоз» требовал ассортимента.

Веня попал-таки «на грудь» к своей судьбе Галочке. Пришлось «отдуваться» за ошибки бурной молодости и за пышных краль в том числе. Но это в прошлом. Сегодня у Вени и Галочки любовь, счастливая семья, «легальный» бизнес и... нервы. А ещё, но это

по секрету, Одесса готовится принять в байковые пелёнки маленького кучерявого засранца – Веня вот-вот станет отцом!

Строгая судья Галочка вынесла «пожизненный»! В зале загса «подсудимый» закатил цыганские очи под потолок с амурами и на публике отказался от последнего слова.

Зато ночью... (но это дело интимное и сугубо личное).

Друзья с нетерпением поджидали прибытия «Галатеи»...

Глава 8. Я вернусь

«Одесса, ты навсегда – жемчужина у моря!» У одессита, будь он хоть в раю, одна-единственная мечта – вернуться в любимую Одессу во что бы то ни стало.

«Я вернусь к тебе, моя Одесса, ты только дождись, обязательно дождись! В этой жизни или в какой другой мы непременно встретимся». Эти слова Одесса знает наизусть, потому что это слова её родных детей. Нет такой силы, которая помешает одесситу выполнить своё обещание. И они возвращаются! Во все времена они находили и находят дорогу к «родимому порогу». Дети из «жемчужины у моря»!..

Володя и Анютка гостили у бабушки Ани. Анна Моисеевна не могла нарадоваться на красавицу Анюту: угощала окрошкой на хлебном квасе со свежей редиской, молодой картошкой, домашними яйцами, огурчиками и укропом. А на десерт ставила на стол пузатый чугунок дымящихся вареников с клубникой! Разливала по стаканам вишнёвый компот, а варенье из зелёных грецких орехов (по особому рецепту) придвигала вплотную к Анютке. «Кушай, доченька, набирайся сил. Вкусно? Вот и славно, вот и хорошо! Детки мои милые, дай вам Боженька прожить жизнь в любви и заботах о любви!» Было здорово!

Вечерами баба Аня, не желая отпускать Анюточку домой, затевала всевозможные конкурсы и представления. Предлагалось на выбор: чтение стихов, отрывков из романов любимых писателей, проводились шахматные и шашечные блицтурниры, за «позолотите ручку» баба Аня, накинув на плечи яркий цыганский

платок, завораживающе гадала на картах. И как гадала! Сама Судьба смущалась от предсказаний умной женщины, с недоумением пожимая плечами. «Откуда ей знать?» — изумлялась она.

Пару раз бабе Ане удавалось уговорить Анюточку остаться на ночь, но поняв, что та не находит себе места, переживая за отца, прекратила свои уговоры.

«Какая девочка! Ангел! Береги её, Володя! Смотри мне – не вздумай обижать», – предупреждала, а сама, не скрывая чувств, радовалась за деток.

В последние дни Соломон очень нервничал и почти не спал. О том, чтобы вспомнить поесть, не могло быть и речи. Предчувствие отравляло ему жизнь, интуиция с бешеной быстротой перебирала варианты...

— Ну что тут может случиться? — успокаивал разум.

— Да что угодно! — кричала в ответ интуиция.

...Аннушка и Володя не спеша гуляли по майским улочкам приморского города. Морской воздух со сладким привкусом сирени и дурманящим ароматом роз кружил головы одесситам. Знакомые звёзды, наблюдая за влюблённой парой, многозначительно перемигивались между собой. Пение цикад щекотало нервы, а лунная дорожка через море, будоража воображение, манила в неведомые дали. Грезилась неизведанные земли, необитаемые острова, встречи с благородными вождями диких племён и ещё многое-премное... далёкое... таинственное...

Володя с детских лет мечтал о путешествиях, о затерявшихся в океане необитаемых островах. Он мечтал вживую увидеть древние маски загадочного народа майя, прикоснуться к их молчаливым лицам, заглянуть в «глаза» и, возможно, если повезёт, понять тайну. Пока не ясно какую. Но в том, что она существует и что она где-то рядом, он не сомневался ни секунды. Необъяснимая сила влекла его в тот мир, где давным-давно родилась истина, но по неизвестным причинам навсегда утаена от человека.

Возможно ли такое? Это как погасший маяк для мечущегося в шторме и ослепшего от непроглядной мглы корабля. «Зажечь

маяк!» – получить ответы, докопаться до истины. А иначе не избежать беды. «Невозможно всю жизнь в темноте, это не честно. Я найду ответы». Володя не мог объяснить, почему именно маски с такой силой влекли к себе...

За сотню шагов до мастерской ребят обогнал длинный чёрный лимузин. Машина завизжала тормозами и стала как вкопанная, перегородив улицу и закрыв проход к знакомой калитке. Из автомобиля на мостовую высыпала компания крепких парней. Все как на подбор: одеты с иголки, веселые, пьяные и не местные. За их спинами на одесский манер щебетали две яркие землячки. Здоровенный парень с лицом начальника одесской милиции не сказал, сплюнул через губу в адрес молодых похабщину, сопроводив слова непристойным жестом.

Анютка, почувствовав неладное, попыталась увлечь Володю на другую сторону улицы, но было поздно. Вслед полетели насмешки и неприкрытое хамство: «Поделись, мальчик, своей девочкой. Обещаем при ней ни одного грубого слова. Мы будем ласковы, внимательны и добросовестны... ха-ха-ха...» – щелкали «одиночные» по мостовой. Мостовая морщилась и краснела от стыда и боли.

Компания ржала на всю улицу, не подозревая, что перед ними стоит не просто рубаха-парень, а грозный самурай. Володьку с малых лет учили: «Умри, но победи!»

На границе работают серьёзные инструктора-наставники, там всё по-настоящему. И если тебя восемнадцать лет обучали побеждать, то вряд ли ты смиришься с ролью побеждённого до самой старости.

«Не применять полученные знания в мирное время» – и это было!

— А сейчас мирное?

— Сейчас твоё время, Володя! — прозвучало почти над ухом.

Володька вздрогнул, он оглянулся на голос и увидел Её. Судьба стояла тут же – по правую руку от Анютки – в элегантном платье цвета морской волны, на голове шляпка с вуалью, на ногах серебряные босоножки, в руке букетик хризантем. Глаза будто

звёздочки поблёскивали из темноты – в них отражалась лунная дорожка. Володькина Судьба была прекрасна. «Красивая!» – с удовольствием отметил Володя.

«Я пришла, как и обещала. Пробил твой час, Володя. Ни в чём не сомневайся, делай то, что должен. Всё начнётся сегодня. Ты не умрёшь... Тебя убьют, но ты останешься жить!..»

Она поправила вуаль: «До встречи, мой мальчик! Совсем скоро мы увидимся вновь», – и растворилась в ночи.

Володька с лёгким сердцем шагнул навстречу «гостям города», шепнув Анютке: «Не смотри, родная. Беги что есть духу... не оглядывайся!»

В голове стучало как набат: «Тебя убьют, но ты не умрёшь! Что это значит? Она разрешила умереть и... жить одновременно?»

Со страхом он научился договариваться. Володя шёл на свой главный бой спокойным, но не умирать! Он шёл, чтобы победить и остаться жить!

Приблизившись к компании, он вежливо предложил извиниться и «разойтись красиво». Но чья-то наглая рука уже потянулась к Анюткиному плечу. И тут же белая рубашка вместе со сломанным телом упала на мостовую. Пьяные глотки взревели матерщиной, в руках блеснули ножи, кастеты и прочие атрибуты убийц.

И только яркие землячки, узнав в приблизившемся парне одесскую знаменитость, что было мочи зывали к чужакам: «Хлопцы, разуйте ваши очи! Это же наш Володька Самурай! Тикайте мальчишки в автомобиль. Сейчас будет светопредставление, и никаких гарантий, что в вашу пользу!»

Из темноты, со спины, метнулась предательская рука с финкой. В следующий миг Володя перехватил руку, потом хрустнула и шея хозяина финки, но лезвие успело ужалить за бок.

«А мальчишки-то обучены, надо повнимательней с ними», – щёлкнуло в голове.

Один за другим падали молодые люди на мостовую. Белые модные рубашки – то тут, то там – расцветали красными мака-

ми. Стоны, хрип, проклятия извергала озверевшая толпа. Последним на ногах остался стоять местный здоровяк с генеральским лицом. С битой в толстой ручище, с ножом в другой, рыча и матерясь, он шёл убивать Самурая.

От раны в боку и порезов на предплечьях Володино тело кровоточило сильнее и сильнее, силы таяли, как льдинка на ладони.

На противоположной стороне улицы он снова увидел Её. Володе показалось, что красивая дама махнула ему букетиком хризантем. «Так и есть: она снова улыбнулась и выронила букетик на мостовую, указав рукой в направлении приближающего толстяка».

Володя весь подобрался, как барс перед прыжком, и тут молнией метнулся навстречу врагу. Чиркнуло по камням острое жало ножа, бита, прыгая по булыжникам, устремилась прочь, подальше от греха. А толстяк, охнув на прощание, бесформенной кучей распластался по мостовой.

Знакомая звёздочка чиркнула о край неба, осветив одиноко лежавший букет хризантем... и всё затихло.

Со стороны походило на военное кино «Вражеский обоз подорвался на mine»... Смелчаки из лимузина жалобно поскуливали, с недоумением и опаской озираясь по сторонам. Подняться на ноги никто не пытался. Увечья окажутся настолько тяжёлыми, что память об этой потасовке – всем без исключения – останется на всю оставшуюся жизнь.

Соломон Яковлевич поймал Володькину руку в тот момент, когда железные пальцы Самурая летели к основанию черепа генеральского сыночка. Это и спасло тому жизнь. А Соломон со своими семью пудами богатырского тела бабочкой вспорхнул над мостовой.

«Это я, сынок!» — взмолился Соломон. Володька еле соображал. Букетик хризантем из любимого романа держал сознание в фокусе. Сквозь пелену наползающего забвения он успел узнать учителя, но уже через секунду рухнул на руки Соломона.

Соломон с Володькой на руках проскочил один двор, потом другой и, минуя лабиринты замысловатых строений и закоулков, оказался за два квартала от злополучного места. Кто-то окликнул по имени, оказалось это Анютка. От переживаний она приплясы-

вала на месте и махала руками, стараясь привлечь внимание отца. Галинина иномарка рванула с места и через секунду растаяла в ночи. Родные люди увозили родного человека в «другую жизнь». И сами они в эту жизнь, уж вряд ли вернутся.

«Ну, силища!» — с восхищением подумал Соломон о своём ученике.

«Откуда её столько в одном человеке? По всему видно, ещё понадобится и не раз. Надо будет пройти... выстоять и вернуться».

Володина кровь ручейками бежала в раскрытые ладони любимой Одессы. Это были ладони родных людей. Они не могли допустить, чтобы хоть одна капля пропала или упала бы мимо.

Всю ночь напролёт в маленькой операционной достойный сын еврейского народа, скромный и замечательный хирург города-героя Одессы будет ювелирно «штопать» лишние дырки на могучем теле отважного Самурая. Над смелым мальчиком он прочтёт только ему одному известную молитву: «На долгую и счастливую жизнь!..»

Началась совсем другая история. Хотя нет. Если приглядеться поближе, это продолжение всё той же... нашей истории.

Глава 9. Судьба

«Не стоит удивляться на Одессу. Я уверен, такое случается не только под нашим небом».

Судьба – она каждому имеет что сказать лично. Впереди Володю поджидали долгие месяцы душевных бесед и глубоких размышлений один на один с собой и не только. Поиски той самой «тайны», о которой тёплыми южными ночами он мечтал, обнимая любимую Анютку, растянутся на годы одиночества. За многие тысячи километров родные люди чувствуют, слышат, ни на минуту не забывают друг о друге...

Соломон засобирался в дорогу, он спешил на помощь своему ученику, но Судьба распорядилась по-своему! Она предска-

ла: долг будет путь, труден и коварен. Много утечёт воды до той поры, как они встретятся.

«Встречи не миновать, но она случится не скоро, ох, не скоро», – так решила Она – их верный союзник и строгий судья – красивая женщина с веточкой хризантем в руке. Такой её запомнил Володя. Рядом с ней переживёт все невзгоды. Такую встретит вновь...

— Каким будет наш путь?

— Решать ей! Нам же ни отступить, ни попятиться с полдороги. Оправдания не принимаются! Уважительные? Тем более.

Женщина, о власти которой можно только догадываться: повелительница жизни, смерти, любви, ненависти, верности, предательства, счастья, горя... богатства, нищеты... славы, забвения, памяти...

— Кто же она на самом деле?

— Нам известно только то, что она красива, непредсказуема, независима, беспристрастна... Вопросы, конечно, есть... С ответами не очень!

— Она – Женщина!!! И этого вполне достаточно, чтобы остановиться, осмотреться вокруг, спросить себя: «Ты где оказался по пути к своему счастью? Кто сейчас рядом с тобой? Вспомни, о чём ты мечтал? А твоя ли это Судьба? Не изменил ли ты своей?» Вспомни её глаза, запах волос, руки, походку, голос... её незабываемый голос! Это тот голос? Он точно принадлежит ей?

— Не всё совпадает?

— Должно совпадать на сто процентов!

— Недотягивает до ста?

— Дорогой мой, ещё есть время вернуться... Не так много, но пока есть.

Красиво прожить нам отмерено на один-единственный раз! Красиво и в своей мечте.

Всё прочее может быть «на хорошо» и даже «на отлично», но это не то!

Об этом знают немногие. Только те, кто вовремя спохватился... вернулся и испытал... Они могли бы рассказать, чтобы мы поняли, как это важно! Испытать и прожить красиво!

Других не слушай, они лгут! Возможно, сами того не понимая. Всё равно это ложь!

...Что касается нас с вами, дорогой читатель, мы прямо сейчас вернёмся назад, в 80-е, чтобы рассмотреть поближе, как Вене удалось-таки «испортить жизнь» своему лучшему другу, дядьке родному Соломону.

Не могу не порадоваться наперёд: через девять месяцев после той «порчи» у Вени родилась любимая племянница Танюшка. И что примечательно – все были только рады этому подарку!

Глава 10. Роксана

Итак, третью или пятую неделю Соломон медленно умирал в объятиях каменной богини. Кстати, так похожей на Венину знакомую с «Привоза», что между друзьями могло дойти до серьёзных противоречий.

«Надо срочно отвлечь друга от любимого занятия, для его же блага. Забуксовал творческий процесс у финиша, но не стоит же так натурально убиваться на камне», – с беспокойством глядя на Соломона, рассуждал Веня. А он имел на этот счёт своё мнение, и к нему прислушивались творческие личности Одессы. Пусть не совсем скульпторы и художники. Скорее наоборот, но то, что в груди у каждого из них билось пылкое сердце поэта, в этом не стоит сомневаться!

В один из таких меланхолических вечеров, когда камень в очередной раз отверг Соломонову жизнь и остался торчать ледяной глыбой, на пороге мастерской появился Веня. Он торжественно объявил:

— Дорогой мой друг, прости меня босяка за то, что отвлекаю тебя от любимого занятия. Я бы никогда не посмел вмешиваться в ваши отношения с очаровательной «мадам», но этот случай особенный! Упустить его – значит отвергнуть руку Судьбы, благожелательно протянутую нам в самый подходящий момент. Вполне может случиться, что следующий такой момент вернётся в

Одессу не скоро. На эту женщину надо любоваться своими глазами и непременно из первого ряда.

Веня аккуратно достал два билета на премьеру цыганского театра под руководством Николая Сличенко.

Соломон с надеждой покосился на «гордую гречанку», потом медленно обошёл статую по часовой стрелке... постоял в раздумье за спиной и, ему так показалось, уже нащупал недостающую «мелочь» в её облике, но «мелочь» тут же ускользнула прочь.

— Хорошо, едем! – согласился Соломон. «Я уверен, разгадка где-то рядом».

Он и впрямь извёлся, завершая эту работу. «Вздорная тётя!» – так окрестил богиню плодородия за её «скверный» характер весёлый Венька. Измывалась каменная красавица над своим мастером по полной. Искусно замаскировала от художника тайную дверцу. Ту заветную, через которую легко дотянуться до волшебного ларца. Прикоснись – и оживёт гранит! Засветятся любовью глаза гордой гречанки, шевельнётся в руке виноградная гроздь, оживив холодный камень, и нектар горячим потоком устремится к сокровенным уголкам вспыхнувшего неземной страстью совершенного тела. Об этом моменте мечтает Мастер, трудится не покладая рук, приближая счастливый миг созерцания ожившего творения. Веря и не веря, сомневаясь... лишая покоя себя и свою Вселенную... Бесконечная дорога в никуда. «Избранным» удаётся пройти до конца и не заблудиться. И кто рассудит, туда ли пришли «избранные»?

Испепеляя разум, сжигая сердце, шаг за шагом удаляясь от привычного, уютного, надёжного – от того, чем так дорожат люди, – от простого человеческого счастья. На ощупь, наугад, в потёмках, не останавливаясь: вперёд... и только вперёд. Начало пройдено, к нему нет возврата, но ты предрешил и свой конец. Не стоит взывать о помощи – ей неоткуда взяться. Зачем взывать? Таков твой выбор!

Каждый раз начиная с чистого листа, художник рискует остаться ни с чем. Он давно не с нами, он среди них... его окружают прекрасные богини, они из других неведомых нам миров!

— Я жду тебя, Соломон! Ты вернёшься, и мы узнаем нашу с тобой тайну. Соломон обернулся на голос, но всё оставалось по-прежнему неодошевлённым. «Так немудрено и свихнуться!»

— Веня, идём на Сличенко! Утро вечера...

В переднем ряду, в двух шагах от сцены, а фактически в самом центре шумного цыганского хоровода оказались друзья.

Соломон забыл обо всём на свете, когда в центре круга появилась она! Будто сказочная птица опустилась с небес, переливаясь цветастым оперением пёстрых юбок, околдовав зрителей и напрочь сразив бедного Соломона. Жар-птица проплыла над сценой и приземлилась напротив. Взмахнула рукой и приветливо улыбнулась Одессе. Ворвавшийся откуда ни возьмись ветерок восторга с шуршанием прошелестел по залу, выметая прочь из сердец надоевшую суету и бесконечные повседневные хлопоты...

Соломону казалось, что в зале только он и она. И не только в зале – на всей планете! «Она так похожа... но на кого? Ну конечно же!»

«Я Вас умоляю – тут всё как на ладони – это любовь с первого взгляда... при свидетелях», – шептал Веня женщине с букетом хризантем по левую руку от него.

В следующее мгновение вздрогнул и Соломон: он увидел под-сказку. «Рука – вот она разгадка! – воскликнул он. – Она должна коснуться волос! Как же я пропустил это движение... она, она ...» Мысли и слова пёстрой лентой замелькали перед глазами.

Шедевры открываются немногим. Для немногих открыт путь, но этот путь в одну сторону. Ступив на него, они навсегда простятся с покоем. Невозможно через призму скептицизма пытаться разглядеть таинственный мир богов.

«Вера – вот тот ключ, которым открываются железные клетки темниц, поработивших наши души».

Соломон медленно поднялся с кресла и распрямился во весь свой богатырский рост. Он был готов сорваться с места, но

неожиданно встретился взглядом с дамой, сидящей по левую руку от Вени. Судьба (а это была Она) приветливо улыбнулась Соломону. Она внимательно присматривала за своим любимчиком, опасаясь, как бы тот, не дай Бог, ни наделал ошибок и ни сошёл с дистанции раньше времени. Она кивнула в сторону сцены и одними губами шепнула:

— Соломон, это она!

— Я знаю ... — ответил художник. Он и не заметил, как куда-то испарился Веня. Спихватился, когда огромный букет алых роз зашуршал у него на коленях. Другой Венька держал в своей руке.

Роксана (так звали певицу) приветливо улыбнулась друзьям, и тут же воздушный поцелуй коснулся губ Соломона.

Веня схватил товарища под локоть, и Соломону ничего не оставалось, как пойти следом, загораживая от публики Роксану, цыган и седого гитариста, распевającego романсы о любви. Друзья поднялись на сцену. Любознательная Одесса с живым интересом любовалась на интригу, а Судьба, соединив ладони на груди, наблюдала за упитанным амуром. Крылатый сорванец до отказа натянул тетиву на луке, готовый в любую секунду пустить стрелу в благородное сердце художника. Соломон, шаг за шагом приближаясь к Роксане, всё явственней осознал, что в мастерской с виноградной гроздьёй в руке его поджидала греческая богиня, как две капли морской воды похожая на красавицу-цыганку. Он усмехнулся своим мыслям: «Я не удивлюсь, если открою дверь мастерской и с порога услышу цыганский романс в исполнении этой красавицы. Или вдруг запоёт моя гречанка... Стоп, я окончательно запутался. Как такое могло случиться, что я, ни разу не видя, создал её своими руками? Они будто две близняшки! Или это всё-таки одна... и она продолжает смеяться надо мной? Что ж пусть смеётся, это уже не имеет никакого значения. Я нашёл её! Я по уши влюблён! Или это она нашла меня? Пусть так... какая теперь разница?»

Тем временем Веня опередил Соломона и вручил букет первым. Красавица-цыганка приняла розы и передала их седому гитаристу. Потом нежно обняла Веню и чуть было не лишила онемевшего Соломона рассудка, душевно обращаясь не к нему:

«Венечка, родной мой человек, как же я скучала по тебе». Произнося эти слова, она ещё и целовала окаянного Веньку, я извиняюсь, без всякого разбора в его наглую рожу.

Соломон, было, сник, но быстро взял себя в руки, поспешив оправдаться: «И действительно, без Вени грустно не только одесским кралям, цыганским певицам и судье Галочке. Без Вени на белом свете не прожить и Соломону в том числе. Хотя нет – как раз Соломону в первую очередь».

«Вот проходимец, и тут он в шоколаде!» – усмехнулся Соломон, ощутив, как заныло в груди...

...«А это мой друг, учитель и отец родной – мой дядька Великий Соломон», – донеслось сквозь пелену густого тумана до ослепшего с горя Соломона. Он насторожился: «Это о ком речь? Не обо мне ли?» Соломон горько усмехнулся, потом потряхнул львиной гривой, пытаясь вырваться из тесных объятий горького забытья. И вдруг он очнулся в самом центре цыганской ночи.

«Так в пучине морской исчезают корабли. Вспыхивают, а соравшись с небосвода, дотла сгорают звёзды. Так, встретившись, влюблённые навсегда тонут в глазах любимых...»

Сон: звёздный купол-шатёр над головой, жаркий костёр над рыжей рекой, волшебный перезвон гитары семиструнной. Уютная кибитка манит мягкими коврами. Глаза любимой женщины светятся твоим счастьем.

Сон: могучий жеребец и грациозная кобыла нежно подтачивают малыша жеребёнка, пощипывая за нежную холку бархатистыми губами. Обнимаются гибкими шеями и радостно фыркают от избытка родительских чувств.

У костра двое: он и она. Жар от пламени приятно согревает лица влюблённой пары...

«Брат в каждом письме с такой теплотой отзывается о Вас, что я поневоле влюбилась в... его письма. Дорогой, Соломон Яковлевич, нам обязательно надо познакомиться поближе. Надеюсь, Вы не станете возражать и мы встретимся завтра за праздничным столом? А после, с вашего позволения, мы посетим вашу мастерскую?»

Соломон обычно соображал быстро, но в этот раз в груди будто одеревенело. Он не то чтобы возражать, не в состоянии был пошевелиться!

«Стрела! — догадался он. — Ах ты, проказник голожопый, попал-таки».

— Какая стрела, Соломон? — взревел зрительный зал знакомыми голосами.

— Соломон, возьми себя в руки и не смущай Одессу перед красивой барышней. Ты у себя дома, это она в гостях... Это шанс на сто процентов!

...Седой гитарист приятным баритоном вполголоса напевал:

Есть город, который я вижу во сне,
О, если б вы знали, как дорог
У Чёрного моря явившийся мне
В цветущих акациях город,
В цветущих акациях город
У Чёрного моря...

Есть море, в котором я плыл и тонул
И на берег вытащен, к счастью,
Есть воздух, который я в детстве вдохнул
И вдоволь не мог надышаться,
И вдоволь не мог надышаться
У Чёрного моря...

Родная земля, где мой друг молодой
Лежал, обжигаемый боем,
Недаром венок ему свит золотой
И назван мой город героем,
И назван мой город героем
У Чёрного моря...

Хорошо в цыганской ночи, вольно дышится! Соломон понимал: в такую ночь невозможно попасть дважды! Он протянул руку, и тут же в ответ тёплая рука девушки уютно легла на широкую ладонь художника.

Неожиданно для себя заворожённый Соломон тихим, срывающимся голосом прошептал (да так «тихо», что галёрка смакует его речь и по сей день): «Ты родилась в моей мечте... из моей мечты... Я полюбил тебя, не подозревая, что ты есть на белом свете...»

От восторга зрительный зал взревел во второй раз! Бурные аплодисменты, пронзительный свист, одобрителльные возгласы заглушили последние слова... Этот шум окончательно разбудил Соломона.

Сон улетучился, растворился окончательно, а рука девушки никуда не спешила. Она спокойно лежала в его ладони, чуть подрагивая, приятно согревая и как бы подтверждая услышанное. «Брат в каждом письме с такой теплотой отзывался о Вас, что я поневоле влюбилась в его письма»? Роксана стояла напротив – такая родная, влюблённая, счастливая.

А песня лилась и лилась:

А жизнь остаётся прекрасной всегда,
Хоть старишься ты или молод,
Но с каждой весною так тянет меня
В Одессу – мой солнечный город,
В Одессу – мой солнечный город
У Чёрного моря...
У Чёрного моря...

И только два человека на переднем ряду заговорщически улыбались, любуясь на красивую пару. Конечно же, это были Веня и прекрасная дама с вуалью на лице.

— Интрига удалась? — спросила дама.

— Интрига удалась на славу! — подтвердил довольный Венька.

Великий Соломон объяснился в любви на глазах у всей Одессы. Одесса аплодировала стоя!

Всю ночь в бокалах пенилось шампанское, по звёздному небу летали птицы счастья, а на Французском бульваре до самого утра слышались цыганские романсы под аккомпанемент семиструнной гитары...

Глава 11. Одесса

Володька очнулся под утро. Боли он не чувствовал, его сердце кричало от горя. «Это ж надо! Все мечты, все планы – в один момент насмарку!»

Он открыл глаза и увидел Анютку. Она лежала рядом, по-детски доверчиво уткнувшись ему в плечо, и тихонько вздрагивала во сне. Володину руку девушка обхватила своими, крепко прижимая к груди.

— Что я натворил? — застонал Володя.

— Делай, что должен... — донеслось из той ночи.

«А могло быть по-другому? — спросил и сам же ответил: — Не могло! Подставился вот только, но это дело... шестое. Анютка цела – это главное! Бог даст, обойдётся. Прорвёмся – где наша не пропадала», – вспомнил любимое выражение отца.

— Всё верно, никаких сомнений! Ты сделал первый шаг – не свернул, не струсил, не попятился. Я за тебя рада.

Володя узнал этот голос. Он осторожно повернулся к окну и увидел Её. Она стояла спокойная, уверенная и... светилась изнутри, переливаясь в лучах утреннего солнца. От Неё исходила такая сила, такой свет! Казалось, мощь двух стихий – сила моря и солнца – свободно уживались в этой женщине. Её платье сияло ослепительной белизной. Оно только что напоминало живую волну, а в следующее мгновение излучало разноцветную радугу.

— Она прекрасна! — шептал ученик Мастера — любимчик её любимчика...

Судьба приблизилась к изголовью кровати, нагнулась и нежно поцеловала сначала Володю, потом Анютку.

— Я не ошиблась, выбрав тебя. Не сомневайся в любимых людях. Доверься мне, верь Соломону. Дойди до конца... Дойди и во что бы то ни стало вернись! Одесса не покинет тебя – ни в этой жизни, ни в какой другой. А сейчас пора в дорогу! Зло почти у порога.

Неделя минула после той встречи. Володя – на верхней полке плацкартного вагона, под монотонный стук колёс – уез-

жал совсем в другую сторону, в противоположную от своей мечты. Пройдёт не один год, прежде чем он вернётся из своего «похода»...

«А не случись этой разлуки... каким бы шалопаем я вырос? Моя великодушная Судьба, я благодарен тебе за науку, за возможность ощутить себя человеком». Но это будет потом...

В подкладке «натовской» куртки маминой рукой аккуратно зашиты адреса надёжных людей. Отец так и сказал на прощанье: «Им можно доверить жизнь. Это люди чести. На них объявлена охота, но им удалось уцелеть. Они для того и живут, чтобы защищать таких, как ты, сынок. Не перевелись на Руси Степаны да Марьи! А этот адрес выучи наизусть, он самый верный. Перво-наперво доберись до казаков, с атаманом повидайся – он меня помнит. Недавно весточку из тех краёв получил. Казаки в беде не оставят. На словах передашь привет от меня. До земли поклонись, без креста порог не переступай! Молись, сынок! Господь в беде не оставит. И мы будем молиться. И ещё – научись своих узнавать с первого взгляда, потому что надо... с первого»...

Два слова о тех, столичных, и о местном с «генеральским» лицом. Столичные оказались сыночками милицейских начальников – новоиспечёнными, но милиционерами. Приехали всей компанией в Одессу, в гости к однокурснику, к сыну начальника одесской милиции.

За ними прилетел «серебряный борт» и деток бережно доставили в институт Скифосовского. В институте покалеченных милиционеров поджидала бригада лучших докторов. Им правили головы, распрямляли шеи, вставляли позвонки, гипсовали руки, ноги, сшивали разорванные сухожилия и связки.

Медики не могли взять в толк: как такое возможно, чтобы один «одесский хулиган» сумел так профессионально изуродовать компанию тренированных милиционеров, не оставив никаких шансов на полное выздоровление?

На первый взгляд, молодые люди напоминали вполне нормальных, но стоило в коридорах стационара появиться случай-

ной парочке – и тут же милиционеры с криком «банзай» кидались врассыпную. Они забивались в самые тёмные закоулки подсобных помещений. Отыскать их для очередного укола или перевязки было совсем не просто.

Анатолий Кашпировский только плечами пожимал, а на вопросы «грозных» родителей отвечал примерно так: «Ищите одесского Самурая. Наверняка он знает секрет, как ваших деток вернуть к нормальной жизни. Какой-никакой, а шанс остаётся, хотя...» – и спрятав улыбку, спешил в тренажерный зал, чтобы хоть как-то приблизиться к пониманию «секрета».

С одесским здоровьем вышло куда как сложнее. Володя, теряя сознание и контроль, не рассчитал силу и сокрушительным ударом вдребезги разбил стержень, которым здоровяк упирался в каменную мостовую. Не стало стержня – и человек превратился в тряпичную куклу.

Милицейские папы поклялись найти ненавистного «самурая», чего бы им это ни стоило и отомстить за своих чад. Но одно дело – клясться на крови там, в столицах, и совсем другое – исполнить клятву здесь, в Сибири.

Сибирь жила, живёт и, дай Бог, будет жить дальше по своим законам. Со стороны посмотреть, вроде всё как у всех. Но мы-то знаем: в Сибири всегда будут искать убежище те, на кого объявлена охота. Здесь дают приют тем, кто не испугался «флажков и попёр на картечь».

У нас своя правда: глаза у нашей правды небесно-голубого цвета, гуляет она вольно, а косы по земле стелются. Любит она не по чьей-то воле, но по своему сердцу. Хороших людей приветчает, а плохие у нас долго не засиживаются. Володя держал путь к хорошим, потому и укрыл Господь от дурного глаза.

От селения к селению, от надёжных людей к надёжным шёл Володька. Познавая секреты народного ремесла, совершенствуясь в резьбе, мастера любимые маски, разучивая, слушая и запоминая сказки, легенды, были и небыли. И молился, как учил отец и хотела душа.

Многое повидал Володя, многое переосмыслил. Не пропало время разлучное даром: слетела с глаз пелена, свет поселился в сердце. От Тихого океана до Ледовитого, от тундры до Байкала – вдоль и поперёк – исходил парень Землю Сибирскую – тайгу безбрежную.

Он понял, почему «умер, но остался жить». Всё лишнее, непригодное для честной жизни впитала Земля Сибирская. Развелись сомнения, пропала суета... «притормозило» время, поджидая хорошего человека для красивой жизни.

Не покидал Володьку и парусник. То тут, то там приветствовал белоснежными парусами, ни на минуту не позволял засомневаться в Судьбе.

Невзгоды закалили характер, любопытство и трудолюбие отшлифовало мастерство. «Лишнее» навсегда сгнуло. Своих от чужих навскидку различать научился. Любовь родилась истинная ко всему настоящему, год от года её прибывало. Много накопилось. С ней и возвращается в родную Одессу, чтобы отдать всю без остатка дорогим людям.

— Я понял! — кричал Володька в ночное небо.

— Я знаю! — отвечало небо голосом знакомой женщины.

Эпилог

Начальника одесской милиции заменил другой начальник. Управа в один из тихих вечеров вспыхнула жарким пламенем. И что примечательно: сгорели дотла все дела, заведённые прежним начальником на влюблённые одесские парочки.

— И что же дальше? – спросите Вы.

...Команда поджидала на «Галатее». Сегодня вечером парусник с белыми, как чайка, парусами отчалит от одесского берега и возьмёт курс на Землю обетованную.

Израиль заждался дорогих гостей. Рисковать не будем. Родина безнадежно больна нелюбовью ко всему прекрасному. В стране объявлена охота на смелых и честных людей: на тех, кто не трусил и «прёт на флажки и картечь». Болезнь заразная – лечению не подлежит. Остаётся только молиться...

Десять лет промелькнули как один день – десять лет растянулись на три века...

Поезд остановился у перрона. Одесса! Соломон оглянулся на ученика. В тамбуре стоял крепкий мужчина – сибиряк с глазами счастливого одессита. Ещё один сын вернулся домой, в «Одессу – мой солнечный город»!

Ученик вырос, возмужал, доказал, что мужчина.

Дверь распахнулась. Морской воздух хлынул внутрь вагона – до хрипоты сдавил лёгкие. Сердце захлебнулось и остановилось от восторга. «Я дома!» – кричало сердце.

Володя спрыгнул на перрон и сразу оказался в жарких объятиях Одессы. Смех, слёзы, вопросы... писк и снова объятия... поцелуи... Это ли не вселенское счастье!!!

Анютка стояла под ручку с Володиной «копией». Сыну пошёл десятый годок!

«Похож! Я похож на него!» – вспомнил с детства знакомую фразу счастливый отец. Рядом, обняв за коленки Валентину Ивановну, из последних сил сопротивляясь, чтобы не расплакаться от волнения познакомиться с папой Вовой (и срочно поведать ему «большой девчоночий секрет»), переминалась с ноги на ногу ещё одна «копия».

«Анютка номер два! А глаза мои! Похожа!» Володя подхватил дочь, приподнял над головой и расцеловал в завитушки у виска. А дочка обхватила ручонками шею папы Вовы и скороговоркой шептала на ушко самое сокровенное...

— Ага, я понял, это секрет! – заговорщически, ещё крепче прижимаясь друг к другу, шептались дочь и отец. — Ну, Анютка, с тобой разве можно соблюсти конспирацию? — смеялся счастливый Володя.

Смех подхватили все, кто был рядом: друзья, родственники, знакомые и просто одесситы.

Потом Володя обнимал всех по очереди. Сначала бабу Аню – дождалась любимого внука. Всё хорошо, только тросточка «смущалась» в беспокойных руках помолодевшей от счастья бабули.

Отец и мама держались стойко, из последних сил – как подобает советским пограничникам.

Мама слегка поседела, но седина её только красила. Отец тоже молодцом! Сгрёб сынулю в охапку, чутко промочив ворот рубашки счастливой отцовской слезой.

«Силён батька и мамочка слава Богу! Дождались, встретились!»

Соломон и Роксана стояли рядом – красивые счастливые. Этот факт не скрыть от внимательной Одессы.

Судья Галочка преобразилась в шикарную кралю. Они с Веней держались вместе. На руках у каждого из них трепыхались, выкручиваясь из пелёнок, по голосистому цыганёнку. У Гали кучерявый Ромка, а у Вени куколка по имени Роза. Старший, Кирилл, сторожил «Галатею» – не глушил мотор. Всё было готово к новому «походу».

Так закончилась эта история и началась новая! История, о которой так мечтали Соломон, Володька и их строгий, но справедливый союзник – красивая женщина по имени Судьба!

У горизонта парусник запыхал закатным солнцем и белые, как чайка, паруса окрасились в оранжевый. Сгорал последний цветок из скромного букета хризантем. На причале Володя увидел Её! Одинокая знакомая фигура. Она смотрела в его сторону.

«Пришла проститься. Не поехала. Не значит ли это... что и нам суждено вернуться?»

«Прощай, Одесса! Конечно, я вернусь! В этой жизни или в какой другой. Ты только дождись!»

Седой гитарист легонько перебирал струны потемневшей гитары и грустно напевал:

А жизнь остаётся прекрасной всегда,
Хоть старишься ты или молод,
Но с каждой весною так тянет меня
В Одессу – мой солнечный город,
В Одессу – мой солнечный город
У Чёрного моря...
У Чёрного моря...

Миниатюры, эссе, новеллы

Мы помним тебя, Адмирал

Вспомнилась эта легенда. В Сибири её с оглядкой передавали из уст в уста, от человека к человеку. Потом прочитал рассказ-двойник. Речь в нём шла о золоте Колчака. Будто оно и сейчас покоится на дне таёжного озера. Хранителем «золотой» тайны Колчак лично назначил белогвардейского офицера. Тот поклялся: дал слово Адмиралу, что сохранит тайну и, если понадобится, унесёт её с собой.

Шли годы. Офицер жил в тайге один. Молодой, здоровый, красивый, умный... преданный.

Золото – вот оно: нырни меж белых кувшинок – и оно твоё, жизнь обеспечена до старости. Адмирал казнён, соратники расстреляны, другие тоже канули в небытие.

Слово офицера! Жизнь обретает иной смысл, когда за спиной твой народ. Офицер присягает один раз и на все времена!

Капитан неукоснительно выполнял клятву, данную Адмиралу: «Сохранить тайну во что бы то ни стало. Для России сберечь клад! Жди, капитан, за тобой обязательно придут».

Однажды в тайге офицер повстречал девушку. Они влюбились с первого взгляда. Стали жить вместе, оберегая своё счастье, нежно заботясь друг о друге. Родился сынок. Жили скромно, счастливо, в согласии с Богом, с природой и с самими собой. Охотились и рыбачили на могучей реке, а дом возвели на берегу сказочного озера. Над головой небо чистое, вокруг тайга дремучая, рядом звери и птицы, сердца в любви радуются.

Сын богатырём вырос, жена в богиню превратилась. Любовь пришла однажды и поселилась навсегда. Уютно ей с достойными людьми под одной крышей жить.

В тайге люди не стареют. Они чувствуют, что пора, и уходят – незаметно и спокойно, уверенные, что там их тоже ждут.

С утра наш капитан истопил баньку, попарился, надел офицерский китель, портупёю, начистил хромовые сапоги, встал в лодку и поплыл на пороги...

Жена и сын заколотили окна дома, подпёрли жердочкой дверь и покинули дорогие сердцу места...

Ходят слухи, что иногда в том доме из трубы поднимается дым, а в окнах мерцает огонёк. Но даже не пытайтесь! Вам никто никогда не укажет дорогу к сказочному таёжному озеру...

Жара

На работу в Иркутск приходится ездить за 100 вёрст. Лето, живём на даче.

В коллективе всё больше «бывшие»: офицеры разных ведомств – от армейских до силовиков. Хотя офицеров бывших не бывает. Это особое братство, но об этом лучше среди своих...

Сегодня выехал пораньше. Туман, кое-как – на ощупь – продрался до Иркутска. Город тоже «молоком» залит. В такую погоду на берегу с удочкой скучать, а не рисковать почём зря.

Сразу за Китайским мостом, у самой обочины, «пытит» позная – «У Тиграна» называется. В этом месте туман расплзся и клочьями повис над дорогой, оголив небольшой её участок. Ещё издали я заприметил что-то неладное впереди. Когда подъехал вплотную – от увиденного встал как вкопанный. Посреди скоростной магистрали дрались кот с собакой. Бились насмерть!

Машины прибывали и прибывали – не проехать, автострада перекрыта! Клубок рыже-чёрного цвета катался по дороге – подпрыгивал, рычал, шипел, оставляя кровавые пятна на асфальте.

Рыжий котяра с золотистым гребнем по загривку не отступал ни на шаг... Было видно, что кот никогда не знал домашнего уюта, не был чьим-то любимчиком. Пёс казался упитанным, шерсть на боках лоснилась и чёрными кудрями спадала к земле. Он сражался за «позную» – за случайный огрызок теста – за то, чтобы не подохнуть с голоду в этом жадном мире обжор. Дрался, как в последний раз, искренне удивлялся: «Надо же! Кот – и ни шагу назад!»

Толпа не выспавшихся водил тупо наблюдала за дракой, забыв о том, что спешили пораньше на «Балку» (авторынок в Иркутске), успеть застолбить место побойчей...

Жестокая схватка двух отважных животных, их презрение смерти и всего, что их окружало, всколыхнуло в груди у каждого из наблюдавших что-то подзабытое... почти утерянное. Само собой родился вопрос: не так ли и нам надо отстаивать свою правоту? Не подменили ли нам истинные понятия человеческого счастья на каждодневный (унизительный) поиск «случайного огрызка теста»?

Кот увернулся от страшных клыков пса, выгнулся дугой и молнией метнулся на морду собаки. Мёртвой хваткой вцепился то ли в нос, то ли в глаза, то ли одновременно в то и другое. Собака завертелась юлой, пытаясь стряхнуть на землю рыжую беситию. Жуткая боль парализовала отвагу. Визг, скулёж, паника...

Один мужчина не выдержал и бросился, было, спасать. Но кого спасать? Не понятно! Остановился в замешательстве – видеть, представив кота у себя на лысине – и, крикнув с досады, полез за сигаретой.

Кот, поняв, что победил окончательно, опомнился и выпустил несчастную собаку из железных когтей. Та ошалело кинулась сначала в одну сторону, затем в другую, потом, запинаясь, покатила в кювет и, сгорбившись, посеменила в сторону леса, проклиная на ходу всех без разбора: и котов, и собак, и людей, и... свою несчастную судьбу.

А кот, гордо расправив крепкие худые плечи и недобро покосившись на лысого, презрительно плюнул под ноги и, свечой задрав помятый хвост, прихрамывая, направился к камышам.

Нам показалось, что мы разобрали его слова: «Мы, коты, больше не боимся собак. Надоело! Мы умней, ловчей и отважней этих злобных, услужливых тварей! И вы, люди, запомните – это только начало! Мы идём к вам – Коты и Жара!» – шипел Рыжий, ухмыляясь в жёсткие усы.

Это было как в кино! Мы, как истуканы, молча смотрели вслед рыжему исполину.

А он медленно удалялся прочь, мягко ступая, будто скользя по незаметной тропинке, и вскоре растворился в камышах. Я успел рассмотреть, как «ожили» камыши, в приветствии задрожав десятками хвостов. Будто казачья сотня вскинула пики, приветствуя своего атамана. Коты окружили жожака, «ударили по лапам» и гибкой вереницей, похожей на пёструю ленту, ушли в туман.

Мы очнулись – откашлялись и, шаркая подошвами, привычно юркнули в свои авто. Что-то тревожное... подозрительное, леденящее ворохнулось под сердцем. Мы что-то пропустили... проглядели? Это «что-то» нас презирает? Оно живёт... выживает, умнеет, действует вдали от нас? Не нуждается в нас? Не замечает? Оно уже протоптало свою тропинку – пока только тропинку – и пока... в стороне от Московского тракта...

А пёс облизнул кровь с расквашенного носа, потрогал подбитый глаз, тряхнул «богатой шубой» – столько зим спасавшей его от студёных морозов – ухмыльнулся и радостно взвизгнул по-щенячьи: «Дождались! Ну, Рыжий, молодец! Выжил! Вернулся!».

Пёс уютно растянулся под берёзой и припомнил, как в мокрое осеннее утро из богатой машины холёная дамская ручка брезгливо вышвырнула перепуганный рыжий комочек в глубокий ров, прорытый вдоль Московского тракта. В открытую дверцу была видна спящая девочка лет четырёх-пяти. Она прижимала к груди мохеровую шапочку, в которой только что, скрутившись в калачик, беззаботно спал её любимый Рыжик. Девочка и не подозревала, что беда уже заглянула в её доброе сердечко.

Котёнка подхватила Рысь. «Думал, всё, конец! Потом успокоился. Не порвала, не задавила сразу, подняла бережно, будто в семью приняла. Может, своих детишек прокараулила, и к этому несчастному любовь материнскую обратила... А может, его караулила? За ним пришла, заранее? Знала! Мало ли...Надо ждать ... Старики предсказывали: «Придёт Рыжий и Жара»... Завтра?.. Нееет, прямо сейчас, пока след живой, не остыл... К нему, к Рыжему, на мировую! Мы тут все убогими прикидывались. Надо было – мы и прикидывались.

Ну, Рыжий! Ну, Силища! Дождались...»

Родная кровь

— Вы позволите?

На скамейку рядом опустился мужчина. Сидим на набережной Ангары, дышим свежим воздухом, каждый занят своими мыслями.

Слева невдалеке видна плотина, напоминающая гребёнку для волос, воткнутую впопыхах куда попало.

Внизу на воде, у самого берега, стаи разномастных уток. Они усердно копошатся в водорослях, густым ковром покрывающих узкую полосу мелководья.

Тёплое солнышко припекает лицо и макушку. Ни малейшего желания пошевелить хотя бы пальцем.

«Кемарю», – так бы сказал отец на моём месте.

А сколько красивых женщин! Примечательный факт – чем дольше живёшь, тем их становится всё больше и больше.

Я глянул в сторону незнакомца. Невероятно, будто в зеркало посмотрелся!

— Копия! — вырвалось у меня.

— Скорее оригинал! — констатировал незнакомец.

— Не понял?

— Вы почти угадали с «копией». Только копия – это Вы уважаемый. Я – если быть точным – наш «оригинал»! И живу я, в основ-

ном, там (он ткнул пальцем в направлении одинокого облака). Это вам досталось, простите за прямоту, «говёшки» на травке пинать.

— Ну, это Вы чересчур, с «говёшками-то»...Погорячились... — возмутился я.

— Да уж как есть – ни больше ни меньше.

Я, было, опешил, но быстро взял себя в руки и приготовился дать достойный отпор случайному «грубияну». Напрягся, как...

А он:

— Ойии... не надо. У тебя... то есть у Вас в данный момент одна-единственная извилина пульсирует, и та не понять, куда нацелена. Озвучить?

Я растерялся.

«Он кто такой... блин? Может, встречались раньше? Вряд ли. Тут что-то другое. Но что? Попробуй сразу сообрази».

А он снова:

— Слушай, давай на «ты»? Ну, повезло тебе – согласишься – при жизни со мной пообщаться. А всё мысли твои – будь они неладны. На небесах меня достаёшь, от важных дел отвлекаешь, вынуждаешь рисковать, устав нарушать Вселенский.

— Ты что, брательником мне приходишься? — с ехидцей поинтересовался я.

— Допустим... с натяжкой, конечно. Зеркальное отражение... голографический эффект... Двойник твой, только наоборот – весь из положительного состою. Понял?

— Типа Ангел?

— Пусть так, если тебе легче для восприятия. Ты лучше объясни мне, чего ты на них палишься... ноздри раздуваешь, как жеребец? Ни одну юбку не пропустишь. Хондроз свой лучше пощади! Не ровен час хрястнут позвонки – и всё, труба! Не молодой, уймись уже...

Я аж подпрыгнул от такого разворота:

— Ты на себя-то посмотри, воспитатель... распустил нюни...

И вдруг меня осенило:

— А ты случайно не того – не с Патриарших на Гагарина переместился?

Он расхохотался, прихлопывая рукой по колену:

— Да иди ты, нашёл «консультанта» по вечным проблемам – добро, зло – не смеши меня!

Давай лучше выясним – раз и навсегда – что для тебя есть цель на грешной земле? Жизнь у тебя под бугорок устремилась. Пора готовиться порядок после себя оставить, чтобы потомки с уважением вспоминали. Мы там – среди своих – всё больше о вечном рассуждаем. Отпросился вот у старшого на сегодня с тобой потолковать, чтобы знать, к чему готовиться. Больше-то не увидимся, у нас не принято. Сам тут разбирайся... надо успеть.

Я внимательно посмотрел в его ясные очи и понял, не договаривает что-то родственник. Покаяюсь, решил, чего уж там – не чужие поди...

— Ладно, коль время в обрез, слушай! Я не знаю, что со мной происходит. Какой год мыкаюсь без своей Анюты – один-единёшенек на всём белом свете. Думал, заledenело нутро, выдохся, нет там ничего боле... А оно вона как повернулось! Приспичило меня отцом себя почувствовать. Дитя малое хочу – доченьку с косичками. Хоть тресни пополам! Ничего с собой поделывать не могу. Созрел видать – с опозданием – для этой роли-обязанности. Вот ты умный. Объясни мне дураку приземлённому, что со мной творится? Не пацан – в крепких годах, правда – дед, слава Богу! А вот не могу совладать с собой. Хочу дочку – и баста!

— Тогда понятно (это он мне), а то я от твоей «дури» благородной совсем покоя лишился. Слава Тебе, Господи! Извёлся за тебя, думал с «катушек» летишь, а ты ишь каким «гусем» оказался! Молоток! Коли так, слушай и запоминай! Присмотрел я тебе девицу в нашем с тобой вкусе. Отвечаю! Только она среди наших обитает, всё больше с «крылатыми» общается. Там мы друг другу без надобности... в этом смысле... Ты понял ... На земле проще. Встречу я организую. Ты же смотри не оплошай! Хорошая она, я давно наблюдаю за её «оригиналом». Между нами – мечтал породниться. У нас – там – не принято детишек планировать. Мы за вас молимся. Ну и, как ты понимаешь, всё, что с тобой тут происходит – и то, что ты жив, и с мозгами у тебя порядок, – моя заслуга. Даже не спорь!

— А я, братушка, и не спору. Вот только за «говёшки» обидно. Это что же получается – все мои земные «достижения» коту под хвост?

Он в хохот и со скамейки чуть не свалился.

— Это я весь на нервах был. Посуди сам – пока добрался, пока тебя разыскал... Извини, родной, не держи зла. Пора прощаться – теперь уж навсегда!

Мы обнялись. Я почувствовал, что наши сердца застучали в унисон.

А он мне в сторону плотины кивает:

— А вон и она идёт! Давай, брат, не упusti наше счастье. Смотри – не обижай её! Помни – мы там, на небесах, скучаем... и немного завидуем вам.

Резко развернулся и устремился навстречу нашей с ним Судьбе. Поравнялся, пропустил, посмотрел вслед и – совсем по-земному – подмигнул левым глазом. Потом высоко задрал кулак с оттопыренным большим пальцем над её головой. Вышло душевно!..

Мы шли навстречу друг другу и улыбались... А у меня было такое ощущение, что мой небесный брат гостил на земле не один день.

Родная кровь! Молодец, что не оставил, спасибо, что укрепил... Я не упущу! Отвечаю!..

Маргарита

Не усмотрел Хозяин светлой стороны Мира за судьбой хороших людей – тут как тут, с тёмной стороны подмога подоспела.

У них «там» всё до мелочей продумано и отлажено. Но опять же – не всем эта поддержка полагается.

Присматриваются оба Философа, внимательно наблюдают за нами. Помощники ихние исправно свои записи ведут: ни одной мысли, ни одного проступка без внимания. Читают нас, как журнал «Огонёк», и только посмеиваются, когда мы, наивные,

глумимся над их подсказками, дельные советы отвергаем, гордыню демонстрируя. Вот где корень зла, а из него наши проблемы ростки пускают.

Не жёлтый букетик хризантем, брошенный на мостовую, не вопрос Маргариты «нравится... не нравится» поразил Мастера. Крик о помощи услышал Посланник в умирающем сердце прекрасной женщины, свою судьбу разглядел под «чёрной вуалью». С этого момента их жизни перестали принадлежать одному Философу, да и принадлежали ли... одному? Но именно Он, Хозяин второй половины Мира, отыскал их в уютной комнатке у горящего камина. Он не спешил... позволил самим сделать выбор:

— либо с толпой в безликую сущность атеистического бытия, на поругание;

— либо в омут с головой, в бесконечное путешествие с любимым, на вечные времена.

Во имя любви Маргарита и Мастер ушли от бессмысленной суеты под нелепым названием «долг», а по сути «обман и унижение».

Мало среди нас тех, на кого небеса имеют свой интерес. Эти немногие не состоят в жиловариществах, не являются членами «моссолитов», на них не распространяется власть грозных контор, они не подчиняются ни царям, ни императорам. Они свободны от нас.

Они приходят, чтобы убедиться воочию, насколько нас испортил «квартирный вопрос»? И глазами Мастера в незыблемом прошлом разглядеть пороки настоящего и, воспользовавшись шансом, вымолить прощение для «добрых людей».

Трусость и предательство – вот пороки, которые лишают нас ощущения любви – возможности разглядеть её за «чёрной вуалью».

Они приходят в наш мир не для решения «квартирного вопроса». Они приходят, чтобы, однажды встретившись, никогда не расставаться. Ни на Земле, ни на Небесах.

А Философы всех Миров внимательно следят за тем, чтобы с Маргаритой и Мастером не приключилось беды...

Мастер

У истока любого дела стоит Мастер!

Будь то созидание и мобилизация творческого потенциала человечества, в первом случае. Разрушение и вовлечение людских масс в процесс самоуничтожения и деградации, во втором.

Без мастера невозможно определить грани этих, казалось бы, взаимоисключающих направлений.

Отнюдь, не имея истинных представлений о том, что за чем движется, легко замедлить и даже остановить, а в некоторых случаях повернуть вспять то вечное, строго последовательное, не подлежащее изменению:

- течение реки времени,
- вращение колеса событий.

Рука подмастерья не ведает, что творит! «Скажи, брат, своё слово. Старое устало... Скажи, как когда-то сказал я!»

«Сохрани Истину в правде, не позволяй разрушить её красивым песням льстеца».

«Остановись сам и помешай другим тормозить и перегонять, мутить и перенаправлять вспять воды реки времени».

Торжествует Иуда, а Он в сотый (тысячный) раз подымается на гору принять смерть мучительную, за нас неблагодарных, сомневающих. За тех, кто слышит и молчит, видит и отрицает. Ложь порождает ложь! И так повсеместно: довольный Иуда, столб на горе, и Он с крестом на спине...

Забыли, что сказано раньше? «Не с добром Я пришёл и миром, но с мечом и войной на землю!»

Не услышать, не принять, не пытаться измениться... На гору с крестом подгоняем. В темноте живём, на чужих идолах молимся.

Велико Его терпение, но и ему приходит конец. И не факт, что за концом последует начало.

Наступит день – и полетят головы. За предательство и равнодушие. И вряд ли осталось время одуматься... замолить и вымолить...

«Зачем мы тут? В чём смысл всего сущего на земле»? Не знаем, не пытаемся узнать, не учимся... летать...

А намерения Его известны – они наверху. Освободить сердца ото лжи и скверны, от согласия и равнодушия, от гордыни и алчности.

Однажды усомнились... притормозили... Смешали правду с Иудиной подсказкой, руки кровью окропили, истину предали... испугались!

Близится час расплаты. Меч вознесён. Упущен шанс. Глупо надеяться на любовь, если платил изменой чёрной да лестью океанной...

И вот является Мастер! Он точно знает, что следует за чем, не перепутает, ни с кем не станет советоваться. Он исполнит волю Учителя точно и в срок. Его сердце излучает любовь, его голос взывает к справедливости. Он приходит объявить, что минул час покаяния. Колесо и река достигли той отметки – после неё не повернуть, не притормозить, не изменить...

Меч вознесён. Взмах – и вечная темнота!

«Человек, ты заслужил забвения! В этот раз не вернуться...»

Закон на земле был, вспомнить бы и применять повсеместно: «Обманул кого – и жизнь твоя безрадостной предстанет и короткой, как у Иуды».

Вспомнить, что было сказано раньше: «Не с добром Я пришёл и миром, но с мечом и войной на землю».

Золотая рыбка

Жили-были дед да баба... У самого синего моря. Хорошо жили. Баба ворчала на деда, ворчала: «Поймай золотую рыбку да поймай золотую рыбку».

Дед взял и поймал...

Сидят дед и баба за столом, смотрят на рыбку, смотрят... Рыбке надоело ждать, она встала и пошла. Спустилась в подвал, достала кувшин с молоком, крынку со сметаной и литровую банку с малиновым вареньем. Сметану перемешала с малиновым вареньем и вернулась назад.

Подтолкнула бабу на край лавки, деду подзатыльник отвесила. Потом придвинула горку блинов к себе и так ловко принялась с ними управляться... Дед и бабу залюбовались на свою рыбку и только успевали подбадривать, радостно кивая после очередного исчезнувшего в широкой пасти блина.

А рыбка повторяла и повторяла слова знакомой с детства сказки: «Жили-были дед да баба... у самого синего моря...»

Хорошо жили... Так нет же... понадобилась им золотая рыбка. Дед смотрел, смотрел... слушал, слушал ... Потом плюнул – добавил пару ласковых для бабу и рыбки – и поплёлся спать под лодку.

Бабу попыталась проскользнуть под шумок на печку, но под недобрый взгляд помутневших рыбьих глаз, вся съежилась и горбатенько посеменила на сеновал...

Каштан над городом цветёт

Чем дальше мы живём на белом свете, тем трудней и трудней нам вспомнить своё лицо, настоящее. Мы так тщательно маскировали его от окружающих, что окончательно запутались и забыли, которое из них наше. С годами на каждый случай запаслись подходящим. Бывает, ошибаемся – и не туда приходим не с тем. Вот, говорят, показал своё истинное лицо. А ты бы и рад, да где его взять? Какое оно? Кто напомним?

По земле ходят маски: рты подшиты, глаза прикрыты, уши поджаты. Чтобы помочь нам вспомнить, нужен кто-то, кто никогда не забывал о нас. Пусть смешных, наивных, но умеющих мечтать – один на один со своим настоящим лицом.

При Его появлении успокаиваются сердца, возвращается память, оживают мечты. Мы видим родителей молодыми, мы вспоминаем, что мы другие – добрые, чистые. Кто готов принять нас такими, какие мы есть на самом деле? Кто узнает нас под маской среди тысячи масок и укажет дорогу к себе самому?

Это Он! К нему не придёшь в маске. Он ждёт нас, чтобы вразумить и поставить на путь Истины. Почему же мы так упираемся? Научились мастерить красивые маски? Мечтаем проскочить мимо? Не получится! Сначала придётся покаяться, а уж потом к Нему на разговор...

Вспомнить всё. И того бедного котёнка на сыром асфальте, что ты с брезгливым видом перешагнул у своего подъезда. А он жалкий, голодный, мокрый из последних сил старался понравиться тебе, очаровать своим чистым сердцем. Перешагнул? А он умер, как только ты с чашечкой ароматного кофе устроился в уютном тёплом кресле перед крутой «плазмой». Они все умирают, стоит только перешагнуть. Те, о кого не хочется пачкать ухоженные руки, с кем стыдно показаться и не престижно дружить на людях... Все!

В далёкие восьмидесятые я гостил у друга в Одессе. Однажды в скверике напротив театра, где всегда многолюдно, народ замер и, как по команде, повернул головы в одну сторону.

Мимо нас проходила женщина – монашка, на вид лет сорока, одета скромно, но с каким-то непостижимым «шиком». В длинном светло-сером закрытом платье из тонкой ткани, на голове того же цвета платочек, на ногах мягкие туфельки, в руках узелок.

Запомнилась и фигура: стройная, гибкая, сильная... и стремительная, мягкая поступь. Она не шла, а легко плыла по аллее, не касаясь мостовой, и с интересом разглядывала всех, кто попадался навстречу. Будто спрашивала нас: «Люди добрые, как вам живётся без Бога? Не страшно?»

Наши глаза встретились. Я не мог отвести взгляд, и не было сил моргнуть. Смотрел и смотрел в её голубые, невероятной глубины глаза.

Когда она скрылась из виду, ни один мужчина не осмелился криво ухмыльнуться ей вслед. Мы по-доброму улынулись друг другу и разошлись кто куда, ещё не осознавая, что это на всю жизнь...

Шли годы. Я повзрослел, много чего повидал. А совсем недавно как осенило: на одесской знакомой монашке не было маски. Она ей была ни к чему...



**Анатолий
Жилкин**

БЕДА, КОГДА В ПОЛЕ ЛЕБЕДА

Книга напечатана в авторской редакции.

Формат: 148х210 мм.

Гарнитура: «Franklin Gothic Book».

Печать цифровая.